

Правительство
Курганской
области

КУРГАНСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ
МУЗЕЙНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

Курганский
государственный
университет

1825

1975

2025

ИСТОРИЯ. СИБИРЬ. ДЕКАБРИСТЫ

ISBN 978-5-4217-0733-2

9 785421 707332

Курганский
государственный
университет

Библиотечно-издательский
центр

65-48-12

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 200-летию со дня выступления на Сенатской площади
и 50-летию со дня открытия курганского Дома-музея декабристов

Курган, 16-17 октября 2025 г.

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
Основано в 1866 г.

РОССИЙСКОЕ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ИСТОРИЯ.РФ

ДОМ-МУЗЕЙ
ДЕКАБРИСТОВ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»
Управление культуры Курганской области
ГАУК «Курганское областное музейное объединение»
Российское историческое общество
Российское военно-историческое общество

ИСТОРИЯ. СИБИРЬ. ДЕКАБРИСТЫ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 200-летию со дня выступления на Сенатской площади и
50-летию со дня открытия курганского Дома-музея декабристов
Курган, 16–17 октября 2025 г.

Курган 2025

УДК 94(571.1/.5)(063)

ББК 63.3(2)4лО

И 90

История. Сибирь. Декабристы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня выступления на Сенатской площади и 50-летию со дня открытия курганского Дома-музея декабристов (Курган, 16–17 октября 2025 г.) / под ред. Д. Н. Маслюженко (отв. ред.), Е. А. Вьюговой. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2025. – 114 с.

Печатается по решению научно-технического совета Курганского государственного университета

Рецензенты:

Почекаев Р. Ю., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге;

Суворова Н. Г., кандидат исторических наук, заведующий отделом краеведческих исследований, Омский государственный историко-краеведческий музей.

Настоящее издание представляет сборник докладов участников Всероссийской научно-практической конференции «История. Сибирь. Декабристы», посвященной 200-летию со дня выступления на Сенатской площади и 50-летию со дня открытия курганского Дома-музея декабристов.

В сборник включены статьи, посвященные всестороннему научному осмыслению наследия декабристов, поиску новых путей, направлений и форм популяризации исторических знаний о движении декабристов, их жизни и деятельности в Сибири.

Книга предназначена для историков, культурологов, филологов и всех интересующихся историей движения декабристов и их сибирской ссылки.

ISBN 978-5-4217-0733-2

© Курганский
государственный
университет, 2025
© Авторы, 2025

«ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОРЦЫ ПРОТИВ ЦАРИЗМА»: СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТАХ В КУРГАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

История декабристского движения в советское время была включена в единый революционный нарратив как ранняя глава борьбы против самодержавия и предтеча большевизма. В региональном измерении – в Урало-Сибирском пространстве ссылок – эта тема стала важным ресурсом культурной политики, музейного строительства, топонимики и массового просвещения. Курганская область – один из ключевых узлов этой памяти: в 1830–1850-е годы в Курган было сослано тринадцать декабристов (И. Ф. Фохт, В. Н. Лихарев, И. С. Повало-Швейковский, В. К. Кюхельбекер, Н. И. Лорер, А. Ф. Бригген, П. Н. Свистунов, М. М. Нарышкин, А. Е. Розен, Д. А. Щепин-Ростовский, М. А. Назимов, Ф. М. Башмаков, Н. В. Басаргин) [8, с. 29]. В советский период их «локализованная» память – дома, мемориальные доски, музеи, надгробия на могилах, улицы, краеведческая литература и путеводители – превратилась в институционально поддерживаемую инфраструктуру воспитания и идентичности.

Цель статьи – на базе имеющихся документов Государственного архива Курганской области (ГАКО), Государственного архива социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО), материалов региональной прессы (газеты «Красный Курган» / «Советское Зауралье» и «Молодой ленинец») и краеведческой литературы показать, как в СССР формировалась, расширялась и переосмыслялась память о ссыльных декабристах в городе Кургане и д. Смолино (с 1944 года включена в черту города Кургана).

Ранний слой памяти о ссыльных декабристах фиксируется уже в 1930-е годы, когда в Кургане и в д. Смолино были установлены мемориальные доски на домах М. М. Нарышкина, А. Е. Розена, В. К. Кюхельбекера. В сведениях о памятных местах, связанных с жизнью и деятельностью декабристов:

- на доме Нарышкина – «В этом доме жил ссыльный декабрист М. М. Нарышкин (1833–1837 гг.)». Установлена в 30-е годы XX века [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 276а];

- на доме Розена – «В этом доме с 1832 по 1837 год жил ссыльный

декабрист А.Е. Розен». Установлена в 1930 году [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 2766];

- на доме Кюхельбекера – «В этом доме с апреля 1845 года по март 1846 года жил ссыльный декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер». Дата установки не указана, но, учитывая однородность текста мемориальных досок, она была установлена в этот же период [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 277].

Это означает, что «ядро» декабристской топографии Кургана возникло еще в эпоху раннесоветской героизации «первых борцов», а последующие десятилетия институционализировали сложившийся канон. Показателен и опыт «социалистической функционализации» памятных зданий: в 1947 году дом декабриста Розена на улице Советской был передан под Дом пионеров: для этой цели был сделан ремонт здания и художественная отделка, а учащиеся школ заложили в прилегающем саду аллею яблонь [6]. Таким образом, идея «воспитания историей» через прямое использование мемориальных пространств, связанных с ссыльными декабристами, укоренилась в городе очень рано.

В 1950-е годы начинается систематизация и расширение мемориальной работы. Областной отдел культурно-просветительной работы в 1952 году направил на утверждение тексты шестнадцати мемориальных досок, среди которых ключевые декабристские адреса: дом М. М. Нарышкина и дом А. Е. Розена – рядом с ними планировались доски на зданиях, связанных с большевистской типографией и первыми Советами Кургана и Шадринска, что иллюстрирует включенность декабристского сюжета в широкий революционный пантеон региона [4, ф. 166, оп. 10, д. 212, с. 139–141]. В 1956 году Министерство культуры РСФСР собирало с субъектов списки охраняемых объектов: «Дом декабриста Михаила Михайловича Нарышкина» и «Дом, в котором с 1832 по 1837 год жил в ссылке декабрист Андрей Евгеньевич Розен» были включены в перечень исторических памятников Курганской области. Дополнительно Курганское областное управление культуры сообщало, что на обоих домах уже установлены мемориальные доски [2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 119, с. 2, 11, 114]. В это же время управление музеев Министерства культуры РСФСР просило направить паспорт на могилу декабриста И. С. Повало-Швейковского; областное управление культуры отвечало, что место захоронения не установлено, поскольку старые кладбища закрыты, памятники не сохранились [2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 119, с. 6–7]. Это сопоставление важно: «домовая» память оказалась устойчивее «погребальной». Параллельно областная периодическая печать формировала «места памяти» для массового читателя: тематический план «Красного Кургана» на февраль 1957 года включал рубрики «О чем

рассказывают мемориальные доски», «Здесь жил декабрист Розен» и др. [4, ф. 166, оп. 15, д. 25, с. 91, 101]. На рубеже 1957–1958 годов областное управление культуры заявляло в Министерство культуры РСФСР о намерении возвести в Кургане памятник декабристам (сквер по ул. Куйбышева) одновременно с обновлением центрального памятника В. И. Ленину [2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 139, с. 100]. Примечательно, что в газете «Красный Курган» в 1955 году был даже представлен проект этого памятника (рисунок 1) [7].

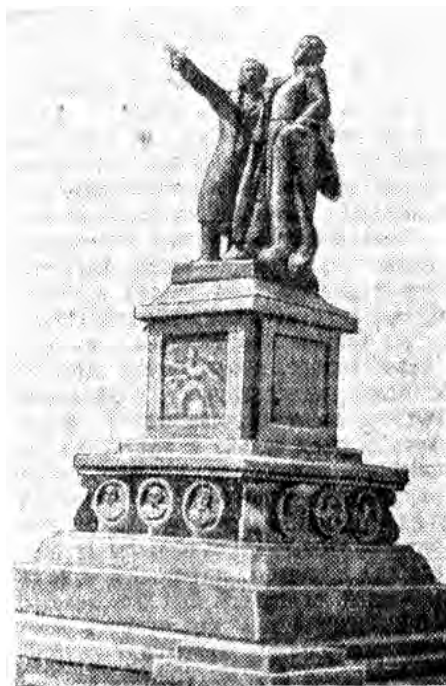

Рисунок 1 – Проект памятника декабристам

Нормативная база 1960-х задала новый уровень ответственности. Дом А. Е. Розена закреплялся как памятник государственного значения, дом М. М. Нарышкина – как памятник республиканского значения; уже в 1960 году намечалось изменить характер использования дома Нарышкина, фактически переводя его в музейный режим [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 27, с. 1–2]. Проект решения облисполкома Курганской области от августа 1966 года «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры» констатировал запущенность ряда объектов, слабую пропаганду, отсутствие развернутых ремонтно-реставрационных работ и

предписывал комплекс мер: запрет на самовольные перестройки, усиление противопожарной охраны, привлечение общественности и шефство предприятий, создание в областном музее раздела «Памятники культуры и истории области», выпуск популярных изданий; отдельно предписывалось освободить дом Нарышкина от жильцов, передать его на баланс музея и организовать реставрацию с обеспечением проектно-сметной документации и выделением строительных материалов [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 3, с. 1–4]. В логике юбилейной мобилизации обком КПСС ставил задачу открыть в Кургане музей декабристов «на базе дома Нарышкина», завершить экспозиции по советскому периоду, провести смотр музеев и памятников и использовать исторические места для воспитания молодежи [4, ф. 166, оп. 293, д. 296, с. 5]. Исполнение, однако, тормозилось инфраструктурными барьерами: в 1967 году областной музей докладывал о законсервированном с 1964 года пристрое, нерешенности передачи дома Нарышкина на баланс музея и рисках порчи фондов из-за отсутствия хранилищ [4, ф. 166, оп. 293, д. 297, с. 34–35].

К концу 1960-х складывается городская система шефства и «распределенной» памяти. В отчете Курганского городского отделения ВООПИК за 1968 год дома Розена, Нарышкина и Кюхельбекера названы «памятниками дореволюционного Кургана» в одном ряду с историко-революционными местами; за всеми объектами закреплялись шефствующие организации и школы [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 20, с. 1–2; ф. Р-1786, оп. 1, д. 27, с. 10]. В массовых краеведческих изданиях начала 1970-х эта рамка закреплялась описательно и визуально: путеводитель «Исторические памятники и памятные места Кургана» уделял особое внимание дому М. М. Нарышкина как «наиболее замечательному» среди домов декабристов, фиксировал тексты мемориальных досок («В этом доме с 1832 по 1837 год жил ссыльный декабрист Андрей Евгеньевич Розен»; «В этом доме с апреля 1845 года по март 1846 года жил ссыльный декабрист Вильгельм Карлович Кюхельбекер») и сообщал о ведущихся реставрационных работах и скором открытии филиала музея [5, с. 36–48]. В издании 1973 года «Здравствуй, Курган!» указывается, что «курганцы свято берегут» дома Розена и Нарышкина, «реставрирована и изба» Кюхельбекера, а в доме Нарышкина «в ближайшее время начнет работать филиал краеведческого музея» [12, с. 16].

Пик институциональной мобилизации пришелся на 1974–1976 годы, когда Курганский городской исполком принял решение «О подготовке к празднованию в г. Кургане 150-летия со дня восстания декабристов» от 29 июля 1974 г. Документ задавал разом несколько векторов: активи-

зация пропаганды памятных мест, организация тематических вечеров, конференций, экскурсий и книжных выставок; завершение к 1 сентября 1974 г. реставрации дома Нарышкина и его передача областному музею под экспозицию «Декабристы в Кургане»; открытие 1 сентября 1975 г. в поселке Смолино музея в «доме Кюхельбекера» с установкой у него бюста и благоустройством площади; ремонт дома Розена к 1 сентября 1975 г. с размещением в нем городской школы искусств и реконструкцией сквера к 1 ноября; установка к 1 ноября 1975 г. мемориальной стелы на могилах декабристов И. Ф. Фохта и И. С. Повало-Швейковского в городском саду; подготовка предложений по «увековечиванию имен 13 декабристов, проживавших в ссылке в городе Кургане», включая эскиз «собирательного образа декабристов» и макеты пилонов с их именами [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 203–204]. Эти шаги соотносились с инициативой областного ВООПИК о проекте «аллеи декабристов» из 13 бронзовых бюстов [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 88, с. 15], что показывает согласованность общественных и административных усилий. В юбилейном плане мероприятий на конец 1975 года были предусмотрены научно-теоретическая конференция «Декабристы в Кургане», выпуск библиографических и методических материалов, передвижные выставки, музыкальный фестиваль с участием Свердловского симфонического оркестра и массированные выступления в печати, по радио и телевидению [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 74–75].

Отчетность фиксирует существенные результаты. По данным справки отдела пропаганды и агитации Курганского обкома КПСС, с 1972 года шли реставрационные работы в доме Нарышкина (ВООПИК израсходовал 55 тыс. руб.); областной музей собрал 1300 экспонатов (около 400 – подлинные), сотрудники музея прочитали 73 лекции; дом-музей декабристов открыт 10 декабря 1975 г. и только до конца месяца принял свыше 6000 посетителей; 15 декабря 1975 г. открыт «домик-музей» В. К. Кюхельбекера в р. п. Смолино; сопровождали юбилей общественные мероприятия – вечер «России верные сыны» (600 участников, 20 показов, 10 305 зрителей), издание методических материалов, массированные публикации [4, ф. 166, оп. 317, д. 148, с. 67–68]. Эти данные прямо подтверждают тезис о юбилейной мобилизации как драйвере реставраций, музеефикации и массовой популяризации.

Топонимика и городская «карта памяти» одновременно наращивали плотность символов, связанных с декабристами. К 1975 году в поселке Смолино улица, идущая параллельно Широкому переулку, была названа именем В. К. Кюхельбекера [11, с. 104]; в поселке Восточном появилась улица Декабристов, а в локальных очерках объяснялось, по-

чему имена декабристов достойны увековечивания: через акцент на их вкладе в народное образование, музыкальную и художественную культуру Кургана в XIX веке, на помощи уездному училищу, благодаря созданию первой школьной библиотеки в городе, на «первом звучании классической музыки» в гостиниой Нарышкиных, на рисунках Е. П. Нарышкиной и мемуарных текстах Розена, Лорера, Басаргина [11, с. 58]. Эти тексты важны не столько как историческая реконструкция, сколько как отражение массово-педагогической интонации позднесоветской памяти – именно так она объясняла, зачем городу нужны музеи и доски, связанные с декабристами.

Погребальная линия памяти также получила видимый формат. Если в 1956 году местонахождение могилы И. С. Повало-Швейковского считалось неустановленным [2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 119, с. 6–7], то к 1975 году городской исполком предписывал «воссоздать надгробные плиты» и установить мемориальную стелу на месте захоронения И. Ф. Фохта и И. С. Повало-Швейковского в городском саду [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 74–75, 204]. Эта практика переводила локальные захоронения в режим «символически подтвержденных» мест памяти, размещенных в центре городской жизни.

Конечно, достижения не удавалось отделить от «материальной реальности»: смет, дефицитов, строительной готовности, охраны пустующих объектов. В 1967 году областной музей сообщал о тяжелом положении – нехватке экспозиционных площадей, консервации пристроя, отсутствии хранилищ [4, ф. 166, оп. 293, д. 297, с. 34–35]. В 1975 году отчеты ВООПИК констатировали локальные технические недочеты, необходимость замены недолговечных мемориальных досок на мраморные, капитального ремонта отдельных памятников, хотя при этом «дом-памятник» Нарышкина был отреставрирован и открыт, а работы по «домику Кюхельбекера» завершались [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 89, с. 104; ф. Р-1786, оп. 1, д. 88, с. 15].

Что касается мемориальной скульптуры, то по итогу намеченные планы в реальность воплотить не удалось: не было установлено памятника Декабристам, который так и остался проектом, не была создана аллея декабристов с 13 бюстами, при доме-музее Кюхельбекера тоже не был установлен бюст.

На излете советского периода обнажились и проблемы источниковедческой точности. Уже в 1986 году в «Красном Кургане» был опубликован программный текст «Сохранить дом Кюхельбекера», где с опорой на документальные находки Б. Н. Карсонова обосновывалось: В. К. Кюхельбекер жил не в Смолино, а в самом Кургане, по адресу ул. Куйбышева, 19;

авторы настаивали на музеефикации этого дома как филиала музея декабристов [10]. В 1990 году в газете «Молодой ленинец» выходит статья «Кюхельбекер бы посочувствовал» Натальи Лавровой, где подтверждение этого факта называется сенсацией, описывается публичный сбор средств, работа реставрационной группы Томского филиала «Союзпроектреставрации», а также пишется о задержках с решениями и риски утраты памятника [9]. Этот позднесоветский сюжет показателен: он демонстрирует, как стабильно функционировавшая мемориальная карта (музей в Смолино, мемориальная доска с типовым текстом: «В этом доме с апреля 1845 года по март 1846 года жил...») входит в диалог с новой источниковой базой, требуя корректировки и дополнительной работы.

Наконец, важно отметить «язык» и «материальность» советской мемориалистики. Типовой формуляр «В этом доме... жил ссыльный декабрист...» стал своего рода сигнатурой городской памяти, воспроизводимой на мемориальных досках и в путеводителях 1970-х [5, с. 45, 48; 3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 276б, 277]. В 1970-е годы ВООПИК целенаправленно заменял «недолговечные» мемориальные доски на мраморные, фиксируя заботу не только об идеологической «правильности», но и о долговечности материальных носителей памяти [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 88, с. 15]. Одновременно часть памятных зданий продолжала использоваться в текущих культурных целях: в середине 1970-х планировалось разместить в доме Розена городскую школу искусств, реконструировать прилегающий сквер [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 204]. Этот компромисс – «музеефикация плюс функционирование» – типичен для позднесоветской охранной практики.

Опыт города Кургана демонстрирует многоуровневую и динамичную политику памяти о ссыльных декабристах в советский период. На раннем этапе (1930–1940-е) формировался «скелет» городской мемориальной топографии – появились первые доски на домах, и зафиксировалась практика «воспитательного» использования зданий [6; 3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 51, с. 276а, 276б, 277]. В 1950-е годы шла институционализация: утверждались тексты мемориальных досок и списки охраняемых объектов, укреплялась роль прессы в тиражировании «мест памяти» [4, ф. 166, оп. 10, д. 212, с. 139–141; ф. 166, оп. 15, д. 25, с. 91, 101; 2, ф. Р-1540, оп. 1, д. 119, с. 2, 6–7, 11, 114; ф. Р-1540, оп. 1, д. 139, с. 100]. В 1960-е годы нормативные решения переводили курс в режим «дела государственной важности»: уточнялись статусы объектов, запрещались самовольные работы, предписывались реставрации, шефство и музейная популяризация [3, ф. Р-1786, оп. 1, д. 3, с. 1–4; 4, ф. 166, оп. 293, д. 296, с. 5].

Юбилейная мобилизация середины 1970-х стала качественным пере-

ломом: в 1974 году Курганский горисполком принял программное решение с жесткими сроками, исполнители обеспечили открытие 10 декабря 1975 г. дома-музея в доме Нарышкина и 15 декабря «домика-музея» Кюхельбекера в Смолино, благоустройство и новые памятные формы – стелы, бюсты, пилоны, а также широкое культурно-просветительное сопровождение [1, ф. Р-465, оп. 7, д. 119, с. 203–204, 74–75]. К этому моменту краеведческая литература синхронно закрепляла и популяризировала канон – путеводители и справочники 1972–1973 гг. описывали «реставрируемый» дом Нарышкина, «избу» Кюхельбекера, тексты мемориальных досок, а в 1983 г. фиксировали открытие «Дома-музея декабристов», появление улиц Декабристов и Кюхельбекера [5, с. 36–48; 12, с. 16; 11, с. 58, 104, 224]. Но, как это зачастую бывает, не все планы удалось реализовать. На завершающем этапе позднесоветское общество, сохраняя и развивая созданную инфраструктуру памяти, оказалось готово к ее критической корректировке – примером стала дискуссия о «настоящем» доме Кюхельбекера [10; 9].

Таким образом, «первые революционные борцы против царизма» в Кургане были не только сюжетами учебников, но и узловыми точками местной городской памяти, вокруг которых выстраивались музеи, скверы, мемориальные доски и др. Эволюция этой памяти – от ранних 1930-х до конца 1980-х – показывает, как советское общество последовательно строило, расширяло и критически переосмысливало собственный исторический пантеон, стремясь совместить идеологические цели, просветительские задачи и требование источниковедческой точности.

Источники и литература

1 ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. Р-465 (Курганский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет).

2 ГАКО. Ф. Р-1540 (Управление культуры исполнительного комитета Курганского областного Совета народных депутатов).

3 ГАКО. Ф. Р-1786 (Совет Курганского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)).

4 ГАСПИКО (Государственный архив социально-политической истории Курганской области). Ф. 166 (Курганский областной комитет КПСС).

5 Иванова В. В. Исторические памятники и памятные места Кургана / В. В. Иванова, И. И. Таранченко. – Курган : Советское Зауралье, 1972. – 103 с.

6 Красный Курган. – 1947. – 6 июля. – № 132.

7 Красный Курган. – 1955. – 5 февраля. – № 26.

8 Меничиков В. В. Влияние ссыльных декабристов на социокультурное пространство / В. В. Меничиков // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 2. – С. 29–31.

9 Молодой Ленинец. – 1990. – 14 апреля. – № 16.

10 Советское Зауралье. – 1986. – 8 июня. – № 132.

11 Устюжанин Г. П. Родная улица моя / Г. П. Устюжанин, М. А. Евдокимова. – 2-е изд., перераб., доп. – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1983. – 336 с.

12 Шушарина М. И. Здравствуй, Курган! [Путеводитель по городу] / М. И. Шушарина – Челябинск : Южно-Уральское книжное издательство, 1973. – 99 с.

**«СМЕЕШЬ ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ В ТОТ НАЗНАЧЕННЫЙ
ЧАС?»: ОБРАЗ ДЕКАБРИСТА В «ПЕТЕРБУРГСКОМ
РОМАНСЕ» А. А. ГАЛИЧА**

Изучение истории движения декабристов продолжается не одно столетие. Исследователи определили широкий круг источников, предложили различные подходы к выявлению причин, закономерностей, результатов и последствий данного явления российской истории. Особое место в этом процессе изучения и философского осмысления феномена декабризма занимают произведения поэтов России.

Первыми откликнулись на выступление заговорщиков современники – Ф. И. Тютчев и А. С. Пушкин. После обнародования приговора по делу декабристов, во второй половине 1826 г., Тютчев написал свое стихотворение «14 декабря 1825 г.», а спустя несколько месяцев было написано известное стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд...». Значимыми произведениями, привлечшими общественное внимание к недавней истории, стали поэмы Н. А. Некрасова. Величина дарования поэта определила тонкое чутье на актуальные темы общественной жизни. Кто знает, стало бы восстание декабристов предметом широкого обсуждения на протяжении уже двух веков, если бы Н. А. Некрасов в свое время не обратился к этой теме в поэмах «Дедушка» и «Русские женщины».

Драматические события начала XX в. вызвали к жизни произведение поэта-символиста З. Гиппиус. Апелляция к подвигу декабристов призывно звучит в стихах «14 декабря. 1917 г.» и «14 декабря. 1918 г.». Особое место в восприятии образа борца за свободу занимает стихотворение О. Мандельштама «Декабрист» (1917 г.).

Мы не называем стихи, посвященные отдельным деятелям движения. В целом ко второй половине XX в. в отечественной литературе сложилась определенная традиция восприятия и отображения декабристов в поэзии. «Петербургский романс» А. Галича представляет собой повествование от лица полковника, участника восстания, в памяти которого возникают различные образы участников и череда предшествовавших 14 декабря 1825 г. событий и самого восстания на Сенатской площади. Герой произведения – офицер, прошедший не одну военную кампанию:

Полковник я, а не прапор,
Я в битвах сражался стойко... [2].

Среди офицеров-декабристов были представители разных поколений, часть из них принимали участие в сражениях антинаполеоновских коалиций, кто-то в силу возраста – только в Отечественной войне 1812 г.

Поэт выделяет как важную характеристику событий, связанных с созданием тайных обществ и разработкой планов преобразований страны, возраст участников восстания 14 декабря:

Мальчишки были безусы –
Прапоры и корнеты... [2].

Действительно, среди вышедших на Сенатскую площадь было много молодых офицеров. Так, младшему брату Н. М. Муравьева, корнету Александру, было 23 года. При этом важно отметить, что средний возраст осужденных по делу декабристов составлял 27 лет. Вряд ли мужчину почти 30 лет можно считать «юнцом». Безусловно, средний возраст позволяет сдвигать рамки как вниз, так и вверх. Исследователь данной эпохи Н. Я. Эйдельман выявил, что «средний год рождения декабриста – 1799-й. Пушкинский возраст ... Лицейские, ермоловцы, поэты» [8, с. 473].

Социокультурная среда, в которой воспитывались и начинали службу будущие члены тайных обществ, оказала огромное влияние на формирование их общественно-политических настроений. Вопрос об идеалах, целях и представлениях декабристов о будущем России – тема многочисленных исследований, состоявшихся и будущих. А. Галич, в свою очередь, кратко обозначил главное, на его взгляд:

И я восклицал: «Тираны!»
И я прославлял свободу [2].

Отношение отдельных участников декабристского движения к членам императорской семьи, Александру I и Николаю Павловичу, серьезно отличалось. Не все из осужденных считали монарха тираном. В то же время, ограниченность обещанных реформ, отказ от отмены крепостного права вызывали недовольство в широких кругах заговорщиков. С. П. Трубецкой впоследствии, в преклонном возрасте, так сформулировал цель тайных обществ: «Поставить Россию на ту степень просвещения, на которую она имела право по политическому своему положению в европейском мире, и охранить ее от бедствий...» [4, с. 79].

Если понимание целей и задач заговора было в некоторой степени определенным в сознании лидеров движения, то значительная часть «непосвященных» членов тайных обществ находилась во власти тезисов и лозунгов. А. Галич вполне закономерно отмечает:

Здесь, над винною стойкой,
Над пожаром зари
Наколдовано столько,
Набормотано столько... [2].

Важным вопросом следственной комиссии по делу декабристов был такой: «С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумские и либеральные мысли, т. е. от внушения других или от чтения книг...» [1, с.48]. Часто декабристы называли среди книг тексты конституций и стихи А. С. Пушкина и К. Ф. Рыльева. С. П. Трубецкой, отвечая на вопросы следователей, дал такой ответ: «Свободный образ мыслей заимствовал по окончании войны с французами» – когда монархи европейских государств пообещали дать своим народам конституции, а император Александр I даровал ее Царству Польскому [7, с. 9].

Свое восприятие многочисленных собраний и заседаний, на которых будущие декабристы рассуждали о сложных вопросах российской действительности, отразил А. С. Пушкин. Друг известных заговорщиков, поэт не понаслышке знал о предметах их бесед и планах. Десятая, неполная, впоследствии уничтоженная автором, глава романа «Евгений Онегин» представляет собой ценнейший источник. Сохранившиеся из нее записи важны потому, что они позволяют судить об отношении Пушкина к наиболее сложным событиям его эпохи:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,
И плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян [6].

Поэт с некоторым сарказмом рисует образ мыслей и поведение на собраниях заговорщиков. Громкие призывы часто не были основаны на глубоко изучении современного состояния России, а особенно способов и методов дальнейших преобразований.

Мы хотим также обратиться к одной из важных проблем, напрямую не обозначенных в стихотворении А. Галича, но центральной для понимания хода восстания 14 декабря – это участие/неучастие членов декабристских организаций в событиях на Сенатской площади. Одним из самых известных декабристов, не выступившим в тот зимний день, является С. П. Трубецкой. Мы не знаем, выбрал ли А. Галич своего рода прототипом главного героя своего стихотворения видного заговорщика. Полковник в поэтическом произведении вышел на площадь «в назначенный час» и, обращаясь к прошлым событиям, рассуждал так:

И в то роковое утро,
(Отнюдь не угрозой чести!)
Казалось, куда как мудро
Себя объявить в отъезде [2].

Фигура диктатора восстания С. П. Трубецкого уже 200 лет находится в сфере особого внимания и исследователей и просто интересующихся историей. Крайняя оценка его бездействия объясняется трусостью, что не соответствует фактам биографии полковника. Он начинал военную службу с подпрапорщика в 1808 г. и дослужился до полковника в 1822 г. Трубецкой – участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов. «Трубецкой... не лишен также и личной храбрости, что он имел не раз случай доказать своим сослуживцам. Под Бородиным он простоял 14 часов под ядрами и картечью с таким же спокойствием, с каким он сидит, играя в шахматы... Трубецкой, находившийся при одной из рот, несмотря на свистящие неприятельские пули, шел спокойно впереди солдат, размахивая шпагой над своей головой» [5, с. 47].

В период подготовки восстания, по сообщению И. Д. Якушкина, диктатором был назначен Трубецкой, полковник Преображенского полка, занимавший должность дежурного штаб-офицера при штабе 4-го корпуса. «Ему предоставлялась власть действовать самостоятельно в решительную минуту и распоряжаться средствами Общества и каждым из членов по своему собственному усмотрению. Несмотря на сомнения и боязнь, князь Трубецкой не отказывался явно, и определено ему на другой день быть на Сенатской площади, чтобы принять главную команду над войсками [3, с. 31]. На допросах К. Ф. Рылеев заявлял, что «Трубецкой должен был принять начальство, но он не явился и это главная причина всех беспорядков и убийств...» [7, с. 133]. При этом в записках и дневниках декабристов, составленных в период пребывания на каторге и ссылке, не встречается прямых обвинений Трубецкого в срыве восстания.

Изучая материалы следствия и мемуарное наследие декабристов, необходимо, на наш взгляд, различать воинскую храбрость, в наличии которой у полковника С. П. Трубецкого сомневаться не приходится, и политическую решимость. Именно данным качеством Трубецкой, очевидно, и не обладал: «...при всей личной храбрости Трубецкой – самый нерешительный человек во всех важных случаях жизни, и потому не в его природе было взять на свою ответственность кровь, которая должна была пролиться, и все беспорядки, непременно следующие за пролитой кровью в столице. 14 декабря, узнавши, что Московский полк не пришел на сборное место, диктатор совершенно потерялся и, присягнувши на штабе Николаю Павловичу, он потом стоял с его свитой!» [5, с. 156–157]. Уже в процессе следствия в декабре 1825 г. С. П. Трубецкой заявил, что был «вовлечен в преступление ложными своими понятиями, слабостью своего нрава и бедственной самонадеянностью» [7, с. 32].

Безусловно, критика его действий в «назначенный час» болезненно

воспринималась Трубецким в течение всех последующих лет. В то же время он оставался верен своему решению и считал его правильным. При отсутствии четкого и, что важно, тщательно подготовленного плана выступления, когда события развивались непредсказуемо, возглавить восстание полковник Трубецкой не смог.

Поэты, в отличие от историков, не познавали, но ощущали, и этим, не менее, а возможно, и более глубоко проникали в ход истории. При наличии различных подходов авторов к восприятию названных событий в истории, субъективные акценты, можно выделить общие проблемы, которые нашли отражение в художественном творчестве отечественных поэтов: это – «подвиг – жертва» и «завет потомкам».

Источники и литература

1 *Восстание декабристов : материалы [по истории восстания декабристов] / под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Т. 9: Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии / под редакцией проф. М. В. Нечкиной. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1950. – 306 с.*

2 Галич А. А. *Петербургский романс. Культура. РФ* / А. А. Галич. – URL: <https://www.culture.ru/poems/3412/peterburgskii-romans> (дата обращения: 29.08.2025).

3 *Его императорскому величеству высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданнейший доклад // Восстание декабристов. – Москва : РОССПЭН, 1980. – Т. XVII. – С. 24–61.*

4 *Записки кн. С. П. Трубецкого. – Санкт-Петербург : тип. «Сириус», 1906. – 210 с.*

5 *Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. – Москва : АН СССР, 1951. – 750 с.*

6 Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». *Комментарии. Десятая глава. Пушкин. Литература* / Ю. М. Лотман. – URL: <https://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/lotman/onegin-kommentarij/onegin-comments-10.htm> (дата обращения: 28.08.2025).

7 *Материалы следственного дела С. П. Трубецкого. Восстание декабристов. – Документы. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1925. – Т. I. – С. 24.*

8 *Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы / Н. Я. Эйдельман. – Москва : Вагриус, 2005. – 480 с.*

*Буянова Анна Сергеевна
Валегина Карина Олеговна
Соловьева Александра Николаевна
Государственный музей городской скульптуры, г. Санкт-Петербург*

ДЕКАБРИСТСКИЙ ПЕТЕРБУРГ. О ПРЕДМЕТАХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ГОРОДСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

История Государственного музея городской скульптуры началась в 1920-е гг., когда музейный статус получил Некрополь XVIII века – бывшее Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры, заложенное в 1716 г. по указу Петра I. В XVIII–XX вв. здесь были похоронены такие выдающиеся деятели, как М. В. Ломоносов, Д. И. Фонвизин, А. Н. Воронихин, М. И. Козловский, С. Ю. Витте и многие другие.

28 июля 1932 г. вышло постановление Президиума Ленсовета о превращении Лазаревского кладбища в «Кладбище-музей надгробных памятников» с присоединением к нему Тихвинского кладбища, Благовещенской церкви и Лазаревской усыпальницы, а также некрополя «Литераторские мостки». В 1939 г., после передачи музею памятников Ленинграда, учреждение получило современное название – Музей городской скульптуры.

Сегодня в ведении музея более 700 мемориальных досок и почти 300 городских памятников, среди которых такие известные монументы, как памятник Петру I («Медный всадник»), монументы Николаю I и Екатерине II, Нарвские и Московские триумфальные ворота, памятники деятелям науки и культуры.

Наряду с величественными памятниками, символизирующими мощь империи, в многогранной коллекции Музей городской скульптуры представлен скромный гранитный саркофаг в Некрополе XVIII века, хранящий память о личной трагедии семьи декабриста С. Г. Волконского (1788–1865 гг.). Это надгробие младенца Николая Волконского (1826–1828 гг.).

Несмотря на документальное подтверждение захоронения сына декабриста на Лазаревском кладбище (указано в «Хронологическом списке особ, погребенных в Александро-Невской лавре»), точное местоположение памятника оставалось неизвестным. Он не упоминается в «Петербургском Некрополе» (1912–1913 гг.) В. И. Саитова. Поиски, предпринятые внуком декабриста С.М. Волконским незадолго до 1917 года, не увенчались успехом [3, с. 127].

Лишь в 1952 г. научный сотрудник Музея городской скульптуры Нина Илиодоровна Удимова (1908–1969 гг.) обнаружила «небольшой гранитный саркофаг, повалившийся набок и так глубоко ушедший в землю, что из надписи, помещенной наверху, читались только последние буквы первой и второй строк» [3, с. 128]. Памятник был очищен от грунта и установлен на подготовленном основании.

На лаконичном по форме памятнике высечена «Эпитафия младенцу» А. С. Пушкина: «В сиянии, В радостном Покое / У трона Вечного Творца / С улыбкой Он глядит / В изгнание Земное / Благословляет Мать / И молит за отца».

Н. И. Удимова установила датировку текста и выдвинула гипотезу о его появлении: стихотворение было создано не как мгновенный отклик на кончину младенца, а спустя некоторое время – специально для размещения на надгробном памятнике.

2 марта 1829 г. генерал Н. Н. Раевский письмом сообщает дочери Марии о смерти первенца и посылает эпитафию: «Надпись надгробную сыну твоему, сделанную Пушкиным; он подобного ничего не сделал в свой век». В том же письме указано: «Это <стихотворение> будет вырезано на мраморной доске» [3, с. 127].

Примечательно, что на надгробии отсутствуют не только имя и даты жизни младенца, но и подпись самого Пушкина. Н. М. Удимова акцентирует внимание на политическом подтексте произведения, считая его доминирующим в структуре текста. При всей трагичности события, ставшего причиной создания эпитафии, произведение отличается светлым, возвышенным характером. В то же время современниками считывался биографический подтекст. «Мольба “младенца” за своего отца – осужденного “по первому разряду” виднейшего деятеля Южного общества генерал-майора С. Г. Волконского, была прямым и недвусмысленным призывом Пушкина к облегчению участи декабристов» [3, с. 126].

В Некрополе XVIII века захоронены близкие родственники декабристов, среди которых Михаил Никитич Муравьев (1757–1807 гг.), отец Никиты и Александра Муравьевых. Михаил Никитич занимал особое положение в российском обществе: служил сенатором, тайным советником, куратором Московского университета, являлся воспитателем внуков императрицы Екатерины II. Автором надгробного памятника Муравьеву считается архитектор Тома де Томон, создатель грандиозного ансамбля стрелки Васильевского острова в Санкт-Петербурге.

Надгробие имеет форму античного жертвенника, украшенного треугольными фронтонами и акротериями. В качестве декоративных элементов выступают традиционные для мемориальной пластики символы:

пальмовые ветви (символ вечной жизни), песочные часы (символ быстротечности времени), свернувшаяся в кольцо змея (символ вечности), ветви лавра (символ славы). На памятнике барельеф с изображением вдовы с двумя сыновьями, плачущих над урной. Рядом с профильным портретом Муравьева вырублены стихи, автором которых считается друг покойного Г. Р. Державин: «Духъ кроткій, честный, просвѣщенный, // Не міра гражда-нинъ сего // Взлетѣль въ селеніи священны: // Здесь друга прахъ почіеть моего» [5, с. 195].

В некрополе XVIII века находится мемориальный памятник княгине Прасковье Александровне Одоевской (1770–1820 гг.), матери поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского. Памятник, выполненный из мрамора и гранита, имеет форму усеченной колонны (символ прерванной жизни) с вазой-светильником.

Графиня Александра Григорьевна Лаваль (1772–1850 гг.) захоронена в Некрополе XVIII века. Хозяйка блистательного светского салона Петербурга, в котором бывали А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, была тещей декабриста С. П. Трубецкого. Дочь Александры Григорьевны – Екатерина Ивановна – отправилась за супругом в сибирскую ссылку. Памятник в виде мраморной плиты, установленной на гранитном цоколе, отмечен медным четырехконечным крестом.

Захороненный в Некрополе XVIII века выдающийся военный и государственный деятель граф Николай Семенович Мордвинов (1754–1845) входил в состав Верховного уголовного суда над декабристами. Мордвинов единственный из членов суда отказался подписать обвинительный приговор декабристам. Мраморная стела с профильным барельефным портретом адмирала увенчана крестом.

В Некрополе Мастеров искусств захоронен Сергей Сергеевич Кушников (1765–1839 гг.), действительный тайный советник, сенатор, а также член Верховного суда над декабристами. Мраморный памятник выполнен итальянским скульптором П. Катоцци, в форме пилона украшенного рельефной цветочной гирляндой [4, с. 113].

В «городской коллекции» Музея городской скульптуры представлены памятники и мемориальные доски, посвященные событиям и участникам декабрьского восстания.

Например, это две гранитные мемориальные доски, установленные в 1975 г. к 150-летию исторического восстания. Первая из них, созданная талантливым архитектором Е. П. Линцбахом (1929–1991 гг.), украшает здания на бывшей площади Декабристов (ныне Сенатская площадь) под номерами 1–3. Вторая доска работы архитектора В. В. Исаевой (1927–2012 гг.) расположена на набережной реки Фонтанки, д. 90. На доске над-

пись: «Здесь размещались казармы лейб-гвардии Московского полка, солдаты которого во главе с декабристами А. А. Бестужевым-Марлинским, М. А. Бестужевым и Д. А. Щепиным-Ростовским первыми вышли на Сенатскую площадь в день восстания против самодержавия 14 (26) декабря 1825 г.» [1, с. 475].

В 1978 г. на набережной реки Фонтанки, д. 25 установлена памятная доска, посвященная братьям Н. М. и А. Н. Муравьевым, выполненная упомянутой В. В. Исаевой.

В 1991 г. на набережной реки Мойки, д. 14 появилась мемориальная доска И. И. Пушину, на квартире которого в 1823–1825 гг. проходили собрания Северного общества. Доска выполнена архитектором В. Б. Бухаевым (р. 1946 г.), барельефный бронзовый портрет декабриста был выполнен скульптором Л. П. Калугиной (р. 1943 г.).

В 1991 г. память М. С. Лунина, одного из наиболее радикальных членов тайного общества, была увековечена на Рижском проспекте, д. 76 – на здании, где он жил в 1810-х гг., установили бронзовую мемориальную доску. Скульптурный портрет декабриста выполнила Н. А. Карпова (р. 1948 г.), архитектором выступила Т. Н. Ознобшина (р. 1947 г.). В 1999 г. с доски были похищены накладные детали, вследствие чего было принято решение о ее демонтаже. Сегодня на доме установлен лаконичный памятный знак из гранита – прямоугольная доска с текстом: «В этом доме в 1810-х годах жил декабрист Михаил Сергеевич Лунин член Союза спасения Союза благоденствия и Северного общества. В 1845 году погиб в Акатуйской тюрьме» [1, с. 96].

В 1992 г. по адресу Марсово поле, д. 3 была установлена прямоугольная гранитная доска с накладным бронзовым портретом (в профиль) одного из руководителей декабрьского восстания, князя П. Е. Оболенского. Над памятным знаком вновь работали архитектор Т. Н. Ознобшина и скульптор Н. А. Карпова.

Архитектор В. Б. Бухаев и скульптор И. Б. Корнеев (1952–2024 гг.) в том же 1992 г. создали мемориальную доску с бронзовым профильным портретом Н. И. Тургенева и текстом: «Здесь на квартире декабриста Николая Ивановича Тургенева в 1819–1824 годах проходили совещания тайных декабристских обществ» [1, с. 105]. Доска была установлена по адресу: набережная реки Фонтанки, д. 20.

Памятники декабристам в коллекции Музея городской скульптуры представлены двумя обелисками.

Один из них расположен на территории Кронверка Петропавловской крепости. Здесь, на валу в десяти шагах от восточных ворот Кронверка, 13 июля 1826 г. казнили П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, С. И. Муравьева-Апостола, П. Г. Каховского и М. П. Бестужева-Рюмина.

Над памятником в виде высокого обелиска работала группа авторов: архитекторы В. А. Петров (1916–1992 гг.) и А. Г. Леяков (1930–1996 гг.), скульпторы А. М. Игнатьев (1912–1998 гг.) и А. Г. Дёма (1937–2019 гг.).

На основании обелиска из красного гранита помещен бронзовый медальон с барельефным профильным изображением пяти казненных декабристов. Такое изображение было на обложке первого выпуска альманаха «Полярная звезда» (1855 г.) А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

У подножия девятиметрового обелиска на гранитном пьедестале символическая композиция из бронзовых оков, шпаги и ленты.

На тыльной стороне постамента высечены строки из стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву»: «Товарищ, верь, взойдет она, / Звезда пленительного счастья / Россия вспрянет ото сна / И на обломках самовластья / Напишут наши имена!». Памятник был открыт 25 декабря 1975 г.

Вопрос о месте погребения казненных декабристов до сих пор остается дискуссионным. Остров Декабристов (до 1926 г. назывался о. Голодай) рассматривается как одно из наиболее вероятных мест захоронения. Историческая трансформация названия острова отражает изменение отношения общества к событиям декабря 1825 г. Переименование острова стало актом увековечения памяти декабристов, как и торжественная закладка будущего памятника, состоявшаяся 25 июля 1926 г. Однако сооружен памятник был только в 1940 г.

Закладной камень розового гранита с надписью «1826–1926 гг. заложен в память столетия казни Декабристов П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина, П. Г. Каховского 13 (25) VII 1926 В. О. Райисполком» стал основанием для обелиска из черного лабрадорита, установленного в 1940 г. [2, с. 429].

Все описанные мемориальные объекты – надгробия, памятники, мемориальные доски – являются частью уникальной коллекции Государственного музея городской скульптуры. Под опекой этого учреждения они получают необходимую заботу: музей регулярно проводит реставрационные работы, работы по текущему уходу и контролю состояния, обеспечивая их сохранность для будущих поколений.

Источники и литература

1 Мемориальные доски Санкт-Петербурга : справочник / сост. В. Н. Тимофеев и др. – Санкт-Петербург : Арт-Бюро, 1999. – 607 с.

2 Памятники Санкт-Петербурга : справочник / Государственный музей городской скульптуры. – Санкт-Петербург : ФГБОУ ВПО «СПб ГУПТиД», 2016. – 495 с.

3 Удимова Н. И. Эпитафия А. С. Пушкина сыну декабриста

С. Г. Волконского / Н. И. Удимова // Сохраненная память : сборник научных статей. – Санкт-Петербург: [б.и.], 2008. – 218 с.

4 Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Т. 2 / сост. А. А. Алексеев и др.; под общ. ред. В. Н. Тимофеева. – Санкт-Петербург : Союз-Дизайн, 2005. – 210 с.

5 Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Научный каталог. Т. 3. Некрополь XVIII века / сост. А. А. Алексеев и др.; под общ. ред. В. Н. Тимофеева. – Санкт-Петербург : Союз-Дизайн, 2006. – 331 с.

МУЗЕЙНЫЙ ТУРИЗМ – АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРГАНСКОГО ДОМА-МУЗЕЯ ДЕКАБРИСТОВ

Рубеж XX–XXI веков закружил музейное пространство в вихре перемен, изменений, поисков новых смыслов. «Меняющийся музей в меняющемся мире» – это выражение прочно вошло в современную жизнь в последней четверти XX века. Трансформация музеев напрямую связана с активным и динамичным развитием туристической индустрии.

Интерес к культурно-познавательному туризму, в основе которого лежит потребность человека в интеллектуальном, духовном и коммуникативном развитии [1], личное открытие человеком исторических мест и памятников, восприятие наследия художественного искусства, эстетическое переживание и духовное обогащение, возвышенное отношение к подлинникам мировой цивилизации, неустанно растет.

Историческое наследие человечества оказалось востребованным и втянутым в этот процесс. Музеи, как наиболее значимые социальные институты, занимающиеся выявлением, сохранением, изучением и популяризацией наследия, были вынуждены адекватно реагировать на вызовы времени и участвовать в развитии туристского бизнеса. Туризм стал одним из важных направлений музейной деятельности, которое позже обозначилось как «музейный туризм» [7]. По определению авторов В. В. Анисимовой и Т. А. Волковой, музейный туризм – это «разновидность культурно-познавательного туризма, специфика которого заключается в использовании туристского потенциала музеев (его запасников) и территорий с инфраструктурой, которые к ним прилегают».

Дом-музей декабристов (рисунок 1) значительно раньше, чем другие музеи Курганской области, начал совершать первые пробные шаги к сближению с туризмом, теперь Дом-музей декабристов активно включен в туристическую индустрию своего региона. Было приложено немало усилий (пересмотр миссии музея, кадровая работа и работа с посетителем, открытость и гостеприимство, налаживание деловых и социальных контактов, поиск компромиссов...), чтобы из скучного и почти всегда «безлюдного» музея превратиться в самое посещаемое музейное пространство, и удерживать эти позиции более десяти лет!

Рисунок 1– Дом-музей декабристов (вид со двора)

В доме из лиственницы постройки конца XVIII века с 1833 по 1837 годы жил декабрист Михаил Михайлович Нарышкин со своей семьей. 10 декабря 1975 года здесь был открыт музей. В экспозиции Дома-музея декабристов представлены материалы о пребывании на поселении в Кургане тринадцати государственных преступников. Музейная коллекция насчитывает около тысячи подлинных экспонатов XIX века, среди которых личные вещи декабристов, исторические документы, предметы дворянского быта, военная форма и оружие. Пять интерьеров комнат воссозданы по письмам Елизаветы Петровны Нарышкиной, жены декабриста. Дом-музей декабристов является объектом культурного наследия Российской Федерации [2].

Специфика любого музея заключена, прежде всего, в том, что он обеспечивает непосредственный контакт с опредмеченной культурой [6, с. 26]. Ни один институт социальной памяти не способен погружать человека в прошлое так, как музей. И в этом аспекте Дом-музей декабристов (как и другие малые музеи) обладает совершенно уникальным качеством – камерностью, особой психологической близостью музейного экспоната и

зрителя. Посетитель чувствует, что внутри музея другой мир – мир, где нет суеты и беспокойства, присутствует некая уединенность, созерцательность, таинственность, величие [4]. Современного туриста больше привлекает погружение в особую атмосферу: не интеллектуальное ее изучение, а, скорее, эмоционально-чувственное проживание ее звуков, ритмов, запахов и вкусов.

Дом-музей декабристов, следуя изменениям в обществе, одним из первых в Кургане стал сотрудничать с Туристско-информационным центром города Кургана, Центром туризма Курганской области, следовательно, одним из первых стал принимать организованные группы туристов из других городов.

На сегодняшний день музей сотрудничает на регулярной основе с пятнадцатью турагентствами и туроператорами Тюмени, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Москвы, Челябинска, Кургана, с Туристско-информационными центрами муниципальных округов Курганской области.

Расширился и спектр предлагаемых услуг. Первоначально иногородние группы туристов интересовались только обзорной экскурсией в стенах музея, сейчас востребованы более десяти музейных мероприятий, различных по формату и направленности. Разработано несколько вариантов комплексных музейных маршрутов, которые пользуются спросом у туристов. Это дает возможность гостям получить более полное представление о достопримечательностях, истории и культуре Курганской области, запланировать путешествие в регион на несколько дней.

Сегодня одной из главных тенденций в туристическом бизнесе (а значит, и в музейном туризме) является переход от групповых форм к индивидуальным путешествиям. Современный турист стал более избирателен и требователен к предложениям, а главное, ориентирован на самостоятельное построение программы своего путешествия, уход от стандартов и проявление индивидуальности. Музей старается гибко реагировать на запросы современного туриста, установить конструктивное взаимодействие с каждым конкретным посетителем [5].

В арсенале Дома-музея декабристов театрализованные и интерактивные мероприятия, экскурсии, прогулки-променады, открытые площадки, ролевые игры, концерты, литературные салоны, мастер-классы, тематические интенсивы (рисунок 2).

Дом-музей декабристов первый среди курганских музеев начал принимать участие в событийном туризме. На «Вкусной карте России» отмечен гастрономический фестиваль «День сырка» (проводится ежегодно с 2019 г.). Сотрудники музея принимают активное участие в фестивале славянской и казачьей культуры «Русское поле» (с 2019 г.), в фестивале класси-

ческой музыки «Августовская Симфониада» (с 2022 г.), в Международном музыкальном фестивале «От Востока до Запада» (с 2023 г.).

Рисунок 2 – Экскурсия-променад «А тот ли Курган?»

В 2024 году впервые был проведен гастрокультурный фестиваль «Поваренная книга декабристов», активным участником которого стал музей.

Литературно-музыкальные гостиные «Нарышкинские пятницы» продолжаются с момента открытия музея, уже почти полвека. С годами эта традиция стала брендом музея. Показательно, что среди зрителей с 2019 года присутствуют постоянные посетители из Челябинска и Тюмени, несмотря на то что мероприятие также транслируется в онлайн-формате.

В летний период излюбленным местом горожан и туристов стало чаепитие на свежем воздухе в историческом саду Нарышкиных. «Добрый обыЧАЙ» – это чай по старинным рецептам, теплые истории у самовара, отдых от городской суеты под звуки классической музыки.

Театрализованная экскурсия «Декабристы: от преступника до просветителя» дает возможность увидеть Курган глазами декабристов и совершить пешеходное путешествие по историческому центру города, по местам, связанным с жизнью декабристов в уездном городе.

Прогулка-променад «А тот ли Курган?» в компании четы

Нарышкиных дарит участникам положительные эмоции, возможность насладиться красивыми видами набережной реки Тобол и арт-объектами для красивых памятных фотографий.

Особой популярностью у российских и зарубежных туристов пользуется обзорная экскурсия «Их было 13. Курган им дал приют». Юные посетители предпочитают культурно-просветительскую программу «Галантный XIX век».

Безусловно, элементы развлекательности и зрелищности все чаще присутствуют в музейной сфере, но имеют под собой глубокие нравственные, просветительские и культурные корни [3]. Главное – не заиграться и помнить, что музей – это нечто особенное, это территория, где есть правила, эстетические принципы, красота, традиции, историческое наследие и...

Авторитетного эксперта в области российского туризма, лауреата Премии Правительства РФ, инициатора «Russian Event Awards» и «Маршрута года», Г. В. Шаталова спросили: «Что сегодня вдохновляет вас как автора и эксперта: география, люди, смысл маршрута или результат, который он дает региону?». Геннадий Васильевич ответил: «Люди! Люди едут к Людям! Меня всегда на путешествия вдохновляли и вдохновляют Люди!» [8].

Люди – главная ценность Дома-музея декабристов. От каждого сотрудника (всего 7 человек) зависит развитие и успешность музея, его конкурентоспособность, репутация и имидж. Команда музея – профессионалы, инициативные мобильные творческие люди, готовые к экспериментам и переменам, делают Дом-музей декабристов интересным для внутреннего и въездного туризма.

Специалисты музея одними из первых в Кургане прошли аттестацию гидов-экскурсоводов для расширения возможностей работы с туристами в городском пространстве.

Сегодня Дом-музей декабристов – визитная карточка города и области, одна из главных достопримечательностей и точка притяжения туристов. Культура и быт дворянства в пространстве Сибири, декабристы, их жизнь и деятельность являются одним из интереснейших сюжетов региональной истории. Память о декабристах бережно хранит Дом-музей В. К. Кюхельбекера, дом и сад А. Е. Розена, мемориальный комплекс и аллея декабристов в Городском саду, памятник Михаилу Михайловичу Нарышкину.

Туристический потенциал Дома-музея декабристов привлекателен для гостей города, что подтверждается статистикой: посещения, включение музея в тур маршруты и увеличение числа туроператоров, с которыми сотрудничает музей, обратная связь, положительные отзывы посетителей,

наличие «возвратных» туристов, увеличение заработанных средств музеем (рисунок 3).

Рисунок 3 – Группа туристов после посещения музея

Однако современному туристу нужна информация не только о конкретном музее и его коллекции, но и об объектах культурного и природного наследия места пребывания. Кроме этого, ему нужна качественная полиграфическая продукция: буклеты, брошюры, путеводители, информационные проспекты, нетривиальные сувениры, которые он увезет с собой из музея для воспоминаний о его посещении. Здесь нам предстоит большая работа, часть которой сотрудники Дома-музея декабристов не в состоянии сделать самостоятельно, в силу отсутствия профессиональных специалистов по рекламе и маркетингу, а также средств и опыта в бизнесе.

Музейный туризм – это практика осознанного, компетентного и гибкого встраивания музея в предлагаемые туриндустрией обстоятельства. Деятельность Дома-музея декабристов доказывает, что сотрудничество в данном направлении жизненно необходимо для развития и успешного привлечения туристов в регион.

Источники и литература

1 Байков Е. А. Инновационные аспекты развития культурно-познавательного туризма в современных условиях / Е. А. Байков // *Петербургский экономический журнал*. – 2014. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-aspekty-razvitiya-kulturno-poznavatel'nogo-turizma> (дата обращения: 26.07.2025).

2 Живы в памяти потомков : сборник статей. – Курган : РИЦ КГУ, 2005. – 172 с.

3 Коржанова А. А. Перспективные направления развития культурно-познавательного туризма в России / А. А. Коржанова // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2–18. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37904> (дата обращения: 18.07.2025).

4 Левочкина Н. А. Эволюция музейного туризма в России / Н. А. Левочкина. – URL: // https://tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/mezhdunarodnyie/14_01_2015_aktualnye_problemy_sotsialno_kulturnoy_deyatelnosti/seksiya_4_turisticheskaya_deyatelnost (дата обращения: 25.07.2025).

5 На что способен культурный туризм в России: новые форматы и маршруты. – URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/49392.html> (дата обращения 18.07.2025).

6 Романчук А. В. Музейный туризм : учебно-методическое пособие / А. В. Романчук. – Санкт-Петербург, 2010. – 46 с.

7 Туткушева А. Е. Новые тренды музейного туризма / А. Е. Туткушева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-trendy-muzeynogo-turizma> (дата обращения: 26.07.2025).

8 Шаталов Г. В. Маршруты, которые вдохновляют на путешествия / Г. В. Шаталов // *Журнал о гостиничном бизнесе*, июль 2025. – URL: <https://welcometimes.ru/opinions/gennadiy-shatalov-marshruty-kotorye-vдохновlyayut-na-puteshestviya> (дата обращения: 19.07.2025).

УПОМИНАНИЯ О ЯКУТСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАЗДНИКЕ ЫСЫАХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЭТОВ-ДЕКАБРИСТОВ

В первой половине XIX века Якутия стала местом ссылки многих участников декабристского движения. Оказавшись вдали от привычных центров родной жизни, декабристы вступили в контакт с самобытной культурой народа саха. Волею судьбы оказавшиеся в Якутии, они внесли большой вклад в развитие науки и культуры далекого северного края. Как отмечает В. Е. Охлопков: «Именно декабристы, горячие патриоты, историки, исследователи, талантливые поэты, музыканты, художники, обладающими глубокими общественно-политическими революционными знаниями, стоявшие на передовом уровне развития современной им науки, изучая историю, экономику, культуру, быт, этнографию разных народов Восточной Сибири и Якутии, двигали науку вперед, способствовали изучению края, просвещение населения. В этом состоит их огромная историческая заслуга» [2, с. 63].

Внимание к местным традициям стало для декабристов не только интересом, но и способом осмысления новой реальности и попыткой найти в ней свое место. Оказавшись в иной культурной среде, они обратили внимание на этнографические особенности региона. Одним из необычных явлений местной культуры, которое их привлекло, являлся национальный праздник ысыах – главное летнее торжество, связанное с обновлением природы и почитанием божеств Айыы. Анализ упоминаний об ысыахе в произведениях декабристов позволяет выявить не только этнографический интерес русской интеллигенции, но и специфику культурного диалога между ними и коренным народом Якутии.

Праздник ысыах занимал центральное место в духовной и социальной жизни якута. Ысыах традиционно включал себя возлияния кумыса, алгысы (благословения), коллективный танец осуохай, конные и спортивные состязания. Для декабристов знакомство с этим праздником стало частью их наблюдений, воплощенных в художественных текстах. Упоминания об ысыахе можно найти в произведениях А. А. Бестужева-Марлинского и Н. А. Чижова.

Александр Александрович Бестужев – русский писатель эпохи романтизма, творивший под псевдонимом Марлинский, брат декабристов Николая, Михаила и Петра Бестужевых. Был членом Северного общества.

После подавления восстания был отправлен в 1826 году в Якутск, затем в 1929 году перевелся на Кавказ солдатом, где и погиб в стычке с горцами. Хотя Бестужев-Марлинский пробыл в Якутске сравнительно недолго, с декабря 1827 года по июнь 1829 года, его литературное творчество периода якутской ссылки довольно обширно. Перу поэта принадлежат 29 стихотворений и известная баллада «Саатыр». Кроме того, А. А. Бестужев-Марлинский написал несколько этнографических работ, среди которых мы можем отметить очерк «Сибирские нравы. Исых».

Бестужев-Марлинский в очерке «Сибирские нравы. Исых» представил одно из первых подробных описаний праздника. Его внимание привлекли как обрядовые действия, так и социальная роль торжества:

«Три шамана приближаются к огню; ... каждый из них, черпнув ложкою кумыса из огромных деревянных кубков (аях), брызжет им на огонь: это – умиловительное возлияние. Старшины подводят белую кобылицу и старший шаман, возложив руку на ее голову, просит Небесного Бога благословить размножение стад» [3, с. 90]. Здесь мы видим одну из главных составляющих ритуалов Ысыаха – возлияние кумыса, обращенное к высшим божествам. Бестужев-Марлинский указывает на сакральность действия, но делает это в художественной манере: сочетает звуковые детали с этнографическим наблюдением.

Бестужев-Марлинский отмечает и праздничные игры: танцы осуохай, скачки, борьбу, а также богатые национальные костюмы якутов. В его очерке ысыах представлен как этнографический феномен, фиксирующий важнейшие черты традиционной культуры саха: «Тут началось потчевание. В больших и малых чашах разносят гостям кумыс, между тем как умный рассказчик говорит похвалу ему и громкие клики одобрения летят со всех сторон. Оратор неистощим» [3, с. 90]. Эта сцена иллюстрирует социальное измерение ысыаха. Кумыс – не только напиток, но и культурный символ, объединяющий участников. Образ «неистощимого оратора» показывает традицию устного творчества и импровизации, сближающую праздник с театрализованным действием.

«Женщины, схватив друг друга под руки, образуют круг для пляски под ничего не значащий припев, похожий на крик тянущих матросов. Пляска эта есть не что иное, как ходьба кругом в одну сторону, ставя левую ногу в бок, а правую вперёд» [3, с. 91]. Бестужев-Марлинский пытается описать коллективный танец осуохай, хотя называет его «не что иное, как ходьба», «ничего не значащий припев». В этом чувствуется ирония наблюдателя-чужака, который не понимает сакрального и объединяющего смысла танца. Здесь проявляется двусторонность его позиции: одновременно интерес этнографа и легкое пренебрежение «простоватостью» танца.

«Платье якутское весьма красиво: короткое полукафтанье, широко опоясанное красным кушаком, и красные замшевые сапоги... Якутки в лучших своих нарядах: многия в летниках, большая часть в шубах суконных или шелковых с соболиною или бобровою окладкою, с подвесками на косах, на серьгах, на плечах. Из них иныя очень недурны, но огромныя меховыя шапки безобразят всех» [3, с. 91]. Здесь фиксируется этнографическая точность названия предметов одежды, но в то же время автор допускает субъективные оценки: «очень недурны», «безобразят всех». Это подчеркивает, что Бестужев-Марлинский остается художником, а не строгим этнографом.

«Мужчины скачут и бегают на перегонки, прыгают на далёкое расстояние на одной ноге или через веревочку; движения их медленны и неловки – климат виден во всём. Борются полунагие, упершись головами и схватя друг друга за руки выше локтей. Кто первый коснулся земли спиною, тот побеждён. Смех и клики приветствуют атлетов» [3, с. 91]. Эта сцена демонстрирует игровое и соревновательное измерение ысыаха. Автор соединяет точное описание движений с культурологическим выводом: «климат виден во всём», будто суровая природа определяет «неловкость» якутов. С одной стороны, это этнографическое наблюдение; с другой – оценка человека, которому чуждо и непривычно наблюдать якутскую культуру.

Таким образом, Бестужев-Марлинский в «Сибирских нравах» создал первое литературное описание ысыаха. Его текст сочетает этнографическую точность (обряды, одежда, игры), художественную образность (описания природы, эмоций участников), субъективные суждения (о «неловкости» или «неизысканности»).

Николай Алексеевич Чижов – русский поэт эпохи романтизма, член Северного общества. До декабристского восстания был морским офицером, участником исследовательской экспедиции на Новую Землю, автором ее физико-географического описания. В сентябре 1826 года был доставлен в Олекминск, неоднократно просил перевести его в Якутск, но в этих просьбах ему было отказано. Только в 1933 году по ходатайству матери ему разрешили служить в Иркутске, затем в Тобольске, потом в Омске. Умер в 1848 году в селе Троицком Орловской губернии. Таким образом, Чижов стал декабристом, который прожил в Якутии дольше всех, около шести лет. Автор двух баллад, «Нуча» и «Воздушная дева», созданных по мотивам якутского фольклора.

Чижов оставил поэтические упоминания ысыаха. В балладе «Нуча» герой-русский ссыльный отказывается подносить дары духам, и духи его жестоко карают за это. Нуча предстает как одинокий романтический герой. В балладе он равнодушно наблюдает за весельем праздника:

Он смотрел на исых
Пляски стройные дев,
Их весёлый напев,
Их роскошный убор
Не влекли его взор [3, с. 60].

Здесь ысыах предстает как символ народного веселья, от которого герой остается отчужденным. Здесь появляется мотив романтической отстраненности, характерный для поэзии декабристов. Лирический герой как будто лишний на празднике, поскольку его душа полна другими переживаниями.

В другом стихотворении – «Воздушная дева» – героиня влюбляется в одинокого демона, который уносит ее и оставляет между небом и землей. В балладе праздник изображен уже как далекое видение:

Однажды с облаков моих
Мне виден шумный был Исых,
И пляски дев, и бег коней,
Борьба и пир вокруг огней
Созвала там подруг весна
А я одна, всегда одна
Беспечные, они поют,
Меня же ветры вдаль несут [3, с. 72].

Для Чиждова ысыах становится образом недостижимого счастья, праздника, в котором он не может принять участия. Символика подчеркивает несовпадение мира героя и мира народа. Для Чиждова Ысыах – это образ «чужого счастья», до которого декабрист не может дотянуться.

Таким образом, мотив ысыаха у Чиждова носит символично-романтический характер. Ысыах у него – это символическое отражение душевного состояния ссыльного. Он видит праздник, но не участвует в нем. Это выражает романтический конфликт: народ живет, празднует, а герой-изгнанник остается в стороне. Таким образом, его произведение находится на границе между художественным этнографизмом и личными впечатлениями ссыльного декабриста.

Сопоставление текстов декабристов позволяет выделить несколько уровней отражения ысыаха. Для Чиждова праздник – это повод лирической рефлексии, символ тоски и отчуждения через личную драму. Для Бестужева – это объект художественного и научного интереса, который нужно ярко и точно описать. Это сопоставление доказывает, что не существует единого «декабристского взгляда» на ысыах. Его образ в наследии ссыльных декабристов является многогранным и зависит от индивидуальной стратегии адаптации к сибирской реальности: уход в себя и свои

переживания (Чижов) или активное познание и освоение окружающего мира (Бестужев-Марлинский). Таким образом, можно еще отметить развитие традиции литературного изображения ысыаха: от романтической символики к этнографическому и культурологическому описанию. Праздник ысыах занял заметное место в произведениях русских писателей XIX века, оказавшихся в Якутии.

В целом декабристы сыграли значительную роль в формировании образа якутской культуры в русской литературе и этнографической мысли XIX века. Как отмечает М. Г. Михайлова: «Они первые с восхищением рисовали картины природы края, ставшего местом их ссылки. Они восторженно знакомились с местными жителями и обращались к устному народному творчеству якутов как к источнику поэтической работы. Поэты-декабристы явились зачинателями литературно-художественного очерка, баллады, лирического стихотворения на якутскую тему. Связанное с якутской ссылкой, их творчество, насыщенное мотивами свободолюбия и искреннего уважения к национальным традициям, сыграло важную роль в расширении и развитии исторических связей русского и якутского народов» [1, с. 30–31].

Источники и литература

1 Михайлова М. Г. Очерки русской литературы Якутии / М. Г. Михайлова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1995. – 184 с.

2 Охлопков В. Е. История политической ссылки в Якутии : Книга первая (1825–1895 гг.) / В. Е. Охлопков. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1982. – 448 с.

3 Сафронов Ф. В. Декабристы в якутской ссылке. К 150-летию со дня восстания декабристов / Ф. В. Сафронов. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1975. – 106 с.

*Зименков Александр Лазаревич,
Фонд культурного наследия
А. С. Грибоедова, г. Москва
Черткова Ярослава Алексеевна
Московский государственный университет спорта и туризма
г. Москва*

СОХРАНЕНИЕ НАСЛЕДИЯ А. С. ГРИБОЕДОВА В КОНТЕКСТЕ ДЕКАБРИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В 2025 г. исполнилось 230 лет со дня рождения великого русского дипломата и драматурга А. С. Грибоедова. Нельзя сказать, что юбилей классика русской литературы стал заметным явлением в культурной жизни российского общества. На знаменательную дату отреагировали библиотечные и музейные сообщества. Писательские же союзы, дипломатические, государственные институты обошли событие стороной. Между тем, по времени она совпала с 200-летием со дня памятного выступления членов тайного декабристского общества на Сенатской площади, чем побудила провести исторические параллели о связях с декабристами как самого А. С. Грибоедова, так и А. С. Пушкина, А. И. Одоевского, В. К. Кюхельбекера и других известных литераторов дворянской эпохи, талантливых поэтов и публицистов. Совпадение двух дат напомнило и о возможных путях сохранения наследия поэтов-декабристов, поиске ответов, насколько глубоко были некоторые из них интегрированы в тайное общество и стоит ли считать их членами сообщества, предвосхитивших падение крепостного права в России.

Трудно представить, если русская литература лишилась бы столь ярких своих представителей, если на следствии по делу декабристов доказали бы их причастность к тайному обществу. Следственные действия были остановлены в момент, когда тайное постепенно становилось явным и многие обстоятельства знакомства литераторов с лидерами движения, их вовлеченность в дела декабристов стали проявляться и подтверждать причастность поэтов-дипломатов, лицеистских друзей, дворянского окружения главных действующих лиц восстания на Сенатской площади. Такого трагического, но и громкого финала следственные органы позволить себе не могли, и дела о подозрении причастности молодых литераторов к тайному обществу были спущены на тормозах.

Причастность А. С. Грибоедова к декабристскому движению, по сути, была доказана в исследовании известного советского историка, академика АН СССР М. В. Нечкиной [2, с. 77–146] и других исследователей.

Естественно, сам А. С. Грибоедов отрицал свое участие в делах общества, и в этом нет ничего предосудительного, т. к. он в то время, будучи на государственной службе и состоя в Коллегии иностранных дел Российской империи [3, с. 135–150], был полон планов продолжить свою литературную карьеру, да и соображения собственной безопасности диктовали ему оградиться от роковой опасности – признательных показаний.

Вместе с тем биограф А. С. Грибоедова, литературный критик и литературовед Д. А. Смирнов в опубликованных «Рассказах о Грибоедове», записанных со слов его друзей, приводит ответ одного «близкого друга» на вопрос о действительной степени участия Грибоедова в заговоре 14 декабря:

«– Разумеется, полная. Если он и говорил о ста человеках прапорщиков, то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне. На этом-то основании, вскоре после дуэли своей с Якубовичем, он и с ним был “как ни в чем не бывало”, как с единомышленником» [1, с. 304]. Данное свидетельство позволяет нам сделать несколько выводов: близкое окружение считало А. С. Грибоедова причастным к деятельности декабристов; оно также указывало на косвенную причастность дипломата к тайному обществу посредством общения его после известной дуэли с А. И. Якубовичем, случившейся 23 октября 1818 г. Впоследствии капитан и литератор А. И. Якубович участвовал в восстании на Сенатской площади, но официально в тайном обществе не состоял, однако факт участия в выступлении причисляет его к декабристам. Отметим, что приведенные в рассказе Д. А. Смирнова воспоминания не являются достоверным источником по делу А. С. Грибоедова в силу их анонимности и неподтвержденности какими-либо документальными свидетельствами. Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что в изданной книге воспоминаний о А. С. Грибоедове, собственно, о данном факте его биографии, связанном с декабристами, мало кто из его друзей свидетельствует. В данном случае непонятно по каким причинам это произошло: либо действительно из-за отсутствия хотя бы косвенной информации в большем объеме, чем у Д. А. Смирнова, либо из соображений безопасности.

Памятные даты – грибоедовский юбилей и декабрьское восстание 1825 г. – напрямую не связаны между собой, и было бы неправильно проводить между ними какую-либо историческую параллель. Вместе с тем они позволяют взглянуть на процессы коммуникаций дворянского круга того периода, когда думающие о дальнейшей судьбе Отечества офицеры и литераторы взялись за переустройство общественного строя государства.

Музейное грибоедовское пространство сохранилось в нашей стране лишь в одном месте – усадьбе семьи Грибоедовых в селе Хмелита

Смоленской области. Невзирая на обращения к московским властям многих поколений исследователей и почитателей таланта А. С. Грибоедова, в столице – на родине Грибоедова – отсутствует музей и улица его имени [8, с. 512–518]. Власти города ссылаются на наличие памятника дипломату и драматургу на Чистых прудах и недавно названной площади его именем вокруг этого же памятника. Таким образом историческая память в Москве о гениальном драматурге «заперта» в уголке Чистых прудов. Почитатели талантов А. С. Грибоедова при этом недоумевают, почему так происходит, и выстраивают собственные конспирологические конструкторы, связанные с токсичностью для чиновничества грибоедовских сюжетов комедии «Горе от ума», а в связи с намеками на причастность А. С. Грибоедова к декабристскому обществу добавляют и это обстоятельство. Верится, что грибоедовский гений пробьется сквозь этот частокол ментальных преград, и отношение к наследию русского классика и дипломата будет подобающим масштабам его дарования.

Фонд культурного наследия А. С. Грибоедова ведет большую просветительскую работу по популяризации наследия драматурга, причем делает акцент на разъяснение не только нераскрытых в научно-популярной литературе страницах его биографии, но и с искажением правды о разностороннем жизненном пути классика русской литературы, особенно это относится к обстоятельствам трагической гибели дипломата. В распоряжение Фонда культурного наследия А. С. Грибоедова передан комплект архивных документов о различных периодах его жизни, начиная с детских лет пребывания в селах Владимирской области, документы из Архива Коллегии иностранных дел Российской империи и др.

Значителен потенциал педагогических новаций [7, с. 82–87], основой которым служит грибоедовский материал – текст комедии «Горе от ума», письма и дневники А. С. Грибоедова, воспоминания современников, квесты и литературные эксплураториумы (прошли методическую и практическую апробацию в средних и высших учебных заведениях) [6, с. 15–20], балльная культура российского дворянства [4, с. 102–111], обучение на основе знаний публичной дипломатии [5, с. 766–768], выставки, экскурсии, литературно-музыкальные вечера, лектории и др. Фонд А. С. Грибоедова осуществляет комплекс мероприятий культурно-просветительного уровня для всех возрастов – от школьников до ветеранов – такова действительная читательская аудитория, интересующаяся биографией дипломата и драматурга, не ограничивающаяся лишь прочтением одного его главного произведения, а рассматривающая наследие А. С. Грибоедова в комплексе, созвучном гениальности автора, – в музыке, литературе, лингвистике, дипломатии, экономике, травелогах, страноведении, театре и искусстве.

Источники и литература

1 Грибоедов. Его жизнь и гибель в воспоминаниях современников. – Москва : «Захаров», 2015. – 400 с.

2 Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы / М. В. Нечкина // Литературное наследство. – Москва : Академия наук СССР, 1946. – № 47–48. – С. 77–146.

3 Чертков А. С. Архивные источники о поступлении А. С. Грибоедова на дипломатическую службу / А. С. Чертков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2025. – № 1(43). – С. 135–150.

4 Чертков А. С. Грибоедовский бал в системе исторических балльных танцевальных традиций / А. С. Чертков // Обсерватория культуры. – 2024. – Т. 21. – № 1. – С. 102–111.

5 Чертков А. С. К вопросу о смыслах публичной дипломатии в политической повестке современного государства / А. С. Чертков // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях : сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Калининград, 29 марта 2025 года. – Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2025. – С. 766–768.

6. Чертков А. С. Литературно-дипломатический эксплораториум «А.С. Грибоедов» как форма реализации научно-образовательных программ / А. С. Чертков // Образовательные ресурсы и технологии. – 2023. – № 1(42). – С. 15–20.

7 Чертков А. С. Образовательный компонент грибоедовских проектов в контексте инновационных игровых технологий / А. С. Чертков // Гуманитарные науки (г. Ялта). – 2023. – № 2(62). – С. 82–87.

8 Чертков А. С. Мемориализация и музеефикация культурного наследия А. С. Грибоедова / А. С. Чертков, А. Л. Зименков, Я. А. Черткова // Региональные культурные стратегии в современном мире : материалы V Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Пермь, 15–16 мая 2025 года. – Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2025. – С. 512–518.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕКАБРИСТОВ ПОСЛЕ АМНИСТИИ 1856 ГОДА

Декабристы, участники восстания 14 декабря 1825 года, навсегда вошли в историю России как символ борьбы за политические свободы и социальную справедливость. Однако их историческая роль не ограничивается событиями на Сенатской площади. После восстания судебные органы Российской империи приговорили к уголовной ответственности 579 человек. Обращаясь к «Полному собранию законов Российской Империи», по приговору Верховного уголовного суда 121 человек был признан виновным в государственных преступлениях. Все осужденные были классифицированы на 11 разрядов в зависимости от степени их вины и участия в заговоре.

Обозначим следующих участников движения, которых мы затронем в работе. По I разряду были осуждены Сергей Петрович Трубецкой [2, с. 179] и Александр Викторович Поджио [2, с. 144] и приговорены к вечной каторге, но позднее срок сократился до 20 лет, а затем до 13 лет. Иван Александров Анненков [2, с. 218] и Петр Николаевич Свистунов были приговорены к 20 и 15 годам каторги по II разряду. Андрей Евгеньевич Розен был осужден по V разряду и приговорен к каторжному суду на 10 лет, [2, с. 158], в последующем срок сократиться до 6 лет. Михайло Александрович Назимов [2, с. 290], осужденный по VIII разряду, был приговорен к «сылке в Сибирь на поселение бессрочно... указом 22 августа повелено оставить его на поселение 20 лет».

Первоначально декабристы содержались в Читинском остроге и в тюрьме при Петровском Заводе. После отбытия основных сроков каторжных работ большинство декабристов были переведены на поселение в различные регионы Сибири.

Амнистия декабристам была объявлена 26 августа 1856 года «Манифестом о всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю коронавания Его Императорского Величества». Впервые был обнародован 28 августа в газете «Московские ведомости».

Согласно тексту манифеста, статьей XV предусматривалась большая амнистия «подвергшимся разным за политические преступления наказаниям и донныне не получившим еще прощения» [6, с. 791]. Помилование даровало «освобождение от оно с правом жительства... в пределах Нашей

Империи и Царства Польскаго» [6, с. 791], исключения делались только на Москву и Санкт-Петербург. Указом Правительствующего сената от 26 августа амнистированным возвращались дворянские титулы, но исключение было для осужденных по I разряду – Трубецкого, Оболенского и Волконского. Их детям, рожденным после приговора, дворянство и прежние титулы были возвращены на четыре дня позже, специальным указом 30 августа.

Амнистия 1856 года, несмотря на свой милостивый характер, сопровождалась скрытыми ограничениями, что свидетельствовало о двойственной позиции власти. С одной стороны, Александр II стремился подчеркнуть начало новой, более либеральной эпохи, с другой – правительство сохраняло осторожность в отношении бывших декабристов.

Это выражалось в негласном полицейском надзоре. Так, в очерке, составленном С. Я. Гессеном и А. В. Предтеченским, о жизни Анненковых в Нижнем Новгороде описываются опасения Анненковых по поводу возможного надзора в Нижнем Новгороде. В письме им Свистунов упоминает, что есть бумага одного из министров сибирским губернаторам, в которой требуется установить два разряда: один для амнистированных, другой для оставляемых под надзором, и было дано распоряжение установить надзор над Пушиным. Другим примером может послужить С. П. Трубецкой. В письме А. С. Ребиндер и Е. П. Потемкиной писал, что после прочтения «Манифеста» им было объявлено, что он «должен находиться под надзором полиции» [1, с. 257].

Таким образом, амнистия 1856 года, формально щедрая, сохраняла определенную осторожность режима. Она позволила декабристам вернуться к общественной жизни, но в установленных властью рамках, что во многом определило их дальнейшую роль не как активных политических деятелей, а как «символов» реформаторского процесса и носителей либеральных идей.

Участие декабристов в подготовке и реализации Крестьянской реформы 1861 года стало важной вехой в истории российских преобразований, демонстрирующей преемственность либеральных идей от первого поколения русских революционеров к реформаторам эпохи Александра II.

Андрей Евгеньевич Розен подготавливает в 1858 году свой проект освобождения крестьян на основе Остзейской реформы безземельного освобождения крестьян. Его план предполагал, что крестьяне смогут добиваться экономической самостоятельности через различные формы трудовых и финансовых обязательств [5, с. 71]. Розен отчетливо осознавал недостатки эстляндской модели безземельного освобождения крестьян для остальной России: «Тут крестьяне получили только личную свободу, без земли, отчего

оставались в некоторой зависимости от владельца земли, или подвергались участи бездомного работника, или увеличивали собою число пролетариев» [7, с. 34]. Осознавая важность наделения крестьян землей, он с воодушевлением воспринял реформу 1861 года и, заняв пост мирового посредника, активно способствовал ее реализации, рассматривая это как выполнение гражданского долга.

Сергей Петрович Трубецкой, хотя формально не занимал официальных постов в структурах, готовивших реформу, оказывал значительное влияние через свои обширные связи в правительственных и общественных кругах.

Московский дом Трубецкого стал неофициальным центром, где встречались разработчики реформы и их критики. Его конституционные проекты 1820-х годов, предусматривавшие поэтапную отмену крепостного права с наделением крестьян землей, служили ориентиром для новых реформаторов. Но в дальнейшем, ожидая реформу Трубецкой, разочаровался в дворянстве, которое отвергало отмену крепостного права, считая его естественным и полезным. «Нет надобности оспаривать всех этих и подобных положений. То, что видится беспрестанно на деле, нисколько не оправдывает выше переченных притязаний дворянства» [10, с. 41–42]. Он возлагал надежды только на Александра II.

Александр Николаевич Муравьев, неся службу в Нижнем Новгороде, принял участие в отмене крепостного права, считая это своей «лебединой песней». Столкнувшись с сопротивлением местных крепостников, включая угрозы собственного брата М. Н. Муравьева-Вешателя, он добился создания губернского комитета по крестьянскому вопросу. Его радикальная речь на открытии комитета 18 февраля 1858 года, названная жандармами «возмутительной прокламацией», вызвала одобрение декабристов и Шевченко, но обострила конфликт с консерваторами. Вынужденный действовать в рамках официальных предписаний, Муравьев разработал компромиссный проект, ограничивавший произвол помещиков через систему общинного суда и внешнего контроля [3, с. 51–53].

Михаил Александрович Назимов активно включился в работу Псковского губернского комитета «Об улучшении быта помещичьих крестьян, выходящих из крепостной зависимости» [4, с. 47]. Назимов взял на себя ответственность по составлению общей программы работы комитета, после чего специально отправился в Петербург для сбора необходимых материалов, где провел три недели. Особое внимание он уделил изучению практического опыта безземельного освобождения крестьян в Прибалтике. В отличие от большинства членов губернских комитетов, придерживавшихся крепостнических взглядов, Назимов занимал особую позицию,

стремясь к объективному анализу ситуации и учитывая негативный опыт прибалтийских реформ 1816-1819 годов. К сожалению, подробности его дальнейшей работы в комитете остаются неизвестными, однако уже эти действия свидетельствуют о его желании выработать наиболее справедливые решения крестьянского вопроса.

Иван Александрович Анненков, бывший декабрист, состоял сверх штата по особым поручениям при нижегородском губернаторе А. Н. Муравьеве в 1857–1861 годах. На этой должности он активно участвовал в подготовке и проведении крестьянской реформы 1861 года, проводя ревизии уездных присутственных мест и работая в Нижегородском губернском комитете по улучшению быта помещичьих крестьян в качестве члена от правительства.

Анненков сохранил свои антикрепостнические взгляды, что ярко проявилось во время его посещения семейных владений в Пензенской губернии. В письме жене от 10 июня 1858 года он с возмущением писал: «Я застал здесь порядки американских плантаторов. Порка происходит ежедневно. Управляющие расхаживают день и ночь с кнутами в руках. Прошлую ночь я даже не мог заснуть, так что объявлю кузену, что в своей части уничтожу эти порядки... Моя старая ненависть к рабству пробудилась с тех пор, как я попал в Пензенскую губернию на американские плантации... Здесь отпечаток рабства на всех лицах...» [1, с. 286].

Такая ситуация хорошо демонстрирует его несговорчивую позицию по отношению к крепостному праву. Даже после многих лет службы Анненков оставался верен идеалам своей юности и боролся за справедливое решение крестьянской проблемы. Его деятельность в Нижегородской губернии стала важной главой в истории Великих реформ Александра.

Петр Николаевич Свистунов после амнистии получил часть отцовского наследства в Лихвинском и Козельском уезде Калужской губернии. В 1859 году был избран в члены Калужского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян, в этом же комитете состояли и другие декабристы (Е. П. Оболенский, Г. С. Батеньков). Как писала в своих работах Н. Б. Рабкина, Свистунов активно включился в работу Калужского губернского крестьянского комитета, где вместе с другими бывшими ссыльными – декабристами Оболенским, Батеньковым и петрашевцем Кашкиным – разработал «Главные основания выкупного проекта». Однако их инициативы встретили резкое сопротивление: местные консерваторы обвиняли Свистунова в «предательстве дворянских интересов», а правительство, опасаясь радикализма, не допустило его в Главный крестьянский комитет. Свистунов и его соратники были отстранены от работы – в 1862 году он ушел в отставку. Так, даже после возвращения из ссылки

бывшие декабристы, выступавшие за справедливое решение крестьянского вопроса, оставались нежелательными фигурами для власти и консервативного дворянства.

Отмена крепостного права в России в 1861 году является одним из поворотных событий в отечественной истории. Наиболее активно процесс осуществлялся силами мировых посредников, среди этих посредников особое место занимали бывшие декабристы. Их деятельность представляет уникальное явление – люди, некогда выступавшие за радикальные преобразования, теперь получили возможность воплощать свои идеалы в рамках государственной системы.

Деятельность барона А. Е. Розена как мирового посредника второго участка Изюмского уезда Харьковской губернии в период проведения Крестьянской реформы 1861 года представляет собой яркий пример самоотверженного служения делу освобождения крестьян. Обращаясь к «Отчету действий мирового посредника ... барона А. Е. Розена...», мы видим, что первоначальная работа Розена по составлению уставных грамот началась с оптимистических ожиданий.

Однако он вскоре столкнулся с трудностями [8]. Крестьяне проявляли упорное нежелание принимать новые условия, что Розен объяснял как особенностями крестьянского мировоззрения, так и распространением ложных слухов. Для их просвещения он рассылал по волостям таблицы, которые наглядно сравнивали выгоды различных форм повинностей.

Глубокий анализ причин таких затруднений привел Розена к выводу о трех основных проблемах, тормозивших реформу. Во-первых крестьяне опасались экономических последствий нового земельного устройства, т. к. недостаток будет еще ощутимее. Во-вторых, подавляющее большинство крестьян еще не понимает, что такое уставная грамота. В-третьих, распространение различных слухов о «даровой земле» и новых льготах дезориентировало крестьянское население [8]. В этих условиях Розен видел единственный выход в неукоснительном соблюдении закона, сочетая формальное исполнение предписаний с постоянной разъяснительной работой.

Особое внимание Розен уделял развитию крестьянского самоуправления, считая любое вмешательство помещиков в дела сельских обществ «безусловно вредным» [8]. Он с пониманием относился к неизбежным ошибкам первых волостных судов, отмечая, что в их решениях, наряду с отдельными нелепостями, можно найти «сокровище здравого ума».

Параллельно с основной работой посредника Розен вел активную просветительскую деятельность – в своем имении Каменка он основал мужскую и женскую школы для крестьянских детей.

Михаил Александрович Назимов, бывший декабрист, вернувшийся из

сибирской ссылки, проявил себя как один из наиболее принципиальных, добросовестных мировых посредников в период проведения Крестьянской реформы 1861 года. В своей деятельности на этом посту, будучи представителем поместного дворянства, он отстаивал интересы крестьянства, руководствуясь не сословными привилегиями, а идеалами справедливости и законности, как и все декабристы в целом.

Назначение Назимова мировым посредником в Псковской губернии произошло вместе с началом практической реализации Манифеста 19 февраля 1861 года. Как и другие посредники, он должен был ввести в действие уставные грамоты в течении двух лет, чтобы определить размеры крестьянских наделов и повинностей. О. Попов отмечал, что, в отличие от многих своих коллег, которые «в своем подавляющем большинстве стремились защитить интересы помещиков», Назимов с самого начала занял принципиальную позицию защиты крестьянских прав. Документальные свидетельства, сохранившиеся в журналах Псковского губернского по крестьянским делам присутствия, подтверждают, что «19 июня... Большинство членов, в том числе и М. А. Назимов, высказались в пользу крестьян против жалобы помещика Кругликова...» [4, с. 48].

Показателен случай и с расследованием жалобы помещика Нелидова, когда Назимов проявил добросовестность и беспристрастность. «Губернское присутствие поручило 22 мая расследовать дело члену присутствия М. А. Назимову, который тщательно и добросовестно выполнил поручение и составил акт о правомерном поведении крестьян, который подписал и помещик, дав дополнительную подписку о желании прекратить иск» [4, с. 48]. Этот эпизод демонстрирует не только профессиональные качества Назимова как посредника, но и его умение находить компромиссные решения, удовлетворяющие обе стороны конфликта.

Личный пример Назимова в проведении реформы в собственном имении заслуживает особого внимания. В отличие от многих помещиков, затягивавших процесс освобождения крестьян или стремившихся максимально урезать их наделы, он «уже в начале 1861 г. завершил составление уставной грамоты в своем имении, не ущемляя интересов крестьян и уничтожив барщину» [4, с. 48]. Этот поступок был тем более значимым, что Назимов, как и другие декабристы, после возвращения из ссылки находился в сложном материальном положении, но предпочел дело освобождения крестьян личным интересам.

Иван Александрович Анненков, бывший декабрист, вернувшийся из сибирской ссылки, проявил себя как один из наиболее принципиальных и деятельных мировых посредников в период проведения Крестьянской реформы 1861 года. Его работа в Нижегородской губернии представляет осо-

бый интерес, поскольку сочетала в себе строгое следование букве закона с глубоким пониманием духа преобразований и искренним стремлением к справедливому решению крестьянского вопроса.

Иван Александрович Анненков, работая в Нижегородской губернии, сочетал строгое следование закону со стремлением к справедливости. Избранный председателем Съезда мировых посредников, он, «несмотря на сопротивление помещиков, стремился в полной мере провести реформу в жизнь» [1, с. 296]. Его заслуги были высоко оценены властью: он был удостоен «высочайшего благоволения... за полезное содействие» и серебряной медали «за труды по освобождению крестьян».

В 1863 году он получил особый знак отличия... в память успешного введения в действие Положения 19 февраля [1, с. 297], что свидетельствовало о реальных достижениях. Его авторитет был столь высок, что он был избран и утвержден в должности нижегородского уездного предводителя дворянства.

Главное отличие декабристов от обычных посредников заключалось в мотивации. Для них это было продолжение борьбы за справедливость легальными методами, основанное на глубоких убеждениях, а не на сословных интересах. Их деятельность, сочетавшая принципиальность, просвещение и личный пример, стала важным фактором, способствовавшим относительно мирному проведению одной из самых радикальных реформ в истории России.

Источники и литература

1 Анненкова П. Е. (1800–1876). Воспоминания Полины Анненковой : с приложением воспоминаний ее дочери О. И. Ивановой и материалов архива Анненковых / с предисл. и примеч. С. Гессена и Ан. Предтеченского. – 2-е изд. – Москва : Изд-во Всесоюзного о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. – 356, [4] с., [2] отд. л. портр.

2 Декабристы : биографический справочник / АН СССР, Ин-т истории СССР и др. ; изд. подгот. С. В. Мироненко ; под ред. М. В. Нечкиной ; ст. С. В. Мироненко, с. 376–398. – Москва : Наука, 1988. – 446, [1] с.

3 Муравьев А. Н. Сочинения и письма / А. Н. Муравьев ; изд. подгот. Ю. И. Герасимовой, С. В. Думиным ; вступ. ст. О. С. Тальской. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. – 439, [2] с., [1] л. портр. ил.; 21. – (Серия «Полярная звезда»).

4 Назимов, Михаил Александрович. Письма, статьи / М. А. Назимов ; подгот. и авт. вступ. ст., с. 3–55, О. В. Попов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. – 238 с. : ил., 1 л. ил. – (Сер. «Поляр. Звезда»).

5 Письмо И. И. Пуцину. 14 декабря 1858 // Сахарова. 1995.

6 Полное собрание законов Российской Империи. Т. 31. Отделение 1. – 1856. – № 30013-31348. Собрание 2. – Санкт-Петербург : Отпечатано В Типографии II-го отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии.

7 Розен Андрей Евгеньевич (1800-1884). Записки декабриста / А. Е. Розен ; подгот. и вступ. ст., с. 3–57, Г. А. Невелева. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. – 479 с. : ил., 1 л. портр. – (Сер. «Поляр. Звезда»).

8 Розен Андрей Евгеньевич. Отчет действий мирового посредника ... барона А. Е. Розена.... // Викитека. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Отчет_действий_мирового_посредника_..._барона_А._Е._Розена...._\(Розен\)/ДО](https://ru.wikisource.org/wiki/Отчет_действий_мирового_посредника_..._барона_А._Е._Розена...._(Розен)/ДО) (дата обращения: 16.05.2025).

9 Трубецкой Сергей Петрович. Материалы о жизни и революционной деятельности / С. П. Трубецкой ; подгот. изд. В. П. Павловой ; отв. ред. И. В. Порох. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1983 – (Полярная звезда : документы и материалы). – Т. 2 : Письма, дневник, 1857–1958 гг. – 1987. – 604 с. : портр. – Указ.: с. 576–603. – (в пер.).

«ИХ РАЗЛУЧИЛА ТОЛЬКО КАТОРГА И СМЕРТЬ»

Был страшен мир, в котором правды нет,
Где рушатся устои и заветы.
И те, кто свою родину любил,
Не мог молчать и говорил об этом.

Истинные патриоты своей страны Иван Дмитриевич Якушкин и Матвей Иванович Муравьев–Апостол для многих современников служили образцом не только искренней любви и уважения к своей Родине, но и верной дружбы, проверенной тюремными и военными испытаниями.

Их судьбы такие разные, но и такие схожие. В одно время и в одном звании поступили они на службу в Семеновский полк. Прошли всю Отечественную войну 1812 года. Прошли и заграничные походы 1813 и 1814 годов. Дошли до самого Парижа. И даже награды имели одинаковые. Совсем еще юными, друзья были награждены знаком отличия Военного ордена на георгиевской ленте (Георгиевский крест) за храбрость, проявленную при охране полкового знамени во время Бородинского сражения. Они были близки по духу, взглядам на общественные явления, взаимопониманию [2].

Не удивительно, что, движимые единственным желанием изменить Россию исключительно в лучшую сторону, они стояли у истоков создания тайного общества вместе с Сергеем Ивановичем Муравьевым–Апостолом, Сергеем Петровичем Трубецким и Муравьевыми Александром Николаевичем и Никитой Михайловичем. Как объяснил Якушкин в своих показаниях, причиной создания такого общества было «усмотрение бесчисленных неустройств в России», которые, по мнению его и других членов, происходили оттого, что «все частные люди» заботятся только о своих личных выгодах. Кроме крепостного права, их негодование вызывали также жестокое обращение с солдатами, крайняя продолжительность 25-летней службы нижних чинов и повсеместное лихоимство [4].

Дружба длиною в жизнь – высказывание, которое в полной мере относится к нашим декабристам. Не растеряв юношеского пыла, даже в разлуке они поддерживают дружеские отношения и очень теплую переписку. Хотя, как пишет Матвей Иванович, «Медленность, с которой доходят письма по назначению, сама уже по себе способна отнять у переписки ту нежную

пылкость, которая порой заставляет её походить на болтовню». В этом же письме он пишет о тяжести разлуки с дорогим другом: «Надо признаться, что разлука у нас – дело более жестокое, чем где-либо» [3].

Слова пророческие, ведь после событий на Сенатской площади и восстания Черниговского полка, в котором принимал участие Матвей Иванович с братьями, их с Иваном Дмитриевичем жизненные пути разошлись на долгие десять лет.

Какой же приятный сюрприз ждал Матвея Ивановича, когда он прибыл 1 октября 1836 года в наш город. Встреча со своим давним другом Якушкиным воспринята как подарок судьбы не иначе.

Иван Дмитриевич почти не изменился за годы разлуки, лишь седина выдавала, какой нелегкий путь был им пройден до долгожданной встречи в Ялуторовске. С удовольствием делится Якушкин рассказами о забайкальской жизни декабристов, а Матвей Иванович жадно внимает каждому слову друга. Уже в старости об этих разговорах он напишет так: «После десяти лет, проведённых в совершенном отчуждении от всех близких, при первой встрече не могло быть другого разговора у меня, как о забайкальском житие, которому я так завидовал и которого не дано было видеть» [1]. В течение двадцати лет проживания в нашем городе, друзья сблизились еще больше. Время, что проводил в доме Матвея Ивановича Якушкин, когда его хозяйка Федосья Родионовна Трапезникова «морозила тараканов», часто затягивалось, т. к. домочадцы Муравьева-Апостола не хотели отпускать своего гостя. Об этом Иван Дмитриевич пишет неоднократно в своих письмах: «Я гощу и загостился у Матвея Ивановича; три уже недели живу под предлогом, что у меня в это время морозят тараканов; хозяева у меня добрые, балуют меня донельзя, общих занятий у нас довольно, и время тут летит для меня ещё быстрее обыкновенного».

Да и сам хозяин Матвей Иванович так же рад присутствию в своем доме старого друга. Об этом можно судить в том числе и по его небольшому посланию Екатерине Ивановне Трубецкой от 25 октября 1841 года. «С понедельника Иван Дмитриевич гостит у нас. Это настоящий праздник, который он мне доставляет, пока приводится в порядок его жилище. Вы так добры, княгиня, что никогда не отказываетесь разделить радость других, и это заставляет нас рассказывать о нашей» [1].

Наша радость – так характеризуется присутствие Ивана Дмитриевича в доме Муравьева-Апостола. Это ли не высшая оценка их дружеских отношений. Опять же благодаря письмам мы можем видеть, что не только долгие разговоры составляли счастье совместного времяпровождения для двух друзей, но и безусловная помощь, если она требовалась. Так, во время болезни Марии Константиновны в ноябре 1846 года Иван Дмитриевич

становится «большим помощником и большой поддержкой» для Матвея Ивановича. «Бог в своей бесконечной милости послал мне на время этого испытания нашего дорогого, хорошего Ивана Дмитриевича», – так пишет Муравьев-Апостол Трубецкому.

«В будущем году минет ровно 40 лет, что я знаком с Матвеем Ивановичем, и всякий раз, что судьба соединяла нас, мы жили с ним в совершенно таких же близких отношениях, в каких и теперь живём», – вторит ему Иван Дмитриевич в своем письме сыну.

Всегда поддерживающие друг друга, они оставались верны своей дружбе и общим идеалам. Когда Ивана Дмитриевича не стало, потрясение Муравьева-Апостола было столь велико, что он сказал: «Я как будто похоронил половину себя».

Два друга, что прошли сквозь ад войны,
Сыны Отчизны в жизни круговерти.
Остались дружбе до конца верны,
Расставшись лишь на каторге и в смерти.

Источники и литература

1 Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина / ред. и коммент. С. Я. Штрайха. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 740 с.

2 Лумпанова Г. А. Декабрист Матвей Муравьев-Апостол / Г. А. Лумпанова. – Тверь : Центпрограммсистем, 2015. – 560 с.

3 Мемуары декабристов. Южное общество. / под. ред. И. В. Пороха и В. А. Федорова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 352 с.

4 Якушкин Иван Дмитриевич. – URL: <https://terminy.info/history/historical-dictionary/yakushkin-ivan-dmitrievich> Термины – словари, энциклопедии, справочники, термины, цитаты, сонники / Исторический словарь (дата обращения: 01.09.2025).

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРВОМ КУРГАНСКОМ ГОРОДНИЧЕМ И. П. РОЗИНГЕ

На протяжении 1830 года первые декабристы Владимир Лихарев, Михаил Назимов, Иван Фохт прибыли в Курган. В последующие годы к ним добавились еще десять участников восстания, а также члены их семей. Их приезд значительно изменил маленький провинциальный город. Взаимоотношения декабристов с местным обществом и различные аспекты их влияния были хорошо изучены в многочисленных статьях сборника «Живы в памяти потомков», который был подготовлен в 2005 году специалистами Курганского областного краеведческого музея. В его состав вошли статьи, написанные с 1961 по 2005 год курганскими историками и краеведами В. В. Пундани, Б. Н. Карсоновым, А. М. Васильевой, Н. А. Лапиным и многими другими [10].

Если декабристам и их женам в Кургане повезло с подробным изучением многих аспектов их жизни, в том числе на основании воспоминаний и писем, то нельзя этого же сказать о самом городе между присвоением ему этого статуса в 1782 году и началом Великих реформ в 1861 году. По сути, различные аспекты функционирования Кургана в сфере экономики, системы управления и повседневности были представлены только в работах Н. Ф. Емельянова [9, с. 166–176, 190–202, 215–226] и А. М. Васильевой [2, с. 41–53, 63–65, 75–77 и далее]. Деятельность городничих обобщена в очерках А. Д. Кузьмина, в том числе посвященном первому городничему И. П. Розингу [11, с. 44–52; 12, с. 73–81]. Его же перу принадлежат очерки о коллежском асессоре Н. А. Бошняке, председателе уездного земского суда Ф. К. де Граве и некоторых из курганских декабристов [12, с. 81–121]. А. М. Васильевой также были написаны биографии некоторых местных купцов этого времени, в том числе прослежено их происхождение от мещан начального этапа функционирования города [например: 3, с. 7, 15 и др.; 4, с. 11, 39, 72]. Статья Я. А. Кулигиной показала вообще перспективность изучения местной торговли и ее влияние на доступность продуктов питания по документам из Государственного архива Курганской области [13]. Хотя в целом скудность источников, особенно по первым трем десятилетиям истории города, заставляла большинство исследователей обращаться к описанию Тобольского наместничества 1790 года и воспоминаниям Августа Коцебу,

а также первым планам города, на которых виден постепенный переход от хаотичной к планомерной застройке.

Даже если обратиться к известной курганским краоведам биографии Ивана Петровича Розинга, то остается неизвестной дата его назначения на эту должность. А. М. Васильева и А. Д. Кузьмин писали на основании косвенных данных о 1782 или 1783 годах [2, с. 48; 11, с. 75].

В Российском государственном историческом архиве в коллекции высочайших указов и повелений Правительствующему Сенату хранится именной указ Сенату от 19 января 1782 года об учреждении Тобольского наместничества и уездных городов, в том числе Кургана. К нему приложено штатное расписание города [20, Оп. 1. Д. 148. Л. 30–46]. В Коллекции формулярных списков чинов гражданского ведомства в том же архиве имеется послужной список директора экономии, коллежского советника И. П. Розинга, в котором указано, что «по открытии Тобольского наместничества по городу Кургану [назначен] городничим в 782» [21, Оп. 3. Д. 1914. Л. 35–36]. Информация о 1782 годе подтверждается и таким документом, как «Список о службе председателя Ратиева, директора домоводства Розинга и губернского стряпчего Резанова, который был подан в Сенат пермским и тобольским генерал-губернатором А. А. Волковым 31 августа 1792 года [17, Оп. 1. Ед.хр. 633. Л. 657–663]. О назначении И. П. Розинга там говорится, что «Тобольской казенной палаты директор домоводства надворный советник Иван Петров сын Розинг... 1782 Правительствующим Сенатом определен в город Курган городничим...» [17, Оп. 1. Ед. хр. 633. Л. 659]. В Протоколе общего собрания Петербургского департамента Сената по рапорту пермского и тобольского генерал-губернатора Е. П. Кашкина от 30 сентября 1782 года говорится об «оставшихся двух порозжих вакансий», на которые претендовали премьер-майоры Сумороков и Богдан Остенмейер [16, Оп. 75. Ед. хр. 6341. Л. 1099–1100]. Таким образом, Иван Петрович Розинг должен был занять должность и приехать в Курган между утверждением штатов 19 января 1782 г. и рапортом губернатора Е. А. Кашкина от 30 сентября 1782 г., в котором его должность не числится вакантной. По всей видимости, точнее эту дату мы не определим, так же как пока остается неизвестным то, где был И. П. Розинг после службы в качестве командира драгун в слободе Белозерской и выхода в отставку в чине секунд-майора в 1774 году [12, с. 74–75].

Интересный аспект его деятельности оказался отражен в одном из документов в фонде И-31 «Тобольская управа Благочиния или полицейская» ГБУТО ГА в г. Тобольск. В деле с Указами Тобольского Наместнического правления в Тобольской казенной палате за 1783 г. в Указе ее императорского величества тобольскому городничему плац-майору Ермакову

от 25 ноября 1783 года. В нем указывается, что Курганский нижний земский суд принимал решения об отдаче крестьян «по производившимся в том земском суде разным не свыше двадцати рублей делам», крестьяне подлежат к отдаче в рабочий дом. Поскольку казенного рабочего дома в Кургане не имелось, то их нужно отдавать на поруки. Причем из письма следует, что таких рабочих домов еще нигде не учреждено, следовательно, «впредь до учреждения оных... преступников обличившихся в краже, грабеже и мошенничествах, подходящих к зарабатыванию в иски денег и процентов отсылать к курганскому городничему Розингу». Он должен тех преступников под присмотром караула устраивать к казенным городовым работам или к очищению канав, мостов и улиц, а также другим работам [8, Оп. 1. Д. 5. Л. 362–363].

А. М. Васильева считает, что И. П. Розинг был переведен из Кургана в Пермь в 1787 году, когда в городе появился новый городничий Семен Федорович Толстых [2, с. 49]. А. Д. Кузьмин отметил, что еще с 3 июля 1786 года Иван Петрович был советником наместнического правления в Тобольске [12, с. 77]. В уже упоминавшемся выше списке о службе от 31 августа 1792 года указано, что в 1784 году «по случаю бывшего от разлития весенних вод чрезвычайнаго наводнения, также и существовавшего недостатка в хлебе» И. П. Розинг был прикомандирован в Тобольск. Поскольку он «оказывал неусыпное с похвальною расторопностью старание и отменную ревность, и усердие», то в октябре 1784 года был определен Правительствующим Сенатом советником в Тобольскую казенную палату» [17, Оп. 1. Ед.хр. 633. Л. 660–661 об.], где он в 1792 году числился как надворный советник и директор домоводства этой палаты. Таким образом, уже в 1784 году он находился на новой должности. Остается не ясным, мог ли он совмещать ее с должностью городничего Кургана, был ли вместо него в город назначен новый или должность оставалась вакантной до ее занятия С. Ф. Толстых. В таком случае без ответа остается и вопрос о том, был ли при нем подготовлен первый план города Кургана [11, с. 46], который «проектирован» по приказу генерал-губернатора Е. П. Кашкина в 1786 году, но «высочайше не подтвержден» [19, Оп. 167. Тобольская губерния. Д. 20. Л. 1], то есть он не был утвержден высшей властью. А. М. Васильева отмечает, что «...до 1810 года Курган застраивался по неутвержденным планам» [5, с. 12].

В краеведческой литературе принято говорить о том, что Розинг получил земельный надел в Курганском округе после выхода в отставку с военной службы [12, с. 75], или же о том, что он, помимо 40 дворовых людей в городе, у него были земли недалеко от города, где «образовалась небольшая деревенька из семи домов», которая называлась «Розинговой» [2, с. 49].

Благодаря исследованиям В. Г. Вахтина и Л. Соколовой, можно говорить о том, что у него были земли в районе оз. Лукино (современный Кетовский МО), а в 1802 году он получил земли у оз. Малый Марай, где образовалась Варварина (Розингова) деревня (сейчас территория Половинского МО) [6, с. 157–163; 22].

Сложно сказать, когда именно Розинги начали строить единственный в начале XIX века двухэтажный каменный дом в Кургане. А. М. Васильева со ссылкой на воспоминания Августа Коцебу считала, что это случилось после отставки И. П. Розинга с должности пермского вице-губернатора. Исходя из этого предположения, в 1810 году домом владела статская советница Мария Ивановна Розинг, вдова первого городничего [2, с. 49; 6, с. 158]. Его отставка произошла весной 1800 года, но уже осенью 1803 года Иван Петрович стал статским советником, а в 1805 году снова занял пост вице-губернатора. На нем он оставался до апоплексического удара (инсульта) в 1817 году, после которого прожил еще три года и скончался в Перми. Причем до отставки семья однозначно проживала в одном из самых больших домов в Перми [1, с. 7], в силу этого не ясно, насколько часто и кто именно из семьи посещал Курган.

В принципе, И. П. Розинг вполне мог начать строительство именно в период своей первой отставки, особенно после получения значительного объема земель в 1802 году. Дополнительным аргументом может быть то, что этот дом виден уже на плане города Кургана 1806 года, который входит в состав Атласа Тобольской губернии Василия Филимонова [5, с. 15]. По неясным причинам бывший городничий изначально записал дом на свою супругу, что и отразилось на экспликации плана уездного города Кургана 1810 года, причем не было исключительным случаем, как мы покажем далее. В целом этот план является еще одним источником по истории семьи первого городничего и его окружения [7, Оп. 2. Д. 1]. Его копия имеется в Доме-музее декабристов в Кургане, поскольку он хронологически близок к их приезду и показывает общую ситуацию в городе, которая до пожаров середины XIX века была малоизменчивой.

После болезни и особенно кончины Ивана Петровича у вдовы явно были тяжелые времена, поскольку она в 1819 году избавилась от дома в Перми, в который после долгих торгов в 1823 году заехало Пермское Губернское правление [1, с. 6]. Затем схожая судьба постигла и дом в Кургане. Так, в РГИА имеется дело о покупке дома у вдовы Розинга «для помещения присутственных дел в Кургане» за 8 декабря 1821 г. – 18 мая 1822 года, к которому приложены планы и фасад двухэтажного дома [18, Оп. 8. Д. 2028. Л. 1–31 об., планы на л. 13]. Хотя, например, землями с крепостными они продолжали владеть до 1861 года [6, с. 160–162].

Следует признать, что надпись на еще одном плане г. Кургана 1810 «дом статской советницы Розинговой, в коем находятся присутственные места» [5, с. 17] отражает не его переход к новому собственнику, а лишь то, что это здание вскоре после постройки стало сдаваться в аренду. Скорее всего, это было связано с возвращением в 1805 году И. П. Розинга к исполнению обязанностей пермского вице-губернатора, что привело к постоянному пребыванию в Перми и ненужности курганского дома.

Насколько часто в уездном городе Кургане женщины в начале XIX века являлись владельцами усадеб? Ответ на этот вопрос опять же можно найти на экспликации плана города 1810 года [7, Оп. 2. Д. 1]. Всего на нем отражен 151 частный владелец (на одной из усадеб в обывательском доме размещены уездный и земской суды), из них 16, то есть чуть более 10 %, женщины. Их статус разный: статская советница, коллежская асессорша и вдова, коллежская асессорша, вдова титулярная советница, госпожа, две мещанки, одна мещанская дочь, четыре вдовы мещанские жены или просто вдовы мещанки, солдатка, три вдовы солдатки. Таким образом, категория «вдова» обязательно выделяется, при этом их 9 человек, то есть чуть более 50 %, но в 1810 году М. И. Розинг к ним не отнесена, что также подтверждает более позднюю кончину ее супруга.

Вообще, экспликация к плану города 1810 года, перечисляя владельцев усадеб в Кургане, позволяет представить городское общество этого времени. Но при работе с ним следует учесть, что при проверке обывательских домов, завершенной к 5 августа 1810 года, у 130 домов, стоящих не по плану, владельцы не были указаны. По всей видимости, эти строения еще не обветшали или повалились, а хозяева добровольно не стали перестраивать их по плану. Еще в записке, сопровождавшей план города 1786 года, уточнялось, что только после признания непригодности к проживанию или уничтожения, чтобы обыватели не терпели убытков, им должны были отводить новые порожние места в рамках нарезанных усадеб внутри кварталов [5, с. 18–19]. Таким образом, в сумме было 282 домовладения. Только для некоторых из 130 домов по косвенным данным можно установить владельцев, особенно если их наследники потом стали купцами. С определенной долей вероятности можно признать то, что поскольку слобода Царево городище и потом г. Курган долгое время были приграничным поселением, то здесь селилось большое число отставных солдат и офицеров. К сожалению, археологические раскопки на некоторых из участков, где на плане указаны старые обывательские постройки, показали, что при их дальнейшем планомерном освоении старые строения полностью сносились, а сам участок тщательно очищался перед застройкой, чему могли способствовать и городские пожары. Несмотря

на эти ограничения, мы считаем, что анализ известных владельцев все же даст некоторую новую информацию.

В целом социально-демографический анализ населения города представлен в работе Н. Ф. Емельянова [9, с. 189 и далее]. Нас в данном случае интересует, во-первых, то, насколько группы по статусу владельцев усадеб совпадут с группами горожан в целом, которые реконструированы по данным на 1801 год, поскольку, по мнению этого историка, за время Отечественной войны такие группы населения, как купцы, обнищали [9, с. 191–193], что в целом изменило все социальные пропорции в 1820–1830-е гг. Во-вторых, данные с этого плана показывают более подробную характеристику групп населения.

На 1801 год в Кургане было 359 мужчин, из них 47 купцов и 146 мещан и цеховых (54 % от общего числа), 85 разночинцев (23,6 %) и 81 дворовой человек (22,6 %) [9, с. 191]. Число женщин на этот год неизвестно, но если сравнить в пропорции, то в 1790 году было 526 мужчин и 545 женщин, а в 1816 году 273 мужчины и 321 женщина [9, с. 190, 192], то есть женщин было больше на протяжении более четверти века. Естественно, что такой диспропорции среди владельцев усадеб в 1810 году мы не увидим: на 135 мужчин приходится 16 женщин.

К верхушке городского общества однозначно относились 13 человек, имевших гражданские чины различного уровня: один надворный советник (чин VII класса), шесть титулярных советников (чин IX класса), четыре губернских секретаря (чин XII класса), один коллежский регистратор (чин XIV класса), один городской секретарь (чин XIV класса).

Довольно немногочисленным среди владельцев было городское духовенство единственной Троицкой церкви из 5 человек: священник, дьякон, два дьячка и пономарь.

Традиционные городские сословия в лице купцов (9 человек) и мещан (43 человека) действительно образовывали вместе с мещанками и вдовами мещан самую широкую категорию владельцев усадеб. Чаще всего из них же выбирали уездных судий, один из которых указан отдельно как владелец усадьбы. Перечень мещан является важным источником для истории пополнения городского купеческого сословия.

В городе сохранялась прослойка военного сословия (15 человек), представленная среди хозяев двумя штаб-лекарями (старшие полковые врачи в армии, на тот момент единственные квалифицированные специалисты в сфере медицины в Кургане), два штабных унтер-офицера, десять штабных солдат и один казак.

Чрезвычайно разнообразна была категория разночинцев. Во-первых, к ним можно было отнести канцелярских и иных служащих (три канцеля-

риста, возможно, близки к ним были счетчик и экспедитор). Во-вторых, в силу близости границы была очень широко представлена прослойка отставных военных (22 человека): один отставной полковник, шесть отставных унтер-офицеров, двенадцать отставных солдат, один отставной казак. Близки к ним по положению были один отставной почтальон и один капитанский сын. Скорее всего, к разночинцам же относился единственный упомянутый в экспликации рабочий.

Не характерной для городских слоев, но часто встречающейся в Кургане была категория крестьянства, которых среди владельцев усадеб было 9 человек. Близок к ним по положению единственный отпущенник. Кроме того, в городе среди владельцев было семь посельщиков, «как называли в официальных документах того времени ссыльных переселенцев, которые не платили налоги в течение трехлетнего срока льготы, отводимой на обзаведение хозяйством». Их переселению в Сибирь «способствовал сенатский указ от 13 декабря 1760 г., дающий разрешение помещикам ссылать в Сибирь неугодных им крестьян в зачет рекрутских наборов» [14, с. 29–30]. Суммарно различные категории крестьянства составляли 17 человек, то есть среди владельцев их было почти в два раза больше, чем купцов.

Кроме того, выделяются двое дворовых людей (они принадлежали вдове титулярной советнице Пушкаревой и, скорее всего, курганскому горюднику с 1805 по 1809 гг. Ф. К. де Граве). Хотя в последнем случае требуется анализ иных документов, чтобы понять, кто в таком случае являлся реальным владельцем усадьбы.

У одного человека, названного как проконон Наргиз Никитин, статус определить не представляется возможным.

В целом перечень владельцев усадеб явно не совпадает с пропорцией городского населения по социальным группам. Лица, наделенные чинами, их жены и вдовы владеют 12 % усадеб, люди церкви – 3,3 %, купцы, мещане, их жены, вдовы и дочери – 39,3 % (при этом собственно купцы – только 6 %), представители военного сословия – 10,6 %, разночинцы – 22,7 %, крестьяне – 11,3 % и, что ожидаемо, дворовые 1,3 %. Это заметно отличается от общей пропорции групп городского населения на 1801 год, при том что за 9 лет не было причин ее резкого изменения. Очевидно, что социальный статус не всегда сопровождался материальным благополучием, позволявшим приобрести городскую усадьбу. Некоторые владельцы, скорее всего, до последнего держались за свои старые дома. И, конечно, следует констатировать, что история военного сословия, в том числе отставных солдат и офицеров, как и крестьян города Кургана, еще ждет своих исследователей.

Еще один момент, который обращает на себя внимание, – это то, что только купцу Алексею Попову принадлежит две усадьбы в разных частях города с размещенными на них питейными домами. Сдвоенными усадьбами в рамках одного квартала владели супруга статского советника Розинга, титулярный советник Карасев, купец Филатьев. Всем остальным вне зависимости от статуса принадлежала только одна усадьба, размер которой на тот момент еще не подвергался прирезкам и переделкам и был условно одинаковым.

В связи с этим интересна специфика расселение по городу. Представители «городской элиты» из сферы управления и торговли, а также их вдовы селятся только на Большой и Средней улицах, за которыми с 1851 года закрепляется название Троицкая (сейчас Куйбышева). Причем представители системы управления тяготеют к ее кварталам от Троицкого переулка (улица Ленина) до современной улицы Томина. Купечество, напротив, тяготеет к кварталам от Троицкого переулка (Ленина) до современной улицы Савельева, что, видимо, было связано с размещением торговых мест. За пределами этих кварталов на Береговой (улица Климова) и Дворянской (улица Советская) владели усадьбами всего 10 хозяев из 34 учтенных в этой категории. Причем даже они тяготеют только к двум ближайшим кварталам по улице Береговой от Троицкой площади или же к кварталам по улице Дворянской (Советской), максимально близким к той же площади. Для остальных групп городского населения таких закономерностей расселения не выявлено. В целом представляется, что А. А. Первухина в одной из своих статей верно обратила внимание на перспективность изучения соседских отношений, причем внутри кварталов города Кургана, как способа формирования семейных и экономических связей [15, с. 73–74], что, однако, требует создания специальной ГИС по всем владельцам и их изменениям до революционных событий 1917 года.

Таким образом, представленные здесь небольшие материалы, связанные с первым курганским городничим И. П. Розингом и его супругой, показывают значительный потенциал поиска новых материалов по истории Кургана конца XVIII – первой половины XIX века как в федеральных, так и местных архивах. Остается только надеяться, что эта тема еще найдет своего исследователя.

Источники и литература

1 Бруцкая Л. А. Странный дом на улице Советской / Л. А. Бруцкая // Пермский сборник. – Кн.7. – Пермь : ПГКУБ им. А. М. Горького, 2023. – С. 3–8.

- 2 Васильева А. М. *Забытый Курган* / А. М. Васильева. – Курган : Зауралье, 1997.
- 3 Васильева А. М. *Курганское купечество (конец XVIII - начало XX вв.* / А. М. Васильева. – Т. I. – Шумиха : ОГУП «ШМРТ», 2010. – 384 с.
- 4 Васильева А.М. *Курганское купечество (конец XVIII – начало XX вв.* / А. М. Васильева. – Т. II. – Шумиха : ОГУП «ШМРТ», 2010. – 320 с.
5. Васильева А. *Курган. Взгляд сквозь время* / А. Васильева. – Курган : ООО «Курганская городская типография», 2024. – 258 с.
- 6 Вахтин В. Г. *История Половинского района. Заселение территории. Образование населенных пунктов* / В. Г. Вахтин. – Куртамыш : ООО «Куртамышская типография», 2021. – 402 с.
- 7 Государственный архив Курганской области. Ф.И-9 – Курганская городская управа.
- 8 Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-31 – Тобольская управа благочиния или полицейская.
- 9 Емельянов Н. Ф. *Город Курган* / Н. Ф. Емельянов // *История Курганской области. (Города Южного Зауралья в досоветский период).* – Т.3. – Курган : Курганский госуниверситет, 1997. – С. 166–449.
- 10 *Живы в памяти потомков : сборник статей.* – Курган : РИЦ КГУ, 2005. – 172 с.
- 11 Кузьмин А. *Курганские городничие* / А. Кузьмин // *Альманах «Тобольск и вся Сибирь».* Курган. – Т. XXIII. – Тобольск : Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2014. – С. 44–52.
- 12 Кузьмин А. *Ненадежные годы. Очерки* / А. Кузьмин. – Куртамыш : ООО «Куртамышская типография», 2014. – 412 с.
- 13 Кулигина Я. А. *Динамика цен на продовольствие в городе Кургане в 1799 году (по материалам Курганского купеческого и мещанского общества)* / Я. А. Кулигина // *Земля Курганская: прошлое и настоящее : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Курганская область в истории России», 12 апреля 2023 г. / под ред. Д. Н. Маслюженко, А. Л. Авдеенко.* – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. – Вып. 23. – С. 59–61.
- 14 Новоселова А. А. *Очерк I. Группы русских Омского Прииртышья (последняя треть XVIII – конец XX вв.)* / А. А. Новоселова // *Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX века): Историко-этнографические очерки* / отв. ред. М. Л. Бережнова. – Омск : ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. – С. 29–38.
- 15 Первухина А. А. *Соседские отношения в одном квартале провинциального города XIX века (на примере г. Кургана)* / А. А. Первухина //

VII Емельяновские чтения : материалы всероссийской научной конференции (Курган, 28-29 апреля 2014 г. / отв. ред. В. В. Меничиков, Д. Н. Маслюженко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – С. 73–74.

16 Российский государственный архив древних актов. Ф.248 – Сенат и его учреждения.

17 Российский государственный архив древних актов. Ф.286 – Герольдмейстерская контора при Сенате.

18 Российский государственный исторический архив. Ф.1287 – Хозяйственный департамент МВД.

19 Российский государственный исторический архив. Ф.1293 – Техническо-строительный комитет МВД. 1737-1917.

20 Российский государственный исторический архив. Ф.1329 – Именные указы и высочайшие повеления Сенату.

21 Российский государственный исторический архив. Ф.1349 – Формулярные списки чиновников гражданского ведомства.

22 Соколова Л. Еще раз о Варвариной деревне / Л. Соколова. – URL: https://www.kurgangen.ru/History%20of%20Kurga/Polovinsky_region/Varvarina_d/about_varvarina_v/ (дата обращения: 15.07.2025).

КНЯЗЬ А. М. ГОРЧАКОВ И ДЕКАБРИСТЫ

Князь А. М. Горчаков – видный политик и дипломат XIX века. Его биография достаточно хорошо известна. Вместе с тем необходимо остановиться на основных этапах его жизненного пути, чтобы лучше понять убеждения князя, его отношения с декабристами и такими великим поэтами, как А. С. Пушкин и Ф. И. Тютчев. Горчаковы – старинный, но обедневший род, ведущий свое происхождение от князей Черниговских, потомков Рюрика [2, с. 38].

В 1811 году будущий канцлер и министр иностранных дел поступил в только что открывшийся Царскосельский лицей, где обучался с другими представителями небогатых дворянских родов. Горчаков обратил на себя внимание своих однокашников красивой внешностью, независимым характером, умением одеваться, за что и получил прозвище «франт» [12, с. 33]. Вопреки расхожему мнению первый, «звездный» выпуск Лицея не был чем-то единым, «лицейской республикой». Довольно скоро сложилось «две основные группировки в их среде: Пушкин и его друзья и те, кто ближе к Корфу. Особняком стоит сдержанный и независимый Горчаков. Несколько человек, как, например, Костенский, – также вне группировок» [14, с. 159]. Князь поддерживал ровные отношения почти со всеми однокашниками. Поэзией он не увлекался, поэтому в лицейские журналы не писал. Тем не менее нам известно три стихотворных послания Пушкина Горчакову. Примечательно также, что в знаменитом стихотворении «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор») из 29 своих однокашников-лицеистов Пушкин упомянул только шестерых: Н. А. Корсакова (уже умершего), Ф. Ф. Матюшкина, И. И. Пущина, А. А. Дельвига, А. М. Горчакова и В. К. Кюхельбекера. Сам князь на склоне лет вспоминал: «Славного лицеиста, нашего поэта Пушкина я весьма любил и был взаимно им любим» [13, с. 165].

Известный пушкинист В. В. Вересаев, отмечает, что Горчаков был «самовлюблен, чванлив и мелочно-злопамятен. Товарищи его не любили», хотя не приводит никаких доказательств. Однако в то же время пишет, что «Пушкин и другие не находясь с ним в дружеских отношениях как-то тянулись к нему» [3, с. 96]. К сожалению, это отношение к Горчакову как холодно-му, тщеславному карьеристу закрепилось в отечественной, а особенно в советской историографии [15; 16]. Эти определения больше подходят к барону

М. Корфу, который не пожалел плохих слов о своих однокашниках, особенно о Пушкине. Именно в Лицее сложились умеренно-либеральный взгляды А. М. Горчакова, которые он пронес через всю свою жизнь, хотя старался не афишировать их. Впоследствии он выглядел куда честнее и благороднее большинства своих коллег по службе, что мешало его карьере. «Князю Горчакову надобно отдать справедливость, что он, отменно вежливый и любезный со всеми без различия, никогда не льстил временщикам; всегда, и в вёдро и в бурю, держал себя самым приличным образом, совершенно как европейский вельможа, вообще снабжен от природы склонным хребтом весьма негибким, вещь самословно-редкая в Петербурге!» – писал о нем князь Долгоруков [6, с. 150].

Там же, в Лицее, Горчаков принял решение о карьере дипломата, поэтому уделял особое внимание языкам (в том числе и русскому) и искусству составления бумаг. В письме к своему дяде А. Н. Пешурову в апреле 1816 года он признавался, что карьера военного его совсем не привлекает, ему гораздо ближе дипломатия [9, с. 186, 188]. Губернер Чирков дал ему такую характеристику: «Отличительные его свойства: самолюбие, ревность к пользе и чести своей и великодушие», а проф. Н. К. Кошанский отмечал: «Один из немногих воспитанников, соединяющих многие способности в высшей степени. Быстрая понятливость... с каким-то благородным честолюбием открывает быстроту разума в нем и некоторые черты гения. Успехи его превосходны [5, с. 57]. Горчаков окончил Лицей с малой (второй) золотой медалью, первая досталась Вольховскому, о котором теперь мало кто помнит [14, с. 162].

По окончании Лицея князь посещал литературные кружки и общества, в которых порой обсуждались и политические идеи. Однако завсегдатаем он не стал, отчасти потому вскоре был прикомандирован к дипломатическому ведомству и отправлен за границу. Это помогло ему избежать участия (пусть даже по касательной) в тайных обществах, которые стали возникать в последние годы Александра I. Во второй половине 1825 г. Горчаков вернулся в Россию. По дороге в Петербург он заболел и остановился в имении своего дяди А. Н. Пешурова, где произошла его последняя встреча с Пушкиным. По приезде в столицу в самом конце 1825 г. он оказался в тревожной атмосфере. Его лицейские друзья, прежде всего И. И. Пущин, другие светские знакомые пытались втянуть его в ряды тайного общества. Примечательно, что сам князь, видимо, умышленно, в воспоминаниях противоречит сам себе, утверждая, что ничего не знал о планах декабристов и на корню пресекал всякие разговоры на эту тему, заявляя, что питомцу лицея, основанного Александром Павловичем, не подобает идти против основателя этого заведения [13, с. 164]. В другом месте

он признается, что во время одного из его приездов в Петербург (возможно, накануне 14 декабря 1825 года) один из членов тайного общества заговорил с Горчаковым о существовании этого общества и его планах, но князь ответил: «ничего еще впрочем не подозревая дал понять мое твердое убеждение, что благие цели никогда не достигаются тайными происками» [13, с. 165]. В конце ноября князь отправился в Москву, откуда должен был возвращаться с Пушиным. Однако последний торопился в Петербург по делам тайного общества, и Горчаков отправился вместе графом Бобринским. Если бы не это случайное обстоятельство, он непременно бы попал в число особенно подозреваемых, его привлекли бы к допросу, и не только его карьера, но и свобода оказались бы под угрозой [13, с. 164–165]. Упоминает канцлер и о некоторых деталях сходки декабристов 13 декабря, в ходе которой к делу заговорщиков пытались привлечь брата Ивана Пущина Михаила, но, по словам Горчакова, безуспешно: «Маленькие комнатки квартиры Рылеева были набиты заговорщиками. Шли горячие толки о планах действий на другой день» [13, с. 166–167]. Безусловно, Горчаков знал о планах будущих декабристов, но, как и многие из тех, кто не одобрял ни целей, ни методов заговорщиков, все-таки их не выдал. Однако и годы спустя, будучи высшим чиновником, он хотел отвести от себя это подозрения. Он признается, что был дружен с братьями Пушиными, Кюхельбекером и некоторыми другими декабристами, но «продолжительное мое отсутствие из России, служба моя вне пределов отчества на различных дипломатических постах оградила меня от участия в тайном обществе» [13, с. 165]. 14 декабря князь, «ничего не ведая и не подозревая», отправился во дворец «в карете цугом и с форейтором». Горчаков несколько лукавит, говоря, что толпы на улице и площади его не смутили, поскольку он привык к этому в Лондоне, и только прибыв в Зимний, он обнаружил там следы паники и смятения [14, с. 165–166]. Анализируя эти воспоминания канцлера, некоторые советские историки приписывают ему поверхностность и верхоглядство. Так, С. Н. Семанов отмечает в биографии Горчакова, что тот одинаково хладнокровно описывает и свой туалет в 14 декабря и пушечную стрельбу на Сенатской площади. «Ему непонятна сущность трагедии, разыгравшейся почти у него на глазах» [15, с. 19]. Едва ли это так. А. М. Горчаков был для этого слишком умен и слишком много знал, но в своих воспоминаниях хочет уверить нас в обратном. Некритическое, буквальное понимание сказанного канцлером на склоне лет создает неверную картину описываемых событий.

Вскоре после разгрома восстания Горчаков привез Пущину заграничный паспорт и деньги и умолял его бежать, не теряя ни минуты, но тот решительно отказался и предпочел разделить участь своих соратников [7, с. 140].

П. В. Долгоруков, хорошо знавший канцлера, пишет: «Товарищ князя Горчакова по Лицею, Иван Иванович Пущин, был одним из главных членов московского отделения Северного общества; он также находился в то время в Петербурге и сообщил князю Горчакову о существовании заговора, приглашая его вступить в общество. Князь Горчаков отклонил предложение и под видом необходимости возвращения в Англию сократил добровольно время своего отпуска и отправился в Лондон. Предложение, сделанное Пущиным, каким-то образом стало известным правительству, и Николай Павлович во всю жизнь свою никогда не мог простить князю Горчакову, что он знал о заговоре». И далее он приводит слова приближенного Николая I, В. Адлерберга, который был участником следственной комиссии по делу декабристов: «Как можно делать министром человека, знавшем о заговоре 1825 г.?» [6, с. 150]. Таким образом, можно утверждать, что А. М. Горчаков знал состав участников восстания 14 декабря и планы заговорщиков. Неясным остается только то, насколько хорошо он это знал. В силу образования и дружеских связей он мог бы даже стать участником движения декабристов, если бы не отсутствовал длительное время за границей, о чем он сам проговорился в своих воспоминаниях. Так или иначе, он симпатизировал декабристам, многие из которых были его друзьями или знакомыми, однако методов их он не разделял.

Почти тридцать лет Александр Михайлович провел за границей на второстепенных дипломатических должностях. Ни Николай I, ни министр иностранных дел Нессельроде его не любили. Вскоре к его неприятелям добавился и шеф жандармов Бенкендорф. Во время одного из посещений Вены его по долгу службы навестил в гостинице Горчаков. Тот принял его довольно холодно и после нескольких фраз сказал: «Потрудитесь заказать хозяину отеля на сегодняшний день мне обед». Князь ответил, что Бенкендорф может сделать это сам и вызвал метрдотеля, порекомендовав обратиться к нему с заказом. «Этот ответ составил мне в глазах тогда всесильного министра репутацию либерала», – вспоминал Горчаков [13, с. 168]. Имя князя оказалось в списках неблагонадежных после появления III отделения Собственной Его Величества канцелярии, где была такая отметка: «Князь Горчаков не без способностей, но не любит России» [13, с. 170]. П. В. Долгоруков отмечал: «Нессельроде не любил его за русское знатное имя, за русские чувства, за отсутствие искательства в начальстве и в сильных людях» [6, с. 163].

В конце Крымской войны Горчаков оказался в центре дипломатической борьбы, которой тогда была Вена. Он сумел показать искусство дипломата и, вопреки мнению Нессельроде, был назначен послом при австрийском дворе. После заключения Парижского мира Александр

Михайлович стал министром иностранных дел и оставался на этом посту почти до самой смерти. Александр II прислушивался к его мнению не только в вопросах внешней, но и внутренней политики. В глазах царя наряду с дипломатическим талантом у него была приверженность либеральным идеям и осознание необходимости широких реформ [8, с. 153]. Именно влиянию Горчакова приписывают амнистию декабристов, о чем сам он говорит в своих воспоминаниях. Перед коронацией, вспоминал он, «государь изволил говорить со мною об освобождении крестьян и о разных других реформах. Я горячо поддержал намерения Его Величества, и, между прочим, напомнил государю об амнистии всех политических ссыльных, о возвращении из Сибири оставшихся в живых, так называемых декабристов, людей замечательно умных и даровитых из которых многих я знал» [13, с. 172]. Особо Горчаков останавливается на судьбе М. И. Пущина, который после восстания декабристов был разжалован в рядовые и отправлен на Кавказ, там он проявил исключительную храбрость и был произведен в подпоручики и представлен к Георгиевскому кресту, но Николай I последовательно отклонял это все другие представления к награде. В 1857 г. А. М. Горчаков воспользовался случаем и напомнил Александру II о своем старом товарище. «Государь принял в старике участие», и вскоре М. И. Пущин получил Георгиевский крест, позднее – генеральский чин, ордена святых Владимира, Станислава и Анны [13, с. 167].

Его брат И. И. Пущин в числе других амнистированных декабристов вернулся из ссылки в 1856 году и навестил своего лицейского приятеля. В конце этого года он устроил встречу лицейстов первого выпуска. Пущин пишет князю С. Г. Волконскому в декабре 1856 года: «И Горчакова видел, по разным дорогам сошлись, как будто не разлучались. Теперь ему хлопотливо: частые телеграфические депеши по случаю конференции мешают нашим неслужебным сходам» [12, с. 343], а в письме декабристу князю Е. П. Оболенскому сообщает, что Горчаков как человек занятой «не мог часто видаться, но сошлись как старые друзья» [12, с. 344]. Спустя два с половиной года Пущин умер и сходы прекратились, из первого выпуска оставалось 6–7 человек, которым было уже за семьдесят.

Александр Михайлович был министром и иностранных дел, а затем (с 1867 г.) и канцлером Российской империи все оставшееся царствование Александра II, был известен своим независимым характером и умеренно либеральными убеждениями. Он принял участие в подготовке крестьянской реформы. А. В. Головин, министр просвещения в 1861–1866 гг., отмечал: «На дела внутреннего управления князь Горчаков имел мало влияния, но должно сказать, что он всегда подавал голос в пользу мер более либеральных» [4, с. 441]. Кроме того, князь сохранял чув-

ство собственного достоинства, при дворе его «многие ненавидят он не кланяется и не старается угождать разным сиятельным хамам» [6, с. 394]. После покушения Каракозова 1866 года начался период реакции, многие либеральные чиновники были уволены. Огромное влияние приобрел П. А. Шувалов, ставший шефом жандармов и начальником III отделения Собственной Его Величества канцелярии, получивший прозвища «вице-император» и «Петр IV» [8, с. 165]. «Нахальство этого временщика неслыханно: подобного не бывало со времени Аракчеева» [6, с. 195]. Однако и в эти годы Горчаков продолжал сопротивляться наиболее реакционным мерам власти, «сохраняя и за собой, и за правительством марево либеральности» [8, с. 281]. Так, во время одного из заседаний Совета министров Шувалов заявил, что ему, как начальнику тайной полиции, лучше всего будто бы известны свойства и направление каждого лица, и потому «следует ему предоставить право увольнять по его благоусмотрению чиновников всех ведомств». Некоторые министры для сохранения своих мест «подчинились бы этому нахальному требованию, но Константин Николаевич, как брат царский, Горчаков, как старик, и Дмитрий Милютин, как министр самостоятельный, восстали против, и дерзкая попытка временщика осеклась» [6, с. 195].

Стоит также отметить, что в последние годы своей жизни А. М. Горчаков привык быть безраздельным господином в своем ведомстве и своего рода гуру дипломатии и либеральных чиновников. Многие авторы отмечают старческое тщеславие в сочетании с легкомыслием, а О. фон Бисмарк добавляет еще и зависть к его, Бисмарка, успехам. В своих мемуарах он пишет, что Горчаков уступал своим предшественникам в умственных способностях вследствие своего непомерного тщеславия [1, т. 1, с. 159]. Эту сторону характера русского министра он подчеркивает несколько раз [1, т. 1, с. 229; т. 2, с. 99] и в заключение заявляет, что «его тщеславие и его зависть по отношению ко мне были сильнее его патриотизма» [1, т. 2, с. 99]. С этим совершенно невозможно согласиться, скорее всего, «железный канцлер» хотел свести счеты с русским канцлером, с которым у него отношения разладились, особенно после того, как Горчаков не позволил добить Францию в 1875 году. Вместе с тем тщеславие Горчакова отмечают некоторые из его коллег. Военный министр Д. А. Милютин писал в своем дневнике «легкомыслие, с которым наш знаменитый канцлер говорит обо всех предметах, сколько-нибудь выходящих из тесной рамки дипломатической канцелярии» [10, с. 146]. Ему вторит и министр финансов М. Х. Рейтерн: «Но князь Горчаков самолюбив; удачно сказанное слово он считает успехом... Тщеславию его и эгоизму нет предела» [10, с. 528]. После Берлинского конгресса престарелый князь, которому было уже за

восемьдесят, отошел от дел, а после гибели Александра II покинул пост министра иностранных дел (1882 год). Он проживал в основном на зарубежных курортах. В Ницце весной 1882 года он продиктовал (князь не любил писать сам) свои воспоминания, которые вскоре были опубликованы в журнале «Русская старина». Редактор журнала отмечает «свежесть его ума и памяти», а некоторые неточности в датах простительны и могут быть перепроверены, но в целом воспоминания отличаются точностью и достоверностью [13, с. 160]. Последний канцлер Российской империи скончался 27 февраля 1883 года (ст. стиль) в Баден-Бадене и похоронен в Сергиевой пустыни около Стрельны.

Завершить эту небольшую статью об А. М. Горчакове хочется словами его великого товарища по Лицею:

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей [11, с. 165].

Источники и литература

1 Бисмарк О. Мысли и воспоминания : в 3 т. / О. Бисмарк. – Москва : ОГИЗ, 1940–1941.

2 Бобринский А. А. Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи / А. А. Бобринский. – Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1890. – 842 с.

3 Вересаев В. В. Спутники Пушкина / В. В. Вересаев. – Москва : Советский спорт, 1983. – 832 с.

4 Головин А. В. Записки для немногих / А. В. Головин. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского Института истории РАН «Нестор-История», 2004. – 576 с.

5 Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811–1817). Бумаги I курса, собранные академиком Я. К. Гротом / К. Я. Грот / Санкт-Петербург : Академический проект, 1998. 461 с.

6 Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта / П. В. Долгоруков. – Москва : Изд-во «Новости», 1992. – 560 с.

7 Друзья Пушкина: Переписка; воспоминания; Дневники : в 2 т. / сост. В. В. Кунина. – Т. 1. – Москва : Правда, 1984. – 640 с.

8 Каррер д'Анкос Э. Александр II. Весна России / Э. Каррер д'Анкос. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 415 с.

9 Лицейские письма Горчакова А. М. 1814–1815 // Красный архив. – 1936. – № 6. – С. 175–206.

10 Милютин Д. А. Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия

Алексеевича Милютин. 1876–1878 / Д. А. Милютин. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 704 с.

11 *Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. – Т. 2. Стихотворения 1823–1836 / А. С. Пушкин. – Москва : Изд-во художественной литературы, 1960. – 802 с.*

12 *Пуцин И. И. Записки о Пушкине. Письма / И. И. Пуцин. – Москва : Правда, 1989. – 576 с.*

13 *Рассказы о своем прошлом светлейшего князя А. М. Горчакова, записанные в Ницце весной 1882 года // Русская старина. – 1883. – № 10. – С. 159–180.*

14 *Руденская С. Д. Царскосельский–Александровский Лицей. 1811–1917 / С. Д. Руденская. – Санкт-Петербург : Лениздат, 1999. – 511 с.*

15 *Семанов, С. Н. Князь А. М. Горчаков – русский дипломат XIX века / С. Н. Семанов. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – 115 с.*

16 *Щеголев П. Е. Пушкин и князь А. М. Горчаков // Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина / П. Е. Щеголев. – Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1931. – С. 9–17.*

**ПИСЬМА И ВОСПОМИНАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ И
ИХ «СОЮЗНИКОВ» – СВИДЕТЕЛЬСТВА «ЧИСТЫХ
ПОМЫСЛОВ» «ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ ИЗ ДВОРЯН»**

Можно положительно сказать, что
наше долговременное пребывание
в Сибири доставило в отношении
нравственного образования сибирских
жителей некоторую пользу и ввело
в общественные отношения несколько
новых и полезных идей.

Н. В. Басаргин

До прибытия декабристов в Ялуторовск город жил своей обычной провинциальной жизнью.

Появление здесь ссыльных декабристов изменило привычный жизненный уклад местного населения. Отбыв каторгу, опальные не отказались от служения обществу, они продолжали нести просвещение и культуру в народ.

Первоначально Ялуторовск не понравился новоселам. И. Д. Якушкин писал М. А. Фонвизину в 1836 году: «Местонахождение Ялуторовска совсем не завидное. Река течет в версте от него в берегах совершенно плоских». Ему вторил чуть позднее Н. В. Басаргин в своих «Записках»: «Местонахождение и сам город Ялуторовск нам всем очень не понравился. Как-то он очень разбросан и больно некрасив».

Подробностями от знакомства с новым местом пребывания И. И. Пущин делился с Е. А. Энгельгардтом 5 марта 1845 года: «Вы хотите иметь подробные сведения об Ялуторовске. Право, ничего нет особенно занимательного ни в политическом, ни в естественном положении. Управление, то есть Конституция, то же самое, что и за Уралом, с одною только существенною коренною выгодою: нет крепостных. Это благо всей Сибири». В другом письме от 21 июня того же года продолжает описывать свои впечатления о новом местопребывании: «Флора здешняя, т. е. Западной Сибири, несравненно беднее Восточной: там и местность и растительность и воды совсем другие. Климат вообще здоровый, сухой: больших болезней не бывает, только в сильные жары хворают дети, и то не всег-

да. Ничего особенного нет, по сельскому хозяйству новых систем здесь не существует, мужички действуют по-старому, как отцы и деды действовали: все родится без удобрений».

Впрочем, несмотря на то что природа Ялutorовска Пушкина не впечатлила, он был счастлив здесь находится, так как встретил своих старых друзей, общение с которыми доставляло ему удовлетворение. 12 февраля 1845 года он пишет Энгельгардту: «Вы очень справедливо заключаете, что я доволен моим пребыванием в Ялutorовске. Нас здесь пятеро товарищей, живем мы ладно, толкуем откровенно, когда собираемся, что случается непременно два раза в неделю: в четверг у нас, а в воскресенье у Муравьева-Апостола... Прочие дни проходят в занятиях всякого рода – и умственных и механических. Слава богу, время не останавливается: скоро минет двадцать лет сибирским, разного рода существованием. В итоге, может быть, окажется что-нибудь дельное, цель освещает и облегчает заточение и ссылку».

Первое впечатление от общения с местным населением И. И. Пушкин выразил в письмах к Энгельгардту от 5 марта 1845 года: «Народ смышленный, довольно образованный сравнительно с Россией, за малыми исключениями, и вообще состояние уравнено – не встречаете большой нищеты. Живут опрятно, дома очень хороши... Не забудьте, что край наводняется ссыльными: это зло, но не так велико при условиях местных Сибири». 18 сентября 1850 года он пишет об отношениях с местными чиновниками: «...Мы здесь как жида. Как-то не можем соединиться с чиновным миром. Это не по гордости, а по понятиям и взгляду на вещи... чиновников просто не люблю. На всех, с малыми исключениями, свой отпечаток, приводящий в отчаяние...».

Некоторые характеристики чиновникам мы находим в письмах ялutorовских декабристов и воспоминаниях М. Знаменского и А. Созанович.

М. Знаменский перечисляет целую галерею ялutorовских чиновников: «Исправник Линькович и сменивший его еще более жестокий вымогатель-взяточник Выкрестюк, кутила и беспринципный человек местный судья Бурцев, верзила и силач, дебошир и пьяница почтмейстер Филатов, пьяница Лукин – смотритель Ялutorовского уездного училища, ханжа, невежда и тряпка городничий Скорняков, за которого управляла городом его супруга».

Августа Созанович более мягко характеризует бесхребетного Скорнякова: «В Ялutorовске был городничим всеми уважаемый и любимый Дмитрий Григорьевич Скорняков, настолько мягкий и безобидный человек, что за него, в случаях требующих строгости, иногда распорядилась его щедрая жена Ольга Александровна».

Чиновники противились любому начинанию декабристов. Например, судья Бурцев «вставлял палки в колеса» в деле строительства школы для девочек. Об этом мы узнаем из письма И. Д. Якушкина С. Я. Знаменскому. «Анна Васильевна (Мясникова) писала, что с следующей почтой придет доверенность на продажу своего дома в пользу нашего училища, но и до сих пор доверенность не получена. Некоторые полагают, что Бурцев писал к Мясниковой, и, может быть, она, получив его письмо, отменила намерение отдать нам свой дом».

В 1847 году в Ялutorовск назначили городничим Степана Андреевича Власова. Вот как его характеризует П. Свистунов: «Тогдашний городничий Власов из числа чиновников безупречных и потому недоброжелательствующих нам».

А вот с ялutorовскими купцами у декабристов сложились дружеские отношения. В письме к Энгельгардту 18 сентября 1850 года Пущин пишет: «Скорее понимаю сближение с купечеством...». Постепенно вокруг декабристов образуется круг людей, которых они называют емким словом «союзники».

И. И. Пущин пишет Энгельгардту 26 февраля 1845 года: «...одна семья, с которой я часто выдаюсь, это семья купца Балакшина. Очень человек добрый и смывленный, приятно с ним потолковать и приятно видеть готовность его на всякую услугу, в полном смысле верный союзник, он исполняет наши поручения, выписывает нам книги и журналы, которые иначе должны бы были с громким нашим прилагательным отправляться в Тобольск... Все это он делает с каким-то радушием и приязнью».

Письма И. Д. Якушкина свидетельствуют о прекрасных отношениях Балакшина к «опальным» и о его роли в открытии школ в Ялutorовске. Он взял на себя не только частичное финансирование данного проекта, но и все организационные вопросы. 10 сентября 1850 года Якушкин пишет Знаменскому: «...Прошение от Николая Яковлевича в строительную комиссию давно отправлено... и я беру деньги у Николая Яковлевича на постройку совершенно очертя голову, строение вообще станет гораздо дороже, нежели я предполагал...». 8 июля 1850 года Якушкин сообщает Знаменскому: «...По общему совету мы купили место против дома, в котором живет Бурцев, место не очень большое, но довольно удобное, ...оно покупается на имя Н. Я Балакшина, он же предлагает и строить для нас училище на деньги Мясниковой...».

Существенной была поддержка купцов при открытии школ. Анна Васильевна Мясникова, жена золотопромышленника и владельца водочного завода, взяла на себя все финансовые затраты по строительству школы для девочек. Об этом свидетельствует письмо И. Д. Якушкина к ней,

написанное в 1850 году: «Милостивая государыня, Анна Васильевна! В воскресенье 2 декабря, я освятил училище, обязанное Вам своим существованием... Совершив молитву, мне приятно передать общую нашу сердечную благодарность за добро, сделанное Вами всему новому женскому поколению г. Ялуторовска».

Еще об одном «союзнике», давшего сруб для постройки школы для мальчиков, вспоминал Е. П. Оболенский: «В Ялуторовске находился тогда купец Иван Петрович Медведев, человек предприимчивый, который завел первую стеклянную фабрику в 17 верстах от Ялуторовска. Его жена Ольга Ивановна привлекала к себе всех тех, которые умели ценить ее сердечную доброту. Иван Дмитриевич пользовался расположением Ивана Петровича, который не мог не уважать в нем и его образованность и то высшее общественное положение, которое давало его слову тот вес, от которого зависел успех предпринимаемого им дела. Иван Петрович сам предложил свое содействие для устройства училищ и на свой счет перевез строение из Коктюля и приспособил его к нуждам школы».

Большим другом декабристов был Иван Федорович Мамонтов, который в 40-х годах жил в Ялуторовске и занимался винным откупом. В 1842 году, 27 февраля, М. А. Фонвизин пишет из Тобольска И. Д. Якушкину: «Я познакомился с вашим союзником Мамонтовым, который доставит тебе это письмо».

Находились «союзники» декабристов и среди чиновного люда, и среди духовенства.

Протоиерей Сретенского собора Степан Яковлевич Знаменский – одна из самых светлых фигур из сибирского окружения декабристов. В конце 30-х годов он переезжает из Тобольска, где был дружен с семьей Фонвизиных. Прибыв в Ялуторовск, он быстро сходится и с местными декабристами. Имя Знаменского упоминается в письмах Якушкина уже в 1841 году. 15 февраля он пишет Пушкину в Туринск: «Отец Стефан, если его отпустят, собирается с Матвеем Ивановичем в Тобольск...». В письме от 1 марта того же года мы уже видим, что Степан Яковлевич становится тайным корреспондентом декабристов. «Но пора кончать, – пишет Якушкин, – может Степан Яковлевич сегодня едет и меня ожидает только...».

Именно благодаря С. Я. Знаменскому стало возможным для декабристов заниматься народным просвещением. От его имени было составлено прошение, с отсылкой на указ 1837 года, разрешающее открывать при церквях и соборах школы. Фактически же школами управлял И. Д. Якушкин.

Местные чиновники не могли стерпеть такого положения, ведь правительство запрещало влияние декабристов на воспитание подрастающего

поколения. Из воспоминаний Н. В. Басаргина: «Начались доносы, следствия, поиски недоброжелателей из местных чиновников, смотрящих на нас, как на порицателей такого порядка, с которым были существенно соединены их выгоды и их значение». Но губернские власти «...были на стороне полезного дела... часто под сурдинку содействовали намерениям Якушкина и одобряли его прекрасную цель. Вскоре сказались благотворительные следствия заведенной им школы. Простой народ с радостью отдавал в них своих детей, которые кроме рукоделия и первоначального научного образования получили тут и некоторое нравственное воспитание». «Можно положительно сказать, – продолжает Басаргин, – что общественное женское образование низших классов народонаселения Тобольской губернии многим обязано И. Д. Якушкину». Ведь «в Тобольске и Омске само начальство завело подобные женские учебные заведения, которые по значительности своих средств получили, разумеется, и большее развитие».

Евгений Флегонтович Седачев – соборный дьячок – вызвался преподавать во вновь открытой школе. Вот как об этом писал И. Д. Якушкин своему сыну Евгению 2 июля 1850 года: «...От преподавателя требуется только хорошее поведение и умение обходиться с учениками и никаких особенных сведений, я в этом убедился на опыте. Дьячок, вышедший из пятого класса семинарии, не знавший ни географии, ни российской истории... прошел и очень удовлетворительно, все эти предметы со своими учениками, учивши их, он сам всему этому научился».

Для вновь открытой школы для девочек тоже нашлись добровольные учителя среди местного населения. Наблюдать за рукодельным классом вызвалась Фелисата Ефимовна Выкрестюк. Она добывала много денег для школы, продавая рукодельные изделия учениц на ярмарках. Ее выручка доходила до 25 рублей на одну ученицу в год. Это было хорошим подспорьем для развития школы. Вскоре мужа Фелисаты Ефимовны перевели на службу в Иркутск, и она вынуждена была покинуть наш город. В 1854 году И. Д. Якушкин, находясь на лечении в Восточной Сибири, встретился с ней и написал об этом в одном из своих писем: «...С Фелисатой Ефимовной виделся два раза, много ей здесь хлопот, а житье ее не совсем привольное. Она вспоминает о Ялуторовске с любовью и уверена, что провела там лучшие дни своей жизни...».

Еще один «союзник» декабристов – Александр Львович Жилин – был ассессором строительной комиссии. Именно им был вычерчен план строительства будущей школы. Якушкин писал Знаменскому 28 июня 1850 года: «План, посланный Вам с прошедшей почтой, вероятно, уже не будет годиться, и я прошу доброго Александра Львовича начертить и утвердить

другой, высота строения известна, а в ширину оно будет 16 аршин, на которых надо разместить 5 окон».

За время пребывания декабристов в Ялуторовске они воспитали целое поколение молодых людей: умных, образованных, способных самостоятельно мыслить. Одним из них был сын Степана Яковлевича Знаменского Михаил. В своей повести «Тобольск в сороковые годы» он писал: «С того времени, как я начал помнить себя, и до 23-х лет, я был с ними. И если теперь подлость, низость и взятки болезненно действуют на меня, то этим я обязан людям, о которых всегда говорю с почтением и любовью».

Детство и юность Михаила прошли среди декабристов. Он получает от этих людей первые уроки нравственности, порядочности, под их руководством делает первые шаги в получении знаний, с их помощью становится художником. Подрастая, из воспитанников молодой человек превращается в «союзника» и друга декабристов. Любовью и уважением проникнуты строки, посвященные друзьям своего отца: «Заброшенные в даль, эти люди, чужие по крови, но родные по душе и идеям, видались часто между собой, у всех у них были назначены дни. Воскресенье было днём Матвея Ивановича, у него обедали и после обеда в хорошую погоду выходили на террасу пить кофе, которое Матвей Иванович не доверял никому, – сам варил, сам разливал. Иван Дмитриевич если не спорил, что с ним случалось редко, то подходил к нашей детской группе, заставляя нас скакать с лестницы, бегать взапуски или пролезать через балясины перил, доказывая, что если человек где в состоянии пропустить голову, значит он в состоянии пролезть туда и сам. Александра Васильевна или порхала по комнате или отбивалась от шуточек Матвея Ивановича, принявшего за правило доказывать ей, что она ему ровесница. Василий Карлович с обыкновенной сосредоточенностью, молча, с трубкой во рту, в парике, в своем давно вышедшем из моды фраке, удалялся с чашкой кофе в угол террасы».

Еще одна воспитанница декабристов, Августа Созанович, попала в дом М. И. Муравьева-Апостола вскоре после переезда его в Ялуторовск. Ей тогда было около 4 лет. Первые упоминания о ней в письмах декабристов относятся к 1841 году. Якушкин писал Пушкину 2 февраля 1841 года: «На прошедшей неделе я писал к Вам, мой любезный Иван Иванович и тотчас по отправлении моего письма получил от Вас посылку. Гутенька благодарит Вас за прописи, учебный наш комитет определил ей упражняться по оным без отлагательства». А 1 марта он отчитывается: «С тех пор как Гутенька смотрит Ваши прописи, почерк ее совершенно изменился и очевидно улучшается».

Повзрослев, Августа, так же как Михаил Знаменский, становится «союзницей» и помощницей декабристов. 17 мая 1850 года Якушкин пи-

шет Знаменскому: «А наставницы наши, Анисья Николаевна и Августа, подвизаются усердно. Они дали мне 10 рублей серебром из выработанных денег их ученицами». 2 июля продолжает: «В рукодельном классе у нас учат шить гладью и в тамбур, вязать тамбурной иглой и плести кружева, и этим классом заведывает Августа, которой 17 лет и другая ее подруга Балакшина, которая немного ее старше».

Огромную роль сыграли декабристы в жизни детей Николая Яковлевича и Иенафы Филипповны Балакшиных. О добром отношении их детям мы можем судить по письму Якушкина к Александре Балакшиной: «Давно бы мне следовало написать в ответ на твое доброе письмо ко мне, милая моя Саша, но ты уже знаешь причину моего молчания: во время продолжительной болезни я не только не мог писать, но едва мог шевелить пальцами... Ты очень меня порадовала, вспоминая с любовью о былом. Я так же вспоминаю о нем, как о прекрасном времени моей жизни, любивши вас всех так, как я любил, посреди вас я жил полной жизнью, а если когда надоедал вам, то это происходило от излишнего рвения к вам... Обнимаю тебя, моя милая... надеюсь, что вы продолжаете действовать вместе и дружно».

Ссылные декабристы были очень живыми и деятельными людьми и не могли празднo прожигать жизнь. Каждый из них здесь нашел себе применение, каждый приносил пользу окружающим.

Андрей Васильевич Ентальцев, например, стал заниматься медициной, что было очень кстати. Как писал И. И. Пущин Энгельгардту 8 мая 1845 года: «Масса принимает за лекарей всех нас и скорее к нам прибегает, нежели к штатному доктору, который всегда или большей частью пьян и даром не хочет пошевелиться. Иногда одной магнезией вылечишь, и репутация сделана, так что потом насилу можешь отговориться, когда является что-нибудь серьезное, где надобно действовать с знанием дела».

Воспитанница М. И. Муравьева-Апостола Августа Созанович в своих «Воспоминаниях» писала: «В Сибири у Андрея Васильевича Ентальцева явилось влечение к медицине. Многие из его товарищей тоже лечили больных в крайних случаях, когда не оказывалось под рукой доктора, но никто из них не предавался этому занятию исключительно и с такой страстью, как Андрей Васильевич. Он обзавелся всевозможными лечебниками, постоянно рылся в медицинских книгах, лечил простыми, безвредными средствами, сам приготавливал лекарства, никому не отказывал в помощи и при известном навыке из него выработался весьма полезный лекарь-самоучка. Тогда в Ялуторовске не имелось аптеки. За лекарствами посылали в Тюмень, а единственный окружной врач хотя и жил в городе, но большую часть года находился в разъездах. Андрей Васильевич и характером боль-

ше соответствовал обязанностям врача, нежели воина: всегда ровный со всеми одинаково приветлив».

Сельское хозяйство, садоводство и огородничество – еще одно направление приложения сил ссыльных декабристов. Известно, что Василий Карлович Тизенгаузен разбил возле своего дома в Ялуторовске первый фруктовый сад. Вместе с наемными рабочими с заступом в руках обрабатывал землю, сам рассаживал саженцы, устраивал аллеи, вскапывал клумбы, катал дерн в тачке и при этом шутил: «На каторге выучился».

Огородничество вообще было общим увлечением всей ялуторовской колонии. И. Д. Якушкин 10 июня 1841 года пишет из Ялуторовска в Туринск И. И. Пущину: «В один и тот же день два ваши письма от 16 и 23 мая, при последнем я получил камелию и клубнику... три куста клубники по приказанию Вашему я передал Марье Константиновне... Остальные три куста я посадил у себя. Они уже растут и пустили плети. С первого взгляда на камелию я в нее влюбился, очерк и зелень ее листьев истинно прелестны». Камелию, о которой идет речь в этом письме, прислали И. И. Пущину из Германии. Об этом мы узнаем из его письма Энгельгардту от 6 июня 1841 года: «Главный мой пункт теперь камелия – их в прошлом году прислали Марье Петровне из Дрездена – и некоторые уже цвели, это прелесть».

В огородах декабристы выращивали самые разные культуры. И. И. Пущин Энгельгардту от 21 июня 1845 года: «Овощи огородные у нас все вообще хорошо рождаются: капуста, картофель. Одна репа не вкусна... В огородах производят дыни и арбузы, как я Вам уже говорил».

Но климат Ялуторовска все же иногда вносил свои коррективы. 12 июля 1845 года Пущин пишет Энгельгардту: «Для успокоения Вашей совести надобно сказать, что всходы были хороши, но бездожие, почти повсеместное в Тобольской губернии, не обещает обильной жатвы. Страдовать еще не начали, но уже в некоторых местах косят хлеб – как никуда не годный... Травы тоже довольно тощи... Впрочем, сена будет довольно для наших двух коров и Рыжки. Не знаю, дойдут ли нынешний год наши дыни и арбузы. Рано начались холодные росы, сегодня утром просто пахло осенью».

Живя в Ялуторовске, И. И. Пущин получил второе имя. Друзья его называли Маремьяна Старица по русской пословице: Маремьяна Старица обо всех печалится. Он был необыкновенно добрым человеком и старался помочь всем, кто в этом нуждался. В одном из писем Батенькову он писал: «Маремьянствую несознательно, а иначе сделать не умею».

Еще в Читинском остроге он организовал и возглавил Малую артель, которая была призвана оказывать материальную помощь декабри-

стам, живущим на поселении и оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Не только декабристы оказывались в поле зрения заботливого Ивана Ивановича. В Ялutorовске он помогал «старухе Ивановой» или еще одной особе, которую в своем письме к Свистуну от 3 октября 1854 года он называет «Bon Ami»: «...Вы хотите участвовать в сборе для “Bon Ami”». Когда-нибудь пришлите Ваши 10 целковых. Я надеюсь к ним еще кое-чего прибавить, все отправлю».

О стремлении Пущина помочь всем нуждающимся мы можем судить и по письму к Завалишину от 24 апреля 1848 года. «Очень жалею, что не могу ничем участвовать в постройке Читинской церкви. Тут нужно что-нибудь значительнее наших средств. К тому же я всегда по возможности лучше желаю помочь бедняку какому-нибудь, нежели содействовать в украшениях строящихся церквей».

В своей повести «Исчезнувшие люди» воспитанник декабристов Михаил Знаменский описывает следующую историю, характеризующую И. И. Пущина как человека отзывчивого и справедливого. «В передней хлопнула дверь и зазвонил колокольчик. Дамам явиться было еще рано, а потому все подвинулись к передней. Там стоял и молился в передний угол, промокший насквозь крестьянин, по его словам, пришедший к его высокоблагородию с просьбицей насчет своего делишка. И начал он... поведствовать о своих горьких похождениях по судебным мытарствам. Из-за каждой фразы монотонного несладкого рассказа так и выглядывали призраки – неуважения к личности, кулачной расправы, взятки, незаконности, словом всех атрибутов тогдашней земской власти. «Что же я то смогу сделать?» – спросил Пущин. – «Да я уж не знаю, сделай, что можешь, сделай божескую милость, а идти больше не к кому», – безнадежно произнес мужик... Хозяин, разрядившись двумя-тремя, пропавшими даром каламбурами, закурил трубку, сел к письменному столу и принялся за письмо. Всем сделалось легче, потому что все знали, что в письме излагается дело только что ушедшего крестьянина, излагается в такой форме, про которую всего справедливее можно сказать, что сквозь видимый смех блестят незримые слезы. Все знали, что письмо Пущина к губернским друзьям есть уже половина дела. Знали это и полutorовцы, и вскоре после его прибытия в этот город все оскорбленное и униженное, охающее и негодующее начало стекаться к нему как к адвокату».

Об отношении ялutorовчан к декабристам можно судить по воспоминаниям Н. В. Басаргина: «В день нашего отъезда все знакомые собрались проводить нас. Явились из простонародья и все те, которые или служили нам, или имели какое-либо с нами сношение. Тут я не мог не заметить с особенным чувством искреннего их к нам доброжелательства и привязан-

ности. Прощаясь с нами, все они навзрыд плакали, напутствовали нас самыми теплыми благопожеланиями».

Декабристы, пройдя долгую и трудную жизнь, не растратили себя, сохранили ум, самообладание, желание быть полезными обществу. Их пребывание за Уралом не прошло бесследно. Покинув Сибирь, они оставили о себе только добрые воспоминания.

Источники и литература

1 Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи / Н. В. Басаргин. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. – 544 с.

2 «...В потомках ваше имя оживет...». Воспоминания о декабристах в Сибири. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986.

3 Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 740 с.

4 Знаменский М. Исчезнувшие люди / М. Знаменский. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. – 560 с.

5 Лыкова Н. К. Связь декабристов с местным населением г. Ялutorовска / Н. К. Лыкова // Научный архив ЯМК, 1989.

6 Лыкова Н. К. О влиянии декабристов на общественную и культурную жизнь города / Н. К. Лыкова // Научный архив ЯМК, 1989.

7 Пуцин И. И. Записки о Пушкине. Письма / И. И. Пуцин. – Москва : Художественная литература, 1988. – 576 с.

О ПОТОМКАХ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Долгое время у Дома-музея Вильгельма Карловича Кюхельбекера в Кургане не было достоверной информации о потомках декабриста и поэта. Какое-то время назад специалистами было записано видео, в котором упоминалось, что правнуки лицейского друга А. С. Пушкина затерялись в блокаду Ленинграда. Нам повезло, эту запись увидела праправнучка В. К. Кюхельбекера, Соколова Людмила Аркадьевна 1937 года рождения, проживающая сегодня со своими дочерьми и внуками в Санкт-Петербурге. Ее семья связалась с нами в сообщениях группы музея «ВКонтакте» и помогла восполнить недостаток информации. Вот то интересное, что мы смогли узнать о потомках Вильгельма Карловича.

Как нам было известно ранее, младшая дочь Юстина Вильгельмовна, родившаяся 6 марта 1843 года в Акше, удачно вышла замуж за гвардии полковника, землевладельца Николая Федоровича Косова и проживала в Смоленской губернии (рисунок 1). Во владении помещиков было несколько деревень. Они приносили доход, и Косовы часто бывали за границей. Из рассказа Людмилы Аркадьевны узнаем, что семье принадлежало имение Белый Холм. Его описание и масштабы впечатляют. По словам правнучки Кюхельбекера, Александры Владимировны Чиж, имение было очень красивым. Там находилось много прудов, плотин, лугов, засаженных тюльпанами и нарциссами, необыкновенных купален и оранжерея, где в кадках выращивали апельсины и лимоны. Кроме того, их семье принадлежал конный завод, который даже был освобожден от воинской повинности, коней поставляли только ко двору Его Императорского величества.

По данным праправнучки декабриста, Галины Леонтьевны Сорокиной, с которой Б. Н. Карсонов вел переписку в 1986 году, в браке Косовых родилось четверо детей: сын Федор, Юстина, Александра и Наталья. Старшая из сестер Юстина несколько лет жила в гражданском браке с начальником станции Николаем Богдановым, но мать, Юстина Вильгельмовна, так и не дала согласия на брак, так как Богданов не был дворянином. В 38 лет Юстина Николаевна умерла от аборта. Осталась ее незаконнорожденная дочь, Вера Николаевна Косова-Богданова (Буня) (1897–1975 гг.). Ее опекуницей была тетя Наталья Николаевна – жена грузинского князя Шервешидзе. Князь служил в Петербурге, семья месяцами жила в имении

в Сочи. Родственники не баловали сироту, поэтому Вера, еще не закончив обучение в пансионе в Батуми, брала учеников. В 1914 году, окончив пансион, вернулась в Смоленск. Подрабатывала в булочной, в магазине. Семья Натальи Николаевны из Грузии эмигрировала в Турцию. Буня не захотела покинуть Родину. Во время Первой мировой войны, получив похоронку на мужа-офицера, ушла на фронт сестрой милосердия. Она знала французский, греческий и грузинский языки, отличалась высокой грамотностью и аккуратностью. К 1918 году стала большевичкой и работала секретарем в штабе Тухачевского. В 1929 году Веру Николаевну арестовали и предъявили ей обвинение в том, что она скрыла дворянское происхождение. Буня написала жалобу: «...прадед мой страдал при царе, а правнучка страдает при Советской власти». После этого ее освободили и восстановили на работе [1, с. 169–171].

Рисунок 1 – По центру: Юстина Вильгельмовна Косова. Слева: Мария Николаевна Чижевская, сестра Владимира. Справа: Александра Николаевна Чижевская. На лестнице: Николай Федорович Косов и его внуки Александр и Дмитрий

Внучка Кюхельбекера, Александра Николаевна Косова, вышла замуж за Владимира Николаевича Чижевского (рисунок 2). В семье родилось двое детей: Александр (03.09.1907 – 26.03.1960 гг.) и Дмитрий (май 1909 – 19.01.1960 гг.). В апреле 1917 г. Александра Николаевна умерла после долгой болезни. По рассказам праправнучки Кюхельбекера Людмилы Соколовой, перед революцией 1917 года глава семьи Владимир

Николаевич, увлекавшийся шахматами, уехал за границу, в Швейцарию, где, возможно, принял участие в международном шахматном турнире. Детям пришлось покинуть имение Белый Холм, где они родились и росли, потому что в Смоленской губернии под девизом: «Бей помещиков!» всех грабили. Родственные и дружеские связи в Октябрьскую революцию были порваны. Александру и Дмитрия Чиж взяла на воспитание и вырастила подруга матери – тетя Саша.

Рисунок 2 – Супруги Владимир Николаевич и Александра Николаевна Чиж

По воспоминаниям праправнучки Галины Леонтьевны Сорокиной, Владимир Николаевич Чиж бросил жену с двумя детьми и сбежал с молодой горничной Марьяной на юг. Он пытался уехать за границу, но мест на пароходе не хватило. Чтобы скрыть свое дворянское происхождение, Чиж женился на Марьяне и уехал в ее родную станицу в Краснодарский край. Всю жизнь проработал бухгалтером, не привлекая внимания. Детей Александры и Владимира Чиж – Александру и Дмитрия – вырастили и поставили на ноги чужие люди, одинокие сестры помещицы Щербатовы [1, с. 172].

Необходимо заметить, что предметы, когда-то принадлежавшие внучке Кюхельбекера Александре Николаевне Чиж (фарфоровые кувшин для молока и горчициница фабрики М. С. Кузнецова, фаянсовое блюдо английской фирмы XIX века, бронзовая художественная рамка для фотографии

ручной работы XIX века, столовые льняные салфетки и фотографии семьи Чиж), передала в фонд музея 19.01.1987 года Селезнева Анна Терентьевна, проживающая по адресу: Краснодарский край, Кореновский район, станция Платиновская, ул. Октябрьская, 8, кв. 8.

По рассказам Людмилы Аркадьевны Соколовой, ее мама, Александра Владимировна Чиж, всю жизнь носила фамилию родителей. Получила прекрасное домашнее образование, в школу ее не брали из-за дворянского происхождения. Мама Людмилы Аркадьевны очень много знала, в совершенстве владела французским языком. Молодой девушкой Александра Владимировна вернулась в Ленинград и вышла замуж за кадрового военного Аркадия Николаевича Соколова (рисунок 3), который служил на границе с Польшей в городе Белосток, деревня Стависки. В 1937 году у них родилась дочь Людмила. А в 1939 году Александру Владимировну депортировали в Северный Казахстан как «неблагонадежный элемент» из-за ее дворянского происхождения, мать с дочерью Люсей разлучили. Вскоре из Подмосковья (Мытищ) сюда же депортировали ее брата Дмитрия с семьей (женой Марией и сыном Игорем). В Северном Казахстане Дмитрий Владимирович занимался разведением садов, за что был награжден Всесоюзной грамотой. Кроме того, обладал талантом прекрасного рассказчика.

*Рисунок 3 – Супруги Александра Владимировна Чиж и
Аркадий Николаевич Соколов*

Послушать его «сказки» о Древнем Египте, галактиках собиралась вся улица, настолько увлекательными были его истории. В Казахстане Чиж жили в культурной изоляции. Не было ни книг, ни радио. Поэтому, прочитав газеты, обсуждение вели только на французском языке, чтобы дети ничего лишнего не услышали и не сболтнули. Александра Владимировна Чиж прожила 52 года, похоронена вместе с братом в Казахстане, в деревне Береговой.

Праправнучка Кюхельбекера, Людмила Аркадьевна потерялась в начале Великой Отечественной войны. Но ее тетя Елизавета Николаевна Андреева, сестра отца, смогла ее найти и забрать к себе. В 1944 году мама приехала за дочерью и увезла ее в Казахстан. В 6 лет у Людмилы Аркадьевны, появились мама и дом – земляная хата. Прекрасно образованная Александра Владимировна Чиж привила дочери любовь к литературе, истории и поэзии, познакомила с классиками. Стихи Людмила Аркадьевна сочиняет с детства, но поэтом себя не считает. Говорит: «Слишком высокое звание». Пишет стихи для себя, для удовольствия, когда что-то очень задевает, берет за душу. «Стихи получаются сами собой, – признается Людмила Соколова, – наверное, я тоже романтик, как Вильгельм Карлович Кюхельбекер, потому я могу увидеть то, что другие не замечают и выразить на бумаге» (рисунок 4).

*Рисунок 4 – Праправнучка В. К. Кюхельбекера
Соколова Людмила Аркадьевна*

Вот стихотворение, принадлежащее перу праправнучки декабриста.

Мороз трескучий, ночь темна,
В степи уснувшей тишина,
Укрыто снегом спит село,
Лишь светится одно окно.
Его неяркий желтый свет
Дорожкой падает на снег.
Не спит там женщина, она,
Склонившись в свете каганца,
Читает девочке стихи
О подвигах и о любви,
О парусе в морской дали.
Умолкла женщина, и в тишине
Лишь ветер выл в печной трубе.
Коптит фитиль у каганца,
Сгустилась в хате темнота,
И смотрит сквозь узор морозный
В окошко полная луна.
Давно уж ночь, не спит ребенок,
Он молча смотрит в темноту,
Из строк прочитанных картины
Как будто видит на яву.
Что из того, что в хате бедно,
Дощатый стол, пол земляной,
На топчане матрас из сена,
Но пахнет он ушедшим летом,
Травой весенней луговой.
Вот ночь, вступив в свои права,
Смежила девочке глаза,
И грезы сладкой дремоты
Вплетают в сон её мечты.

Источники и литература:

1 Буракова Г. В. К. Кюхельбекер на поселении в Сибири. «Унылую судьбу послал неумолимый рок...» / Г. В. Буракова // «...Они жрецы единых муз» : материалы VI Таллинских Пушкинских чтений. Ноябрь 2016. Конференция «Пушкин и Кюхельбекер». 9–10 июня 2017 / ред. С. Иванова, сост. В. Бобылева. – Таллин : Пушкинское общество в Эстонии, 2018 г. – С. 169–172.

ЭКСПОЗИЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДЕКАБРИСТАМ, В МУЗЕЯХ ГОРОДА ЯКУТСКА

После поражения декабристского восстания в ссылку, в далекий якутский край, были отправлены 13 декабристов. Это А. Н. Андреев, Н. Ф. Заикин, А. В. Веденяпин, М. А. Назимов, Н. С. Бобрищев-Пушкин, А. А. Бестужев-Марлинский, З. Г. Чернышев, С. Г. Краснокутский, Н. А. Чижов, М. И. Муравьев-Апостол, П. Ф. Выгодский. Исследователи отмечают, что также ссылку в Якутии отбывали В. Голицын и И. Загорецкий, но, к сожалению, информации о них в литературе крайне мало.

Андреев Андрей Николаевич (1803–1833) – член Северного общества (1825), приговорен к поселению, отправлен в Жиганск, переведен в Олекминск. В 1831 году переведен в Верхнеудинск, по дороге в с. Верхоленское сгорел в пожаре вместе с декабристом Н. П. Репниным.

Заикин Николай Федорович (1801–1833) – член Южного тайного общества (1824), приговорен на вечное поселение, по прибытии в Якутск был отправлен в Гижигу Охотского округа, но в связи с сокращением срока доехать не успел, отправлен на поселение в Витим Иркутской губернии, где и умер от тифа в 1833 году.

Веденяпин Аполлон Васильевич (1803–1872) – член «Общества соединенных славян» (1825), был приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь, осенью 1826 года прибыл в Верхневилуйск, с конца года переведен в Киренск Иркутской губернии, затем жил в Иркутске, по амнистии 1856 года переехал в Тамбовскую губернию. Брат декабриста А. В. Веденяпина.

Назимов Михаил Александрович (1801–1888) – член Северного общества (1823), приговорен к вечному поселению, в 1826 году отправлен в Верхнеколымск, в этом же году переведен в Витим Иркутской губернии, затем в Курган Тобольской губернии. В 1837 году отправлен на Кавказ рядовым, в 1846 году уволен в отставку. После отставки жил в Псковской губернии, где и умер в 1988 году.

Бобрищев-Пушкин Николай Сергеевич (1800–1871) – член Союза благоденствия (1820) и Южного общества, брат декабриста Павла Бобрищева-Пушкина в августе 1826 года отправлен в Среднеколымск, в 1827 году переведен в Туруханск. По состоянию здоровья переведен в Красноярск,

затем с братом – в Тобольск. По ходатайству родных в 1856 году ему разрешено было вернуться на родину, в Тульскую губернию.

Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797–1837) – член Северного общества с 1824 года, был сослан в Якутск, затем переведен на Кавказ солдатом, погиб в стычке с горцами. Брат декабристов Николая, Михаила, Павла Бестужевых. Был известным писателем, критиком, публицистом эпохи романтизма. В якутской ссылке написал 29 стихотворение и балладу «Саатырь», созданную на основе якутского фольклора. Кроме того, написал несколько этнографических работ.

Чернышев Захар Григорьевич (1796–1862) – участия в декабристском восстании не принимал, но был приговорен к каторге, год провел на нерчинских рудниках, затем был отправлен на поселение в Якутск, в 1829 году переведен на Кавказ рядовым. В 1837 году после отставки поселился в Орловской губернии, затем в Москве, после смерти Николая I уехал в Рим, где умер в 1862 году.

Краснокутский Семен Григорьевич (1787–1840) – член Союза благоденствия и Южного общества, был отправлен в 1826 году в Верхоянск, но потом место ссылки изменили на Якутск, затем – на Витим. В 1827 году по ходатайству родственников переведен в Минусинск. По состоянию здоровья переехал в Тобольск, где умер в 1840 году.

Чижов Николай Алексеевич (1803–1848) – член Северного общества, в сентябре 1826 года доставлен в Олекминск, в 1833 году переведен служить рядовым в Иркутскую губернию, в 1839 году – в Омск. После отставки до смерти жил в Орловской губернии. Написал две романтические баллады по мотивам якутского фольклора: «Нуча» и «Воздушная дева».

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793–1886) – один из основателей «Союза спасения», член Южного общества, участник восстания Черниговского полка. Брат декабристов Ипполита и Сергея Муравьевых-Апостолов. Был отправлен в Финляндию, затем в 1826 году был отправлен на пожизненное поселение в Сибирь, сначала в Иркутск (1827), потом в Якутск (1827), затем в Вилюйск (1828). В 1829 году переведен в Омскую область, затем – в Ялуторовск. После амнистии переехал в Тверь. Составил описание города Вилюйска.

Выгодский Павел Фомич (1802–1881) – член Общества соединенных славян (1825), приговорен к каторжным работам, в 1827 году доставлен в Читинский острог, затем отправлен на поселение в Томскую губернию. В 1854 году арестован и отправлен на поселение в Вилюйск, куда прибыл в 1857 году. В 1871 году в связи с переводом в Вилюйск Н. Г. Чернышевского переведен в Иркутскую губернию.

Как отмечает Ф. Г. Сафронов, автор книги «Декабристы в якутской

ссылке», «Декабристы А. Бестужев-Марлинский, М. Муравьев-Апостол, Н. Чижев и А. Андреев, которым пришлось прожить в Якутии более или менее значительное время, стремились быть полезными окружающему обществу словом и делом, практической деятельностью, творческой инициативой. В течение кратковременной связи с краем и его населением они проявили себя подлинными представителями передовых слоев общества того времени» [1, с. 52].

Действительно, эти декабристы внесли огромный вклад в изучение далекого сурового края, в котором им волею судьбы оказалось очутиться. Наверное, не случайно, что в экспозициях музеев города Якутска, посвященных декабристам, содержится информация именно о них.

В самом городе Якутске ссылку отбывали А. Бестужев-Марлинский, М. Муравьев-Апостол, З. Чернышев. В честь Бестужева-Марлинского в городе названа улица. Также в 2006 году на улице Кальвица был установлен бюст поэту.

Экспозиции, посвященные декабристам, специфичны и зависят от профиля музея. Например, в Якутском государственном литературном музее имени П. А. Ойунского есть стенд, посвященный отражению темы Якутии в русской литературе. На нем можно найти информацию о декабристах, которые написали произведения о Якутии: К. Ф. Рылееве, одном из руководителей декабристского восстания, авторе поэмы «Войнаровский»; А. А. Бестужева-Марлинском, авторе баллады «Саатырь»; Н. А. Чижове, авторе баллад «Нуча» и «Воздушная дева».

Наиболее полно материал о декабристах, конечно же, содержится в филиале Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера имени Емельяна Ярославского – доме-музее «Якутская ссылка». Экспозиция музея состоит из четырех разделов: первый – история возникновения и распространения ссылки в Ленском крае со времени присоединения Якутии к Русскому государству; второй – религиозные ссылки, третий – история уголовной ссылки, четвертый – политическая ссылка. В четвертом разделе содержатся материалы, посвященные декабристам. Как отмечает Н. К. Гоголева, «В XIX веке массовой ссылкой государственных преступников предшествовала ссылка декабристов в Якутский край в 1826 г. (среди них М. И. Муравьев-Апостол, П. Ф. Дунцов-Выгодский и др.), а политических преступников – ссылка участников Польского восстания 1863–1864 гг.» [2, с. 90].

На стенде, посвященном декабристам, мы можем увидеть десять портретов декабристов, это портреты Н. Ф. Заикина, А. В. Веденяпина, М. А. Назимова, Н. С. Бобринцев-Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского,

З. Г. Чернышева, С. Г. Краснокутского, Н. А. Чижова, М. И. Муравьева-Апостола, П. Ф. Выгодного. К сожалению, в историографии не сохранилось портрета А. Н. Андреева. Про каждого декабриста есть краткая информация, включающая факты из жизни, данные о пребывании в Якутии, сведения о научном или поэтическом наследии. В центре стенда расположена карта, где отмечены населенные пункты, в которых отбывали ссылку декабристы, есть фотографии, сделанные в дореволюционной Якутии. Также здесь можно найти стихотворение А. А. Бестужева-Марлинского, написанное в якутской ссылке.

Таким образом, материалы, посвященные декабристам, представлены в двух музеях Якутска: Якутском государственном литературном музее имени П. А. Ойунского и доме-музее «Якутская ссылка». Интересно было бы поискать материалы, посвященные декабристам, в музеях тех населенных пунктов, где отбывали ссылку другие декабристы, например, в Вилуйске, Олекминске и др.

Источники и литература

1 Гоголева Н. К. О доме-музее «Якутская ссылка» / Н. К. Гоголева // *Наука и техника Якутии*. – 2012. – № 2 (23). – С. 87–91.

2 Сафронов Ф. В. Декабристы в якутской ссылке. К 150-летию со дня восстания декабристов / Ф. В. Сафронов. – Якутск : Якутское книжное изд-во, 1975. – 106 с.

КАНТ И ТОБОЛЬСКИЙ КРУГ ДЕКАБРИСТОВ

В 2024 году научный мир отметил 200-летие со дня рождения одного из самых значимых философов, поставившего вопросы нравственности в основу понимания человека – Иммануила Канта (1724–1804). Его труды оказали большое воздействие на формирование устремлений к преобразованию России декабристов, сформировавшихся во многом под влиянием эпохи Просвещения с ее отрывом от традиционной религии.

Что же должно было питать умы взамен? Русская общественная мысль начала XIX века обратилась к Канту. А. С. Пушкин писал: «Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремление к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорили они языком малопонятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутимым» [3, с. 40].

Круг любителей Канта формировался в Московском университете. Первым известным переводом Канта на русский язык, сделанным выпускником Московского университета Яковом Андреевичем Рубаном (ок. 1760 – ок. 1806) в 1803 году, стали «Основоположения к метафизике нравов».

Член Российской Академии наук Роман Максимович Цебриков (ок. 1763–1817) перевел на русский язык и напечатал в 1804 году в театральной типографии «Наблюдения над чувством возвышенного и прекрасного» Канта [1, с. 40]. Как только появилась первая известная работа о Канте на французском языке, она тут же была многократно транслирована в России.

Новым источником знаний россиян о Канте послужили работы французской писательницы Жермен де Сталь (1766–1817). В переводе ее сочинения кантовская философия причудливым образом связывалась с поэтическими творениями. «Чувство, – говорит она, – подлинное чудо существования» [6, с. 475], «только чувство раскрывает нам бесконечное, не объясняя его нам» [6, с. 479]. Назначение человека, считает она, не в эгоистическом счастье и служении личной пользе, а в совершенствовании, которое невозможно без энтузиазма.

В 1823 году воспитанник Московского благородного пансиона, ученик профессора Московского университета Давыдова, князь Владимир Федорович Одоевский (1804–1869) выступил сторонником трансцендентального идеализма, ссылаясь при этом на декабриста Михаила Александровича Фонвизина, находившегося в 1840-е годы в тобольской ссылке: «Утешительно для нашего невежества почитать пустым то, чего мы не знаем, сказал Фон-Визин. Слыхали-ль вы о Трансцендентальном Идеализме?» [2, с. 311–312]. Об идеализме Канта также шла полемика на страницах журналов «Мнемозины» Одоевского (издаваемого совместно с Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером (1797–1846) и «Дамского журнала», издаваемого Петром Ивановичем Шаликовым (1762–1852).

Михаил Александрович Фонвизин (1788–1854) получил домашнее образование, а затем обучался в училище св. Петра в Петербурге, в Московском университетском пансионе, слушал лекции в Московском университете, где и познакомился с трудами Канта. Впоследствии, генерал-майор, герой Отечественной войны, член Союза спасения и Союза благоденствия, Фонвизин напишет в Тобольске несколько незаурядных работ, в том числе историко-философский обзор, в котором отмечено важное значение кантовской философии. Для Фонвизина очевидны евангельские мотивы в творчестве Канта: «Свобода, бессмертие души, бытие Божие – эти три вывода даются практическим умом. Кант, в своих результатах согласный с христианским учением, в восторге провозглашает эту гармонию своей философии с евангельскими истинами» [4, с. 251].

Кроме того, евангельские мотивы у Канта Фонвизин увязывает с гуманистической силой и свободолюбивой направленностью его нравственной философии: «Кант сказал: *«Ein Mensch soll sich nie zur Sache machen»* (Человек никогда не должен делать из себя предмет). Этому не противоречит и учение Христово, ибо во всей Европе что другое, как не это благодатное учение, уничтожило крепостное состояние; только в одной нашей России оно не произвело этих вожделенных последствий, да, кажется, в Византии до ее падения оставались рабы» [5, с. 355]. Подобную интерпретацию Канта вряд ли можно встретить у кого-либо из современников Фонвизина в России. На практике Фонвизин высказывался за освобождение крестьян с минимальным земельным наделом.

Таким образом, в результате ссылки декабристов в Тобольск здесь оказались одни из первых приверженцев философии Канта в России – Михаил Александрович Фонвизин и Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Если лицейский друг А. С. Пушкина и сподвижник В. А. Одоевского В. К. Кюхельбекер (1797–1846) приехал на поселение в Тобольск незадолго до своей кончины, то в доме Фонвизина в Тобольске шла актив-

ная работа философской мысли, в том числе и в русле ее религиозной составляющей.

По Канту, разумная, истинная религия есть «моральная религия»; она базируется на разуме как основе морального поведения, помогает человеку понять свои обязанности как «категорический императив», как божественную заповедь, как безусловное требование в любых обстоятельствах выполнять моральный долг.

Идеи Канта во многом получили подтверждение в деятельности декабристов, для которых кантовский моральный императив в сочетании с православием был направлен на просвещение, открытие школ. Тобольск имеет славную историю, одной из страниц которой является развитие и практическое воплощение передовой европейской мысли, в ее национальном, истинно русском прочтении.

Источники и литература

1 Каменский З. А. Кант в России / З. А. Каменский // *Философия Канта и современность*. – Москва : Мысль, 1974.

2 Одоевский В. Ф. Дни досад / В. Ф. Одоевский // *Вестник Европы*. – 1823. – № 16.

3 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Т. 7. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1956.

4 Фонвизин М. А. Обзорение истории философских систем / М. А. Фонвизин // *Соч. и письма*. – Т. 2. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982.

5 Фонвизин М. А. Письмо к Е. П. Оболенскому от 15 мая 1851 г. / М. А. Фонвизин // *Соч. и письма*. Т. 1. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979.

6 *Stahl de 1844 – Staël G. de. De l'Allemagne / Nouvelle édition avec une préface par Marmier X. Paris, 1844.*

ИСТОРИЯ ДОМА ЗЕМСКОГО ИСПРАВНИКА А. И. ДУРАНОВА В КУРГАНЕ

Объектом настоящего исследования является историческое здание, расположенное в г. Кургане по ул. Климова, 50, собственником которого в первой половине XIX века был земский исправник Александр Иванович Дуранов, водивший дружбу с декабристами, жившими на поселении в Кургане.

История этого дома была достаточно хорошо изучена во второй половине XX века журналистом и краеведом Б. Н. Карсоновым (1928–2008). Вместе с тем выявленный комплекс архивных документов по этой теме требует проведения нового анализа, что позволяет интерпретировать события, прежде всего связанные с женитьбой декабриста П. Н. Свистунова на приемной дочери А. И. Дуранова Т. Неугодниковой несколько иначе, чем это было сделано Б. Н. Карсоновым.

В Государственном архиве Курганской области в личном фонде Б. Н. Карсонова имеются дела, в которых собраны подлинные документы, выписки из архивных документов, записки исследователя, связанные с историей усадьбы по ул. Климова, 50 и ее владельцами – семьями земского исправника А. И. Дуранова и священника о. протоиерея Иоанна Волкова [5, оп. 4, д. 117; оп. 6, д. 217]. Ему принадлежит идентификация этого здания как дома, который был построен А. И. Дурановым и до 1856 года принадлежал семье земского исправника. В середине 1970-х годов Б. Н. Карсоновым была проведена фотофиксация этого исторического здания (рисунок 1).

Историю дома условно можно разделить на три основных периода:

I период	первая треть XIX в. – 1856 г.	строительство дома А. И. Дурановым, владение домом семьей земского исправника А. И. Дуранова
II период	1856 г. – начало 1920-х гг.	владение домом семьей протоиерея Богородице-Рождественского собора И. Волкова
III период	начало 1920-х гг. – по настоящее время	муниципализация дома и устройство в нем коммунальных квартир, подробнее об этом периоде сохранились документы в фонде Курганского окрисполкома [4, оп. 1, д. 210]

Рисунок 1 – Дом по ул. Климова, 50, фото Б. Н. Карсонова, 1976 год

В этой статье будет освещена история дома, относящаяся к I периоду.

Дуранов Александр Иванович (1795?–1852) занимал должность земского исправника с 1830 по 1837 годы, был попечителем строящегося Богородице-Рождественского собора. Во второй половине 1830-х годов его семья состояла из жены Анны Васильевны (1805–1871), урожденной Моевой, приемной дочери Татьяны (Неугодниковой), матери Екатерины Никитичны и его сестры Марии.

Имел дворовых (крепостных) людей и большой штат прислуги, которые проживали вместе с его семьей. В исповедных росписях за 1836–1838 годы значатся: дворовые: Максим Иванов, 48 лет; жена его Татьяна Яковлева, 39 лет; дети их Николай, 8 лет и Евдокия, 21 год; девки: Елена Михайлова Арямова, 52 лет; сын ее Ниркис, 9 лет, Ирина Дмитриева, 23 лет. Прокофий Ефремов, 48 лет; жена его Матрена Сергеева, 38 лет; дети их Федор, 21 года, Матвей, 11 лет, Василий, 10 лет, Пелагея, 20 лет, Параскева, 16 лет, Анна, 4 года, Ирина, 21 год [8, с. 142].

В 1837 году из-за скандала, связанного с ненадлежащим контролем за старообрядцами Меншиковской волости Курганского округа Тобольской губернии, А. И. Дуранов ушел в отставку.

По данным Б. Н. Карсонова, в г. Кургане А. И. Дуранов имел две усадьбы. Обе они находились по Береговой улице. На плане г. Кургана 1844–1845 годов эти усадьбы значатся под № 501, где расположен исследуемый объект, и под № 492 [5, оп. 4, д. 217, л. 2] (рисунки 2, 3).

Рисунок 2 – План г. Кургана 1840-х годов. Стрелкой показано местоположение дома А. И. Дуранова

Рисунок 3 – Фрагмент плана г. Кургана 1840-х годов. Стрелками показано местоположение усадеб по ул. Береговой, принадлежавших А. И. Дуранову: 1 – усадьба по четной стороне (ул. Климова, 50), 2 – несохранившаяся усадьба по нечетной стороне

О делах ссыльных дворян с А. И. Дурановым находим подтверждения в письмах А. Ф. Бригена, жившего на поселении в г. Кургане в 1836–1856 годы. 11 апреля (по старому стилю) 1838 года в письме к М. М. Нарышкину А. Ф. Бриген сообщает о хлопотах по продаже курганского дома Нарышкиных, в которой был задействован «господин Дуранов» [2, с. 120–121].

Еще одно упоминание об А. И. Дуранове встречаем в письме А. Ф. Бригена к М. М. Нарышкину от 9 мая (по старому стилю) 1841 года, где речь идет о денежных делах. А. Ф. Бриген пишет: «Передайте, пожалуйста, Лореру, что я от его брата получил 480 р. для уплаты Дуранову, которому я деньги эти уже отдал [2, с. 145–146].

В 1838–1841 годы на поселение в г. Курган находился декабрист Петр Николаевич Свистунов. Он был вхож в дом Дуранова, где познакомился с его приемной дочерью Татьяной. На момент встречи П. Н. Свистунова с Т. Дурановой ей было 12–13 лет. Родным отцом девочки был квартальный надзиратель Степан Елисеевич Неугодников (1792–1851). Долгое ухаживание П. Н. Свистунова за Татьяной Дурановой предположительно связано с тем, что для бракосочетания необходимо было дожидаться, когда невеста достигнет возраста, разрешенного церковью для вступления в брак.

В своем письме к дочерям Марии и Анастасии от 1 января (по старому стилю) 1842 года, описывая события, связанные со свадьбой П. Н. Свистунова, А. Ф. Бриген не указывает место проведения празднеств. В этом письме А. Ф. Бриген пишет: «14 и 15 января состоится свадьба Свистунова, серия балов и вечеров уже объявлены, из приличия мне нужно будет присутствовать на нескольких из собраний. Сегодня также состоится бал, на который я приглашен» [2, с. 152–153]. 25 января (по старому стилю) 1842 года в Троицкой церкви г. Кургана состоялось бракосочетание Петра Николаевича Свистунова, православного, 37 лет, и девицы Татьяны Александровны, воспитанницы бывшего Курганского земского исправника, надворного советника Александра Дуранова, 16 лет [8, с. 142–143].

Современники нелестно отзывались о личных качествах А. И. Дуранова, отмечая его тяготение к пьянству и плутовству. Так, А. Ф. Бриген в письме к дочери от 7 ноября (по старому стилю) 1841 года пишет: «Свистунов уезжает в Тобольск после своей свадьбы, которая состоится в январе. Он покидает Курган, чтобы отдалится от родственников жены своей будущей супруги – пьяниц и плутов» [2, с. 149–150].

Отметим, что П. Н. Свистунов имел в г. Кургане собственный дом, который он купил у декабриста М. А. Назимова. Впоследствии этот дом М. А. Назимов продал другому декабристу И. С. Повало-Швейковскому,

а тот в свою очередь – декабристу Н. В. Басаргину. Курганская усадьба, принадлежавшая П. Н. Свистуну в 1837–1840 годы, находилась на Дворянской улице, рядом с домом декабриста А. Е. Розена. Этот дом до наших дней не сохранился [7, с. 3]. Его местоположение на современном плане Кургана – между зданиями по адресу: ул. Советская, 67 и 69.

А. И. Дуранов умер в 1852 году. К этому времени его приемная дочь Татьяна была замужем за декабристом П. Н. Свистуновым. В г. Кургане оставалась жить его вдова Анна Васильевна. Предположительно из-за отъезда Т. А. Свистуновой с мужем из Сибири в центральную Россию в 1856 году был произведен окончательный раздел наследства покойного А. И. Дуранова между его вдовой и приемной дочерью. В указанном году была оформлена купчая крепость, по которой надворная советница А. В. Дуранова получила право на вечное потомственное владение «домом, выстроенным ей самою, по Береговой улице между домами по правую сторону отставного рядового Алексея Лебедкина, по левую – госпожи штабс-лекарши Марии Сергеевны Ещенконой» длиною по улице 26 сажений, поперечнику – 63 сажени, о чем была составлена купчая крепость [5, оп. 4, д. 117, л. 3].

11 апреля (по старому стилю) 1856 года была заключена купчая крепость на продажу этого дома «священнической жене» Юлии Ивановне Волковой. Кроме деревянного дома вдова А. И. Дуранова продала Ю. И. Волковой три амбара в одной связи, завозню с конюшней, амбар с погребом и баню с предбанником и горницей. Все это имущество было оценено в 350 рублей серебром [5, оп. 4, д. 117, л. 4].

За А. И. Дурановой до 1869 года оставалась вторая фамильная усадьба по нечетной стороне ул. Береговой. 18 июня (по старому стилю) 1869 года эта усадьба, включающая дом деревянный с двумя флигелями, была продана Курганскому обществу для устройства Владимирской богадельни за 2500 руб. серебром, т. е. почти в семь раз дороже, чем усадьба по четной стороне ул. Береговой. Один из флигелей был двухэтажный. Размер усадьбы составлял 35х30 сажений [3, с. 114].

На этом месте Владимирская богадельня просуществовала до установления советской власти в г. Кургане. По состоянию на 1909 год значилась по адресу: Береговая улица, 23 [1, с. 71].

В 1899 году в усадьбе Владимирской богадельни на втором этаже флигеля, когда-то построенного Дурановыми, было размещено второе женское приходское училище [3, с. 244]. Планировочная структура этой усадьбы хорошо видна на аэрофотоснимке города Кургана 1961 года. Снос исторических построек на этой усадьбе был завершен в 1990-х годах.

А. В. Дуранова после продажи последней своей усадьбы на Береговой

улице купила деревянный дом по Дворянской улице в г. Кургане за 530 руб. Она умерла в 1871 году [5, оп. 4, д. 217, л. 23].

Первым исследователем, систематизировавшим в 1960-е годы материалы по женам декабристов, жившим на поселении в г. Кургана, стал историк, преподаватель Курганского пединститута Н. А. Лапин. Основываясь на письмах декабристов, он подробно описал историю сватовства и последовавшей за этим женитьбы декабриста П. И. Свистунова на Т. А. Дурановой (Неугодниковой) [9, с. 46–48].

В 1980-е годы эту тему продолжил Б. Н. Карсонов, опубликовав в 1986 году в областной газете «Советское Зауралье» статью «Последний свидетель», посвященную свадьбе декабриста П. И. Свистунова в доме А. И. Дуранова по ул. Климова, 50 [6, с. 4]. Публикация не содержит обоснований и ссылок на источники, подтверждающие вывод о проведении свадьбы именно в указанном доме. Не обнаружены эти данные и в архиве Б. Н. Карсонова.

Действительно, есть все основания считать, что один из домов, принадлежащих А. И. Дуранову в г. Кургане, стал местом встречи декабристов, со многими из которых он имел приятельские отношения. В архивных источниках, в переписке декабристов конкретного подтверждения факта, в какой из усадеб проживала семья А. И. Дуранова и, соответственно, в каком из своих домов А. И. Дуранов устраивал приемы, балы, свадьбу своей приемной дочери с П. И. Свистуновым, не обнаружено.

Ввиду отсутствия прямых подтверждающих данных необходимо обратиться к косвенным архивным сведениям для интерпретации исторических фактов.

Усадьбы хоть и располагались на одной (старейшей) улице города в соседних кварталах, но заметно отличались по условиям местоположения.

Усадьба № 501 (нумерация по плану города 1840-х годов), собствен-но сохранившийся дом по ул. Климова, 50, располагается на участке, где высокая надпойменная терраса реки Тобол делала изгиб, повторяя контуры русла реки. Размер усадьбы на дату ее продажи Волковым составлял 26х63 сажень. Усадебный участок узкой стороной примыкал к Береговой улице и далее широкой стороной проходил по склону надпойменной террасы с перепадом высот до 5–6 метров. Очевидно, что нижняя часть участка была систематически затопляемой. В таких условиях дом можно было построить только на склоне в его наиболее высокой части, а еще ниже по склону расположить надворные постройки. В доме (по данным на 1922 год) было 5 комнат. Полуподвальный этаж, вероятно, использовался как кухня. На усадьбе, по данным на дату ее продажи (1856 год), не располагалось жилых флигелей. Были лишь «три амбара в одной свя-

зи, завозня с конюшней, амбар с погребом и баня с предбанником и горнищей».

Усадьба № 492 располагалась на расстоянии 80 м от описанной выше, но в других условиях. Это был полноценный городской квартал, разбитый первоначально на стандартные усадьбы. Участок был подквадратной формы, сформировавшейся в результате объединения двух стандартных усадебных участков (35х30 саженей). Поверхность ровная, без перепадов высот. Эта территория была вне зоны систематических затоплений. Длинной стороной усадьба располагалась вдоль Береговой улицы. На дату продажи усадьбы курганскому обществу (1869 год) на ее территории располагались жилой дом и два флигеля, один из которых двухэтажный. Площадь жилого дома, исходя из анализа данных аэрофотосъемки 1961 года, превышала площадь дома на усадьбе № 501.

По приведенным выше архивным данным на 1836–1838 годы о составе семьи Дурановых (5 человек) и проживающей вместе с его семьей прислугой (16 человек), усадьба на участке № 492 была объективно более подходящей для проживания семейства и дворовых людей.

Несомненно, эта усадьба была и более статусной, и в целом более дорогой. Стоимость ее продажи (2500 руб.) была более чем в семь раз выше стоимости продажи усадьбы на участке № 501 (350 руб.).

Еще одним обстоятельством, на которое требуется обратить внимание, является то, что усадьба № 501 была продана вдовой А. И. Дуранова первой в 1856 году. Усадьба № 492 продана в 1869 году, а следом был куплен другой дом для проживания – на Дворянской улице. Т. е. в течение нескольких лет усадьба № 492 была единственной, принадлежавшей семье Дурановых, где, очевидно семья и проживала.

В целом проведенный анализ позволяет по косвенным данным сделать вывод о том, что наиболее вероятным местом постоянного проживания семьи Дурановых был усадебный участок № 492 (в настоящее время полностью утрачен). Усадьба № 501 могла сдаваться в наем или, что более логично, учитывая большое количество дворовых людей, использоваться для их проживания. Соответственно, наиболее вероятным местом, где собирались декабристы, где проводились, приемы, балы, где А. И. Дуранов устраивал свадьбу своей приемной дочери с П. Н. Свистуновым, была именно несохранившаяся до наших дней усадьба № 492.

Список источников и литературы

1 Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм Курганского уезда Тобольской губернии. 1909 год. – Курган : Изд. Типографии А. И. Кочешева, 1909. – 175 с.

2 Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения / А. Ф. Бриген ; отв. ред С. Ф. Коваль. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. – 576 с.

3 Васильева А. М. Забытый Курган / А. М. Васильева. – Курган : Зауралье, 1997. – 360 с.

4 Государственный архив Курганской области (ГАКО) Р-712 (Ф. Управление жилищно-коммунального хозяйства Курганского горисполкома).

5 Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-2380 (Ф. Карсонов Борис Николаевич).

6 Карсонов Б. Н. Последний свидетель / Б. Н. Карсонов // Советское Зауралье. – 1986. – 24 декабря.

7 Карсонов Б. Н. Историческая записка о доме Кюхельбекера / Б. Н. Карсонов // Живы в памяти потомков. – Курган : РИЦ Курганского государственного университета, 2005. – С. 25–33.

8 Ковалева, Л.П. Семья декабриста П. Н. Свистунова / Л. П. Ковалева // Живы в памяти потомков. – Курган : РИЦ Курганского государственного университета, 2005. – С. 142– 143.

9 Лапин Н. А. Сибирячки – жены декабристов (глава рукописи книги «Декабристы в Кургане» / Н. А. Лапин // Живы в памяти потомков. – Курган : РИЦ Курганского государственного университета, 2005. – С. 43–48.

А. С. ГРИБОЕДОВ И ДЕКАБРИСТЫ В МНОГОМЕРНОЙ ОПТИКЕ

Декабристское движение явило собой квинтэссенцию интеллектуального и организационного потенциала российского дворянства, подошедшего в своем развитии в конце первой четверти XIX века к неизбежному предъявлению власти и обществу итогов своих бурных внутренних дискуссий о судьбе крепостнического государства и устремлений изменить его устои, закончившемуся для участников общества трагическим финалом. Воспитанные в духе кодекса дворянской и офицерской чести, члены тайного общества обречены были сделать скрытые заговорщические маневры достоянием публичной сферы. Вовлеченные в дуэльную культуру, весьма распространенную в дворянской и офицерской среде того времени, декабристы предприняли максимум усилий нажать на курок дуэльного оружия, даже в условиях, когда этот выстрел не способствовал решению взлелеянных ими прожектов и был губительным для самих исполнителей.

В «Записке А. Бестужева о составе тайного общества» раскрыты не только принципы его работы, но и «правила» приема в члены общества, среди которых находим показательное указание на уловки дворянских рекрутеров: «Разсудительных брать со стороны доказательств, а пылких блестящими картинами будущего. Впрочем, хотя и выбирать людей чистых и первым условием предлагать самоотвержение – чтобы он все нес в жертву отечеству...» [2, с. 404]. Таким образом, в деятельность декабристского общества были вовлечены и многие знаковые фигуры дворянской культуры того времени, в том числе поэты-дипломаты XIX в. А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов и др. Сам Грибоедов на следствии по делу декабристов не отрицал знакомства с декабристами-литераторами А. А. Бестужевым, К. Ф. Рылеевым, Е. П. Оболенским, А. И. Одоевским, В. К. Кюхельбекером. Однако он отказывался от знакомства с некоторыми из них, в частности, от «правил» князя С. П. Трубецкого и знакомства с ним: «я его почти не знал», что было не так, ведь показания князя на следствии изобличали дипломата в связях с обществом.

Имевшая ко времени восстания на Сенатской площади большую популярность в светском обществе комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», тысячекратно переписанная от руки почитателями его драматургического таланта, стала литературным манифестом декабризма. Отметим, что

столь огромное для того времени самиздательское тиражирование пьесы Грибоедова отчасти было заслугой и сторонников тайного общества, популяризирующих произведение в своем близком круге сторонников.

Авторитетные дореволюционные, советские и российские историки и филологи изучили сохранившиеся архивные документы и материалы в отношении принадлежности А. С. Грибоедова к декабристскому движению. Грибоедоведы и по сей день следуют в русле нарратива, сформированного историком М. В. Нечкиной, – «явная незаконченность следствия» и странные обстоятельства освобождения Грибоедова из-под стражи. Более определенно на этот счет высказался С. А. Фомичев: «Нет никаких оснований сомневаться, что по тесным дружеским связям со многими декабристами Грибоедов знал о целях и деятельности тайных обществ. Такая осведомленность (и “недонесение властям”) уже непременно служила для вынесения обвинительного приговора подследственному» [5, с. 304]. Однако следует учесть, что исследователи тщательно подбирают термины в определении грибоедовского участия или неучастия в делах тайного общества: «знал о целях и деятельности», «знал, но не участвовал», «не знал и не участвовал» и др.

В ответах на «Вопросные пункты Грибоедову с ответами 15 марта» 1826 году, которые должны были по замыслу следствия, раскрыть намерения руководителей общества, коллежский асессор А. С. Грибоедов не сделал никаких признательных показаний [6, с. 99–100]. Грибоедов отрицал общение по вопросам общества с Бестужевым, Муравьевым, Пестелем, Корниловым, Сухачевым. Однако ситуацию осложняли признательные показания других декабристов. Так, в опубликованных архивистом и историком литературы Н. Е. Щеголевым документах следственного дела А. С. Грибоедова («Извлечение из показаний о Грибоедове») находится выдержка из письма государю Е. П. Оболенский, котором имеется следующее признание: «Что Грибоедов был принят в члены общества месяца два или три пред 14 декабря, и вскоре потом уехал; почему действий его в обществе совершенно не было» [6, с. 87].

В свою очередь, и нам нет оснований сомневаться, что для вызволения из-под царской стражи А. С. Грибоедова, который к тому времени находился на дипломатической службе, была предпринята многоходовая операция с участием весьма влиятельных вельмож, семьи, друзей, а также почитателей литературного таланта задержанного. Несмотря на отрицание своего знакомства с руководителями первого ряда тайного общества, А. С. Грибоедов был с ними знаком и, конечно же, не мог не знать об их намерениях. Свидетельством тому может служить грибоедовская оценка: «Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный

быт России», а также его восклицание: «Я говорил им, что они дураки». [1, с. 182].

Вызволению А. С. Грибоедова из-под ареста способствовали несколько обстоятельств: заступничество высокопоставленных лиц, отрицание подозреваемым факта осведомленности о существовании общества и причастности к нему. Известный историк М. В. Нечкина заметила еще одно обстоятельство, сыгравшее на следствии в пользу грибоедовской версии защиты: «То обстоятельство, что на следствии оба вопроса не были разделены, во многом облегчило Грибоедову ответы» [4, с. 24].

В очистительном аттестате, подписанном 9 июня 1826 года, было указано: «По Высочайшему Его Императорского Величества повелению Комиссия для взыскания о злоумышленном Обществе сим свидетельствует, что Коллежский Ассесор Александр Сергеев сын Грибоедов, как по исследованию найдено, членом того общества не был и в злонамеренной цели оного участия не принимал» [6, с. 124]. Следом за освобождением Указом Сената от 8 июля №32476 А. С. Грибоедов был произведен в чин надворного советника, что говорило о восстановлении его во всех правах и снятии имевшихся подозрений.

Тем не менее в исследовании М. В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» историк словно подает знак последователям и пишет о незаконченном финале изучения причастности А. С. Грибоедова к декабристскому движению. М. В. Нечкина обратила внимание на следующие совпадения: «“Горе от ума” было задумано Грибоедовым в 1816 г. – тогда же, когда возникло первое декабристское тайное общество... Замысел комедии родился, рос и развивался в атмосфере раннего, одновременно с ним родившегося декабризма...» [3, с. 138–139].

Таким образом, исследователям еще предстоит найти ответы на вопросы: случайны ли совпадения творческого замысла и окончания написания главного грибоедовского произведения, совпавшего по времени с периодом апогея декабризма. Как и многое в биографии А. С. Грибоедова следует рассматривать при помощи многомерной оптики, иной он не приемлет.

Источники и литература

1 *Грибоедов в воспоминаниях современников / ред. и предисл. Н. К. Пиксанова ; примеч. И. С. Зильберштейна. – Москва : Федерация, 1929. – 342 с.*

2 *Котляревский, Н. А. Декабристы: кн. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский, их жизнь и литературная деятельность / Н. А. Котляревский. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1907. – 439 с.*

3 Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы / М. В. Нечкина // Литературное наследство. – Москва : Академия наук СССР, 1946. – № 47–48. – С. 77–146.

4 Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова / М. В. Нечкина. – Москва : Мысль, 1982. – 102 с.

5 Фомичев С. А. Александр Грибоедов: биография / С. А. Фомичев. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. – 511 с.

6 Щеголев Н. Е. Декабристы / Н. Е. Щеголев. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1926. – 362 с.

**ИЗ КУРГАНА В ТУРИНСК И ОБРАТНО:
«ВЛАСОВСКОЕ ДЕЛО» В СУДЬБЕ ДЕКАБРИСТА
А. Ф. БРИГЕНА¹**

Эта судебное дело растянулась на годы, и пострадал в нем не только подсудимый, но и судивший его. Первым был крестьянин деревни Степной Чернавской волости Курганского округа Тобольской губернии Павел Власов. Вторым – потомок ливонских рыцарей, бывший гвардейский офицер и осужденный государственный преступник Александр Федорович фон-дер Бриген (Бригген). Впрочем, после вовлечения в это дело значительных лиц и высоких инстанций, а также после получения широкого резонанса, завершилось оно благополучно для обоих.

Началось же это дело на масленичные гулянья 11 февраля 1849 года. Десять крестьян названной деревни, Григорий и Павел Власовы, Яков Лесников, Иван Соколов, двое Юковых и прочие, катались в саних. Заметив идущего Михаила Власова, Павел Власов похвастался, что не боится своего двоюродного брата, назвал его «заворуюем» и соскочил на снег. За ним последовал Иван Соколов. Позднее компания воссоединилась, при этом Павел Власов якобы обронил: «После меня уже ходить не будет». Следующим утром был обнаружен труп Михаила Власова. Следствие вел курганский земский исправник Иосиф Иванович Папкевич, на допросе у которого Соколов показал, что Павел убил Михаила деревянным брусом («нащепом»). Павел свою вину отрицал, но признавал, что «был без памяти пьян» [5, л. 179–179 об.].

В Курганский окружной суд дело об убийстве М. Власова поступило 29 марта. Разбирал его не судья А. П. Забелин, а судебный заседатель А. Ф. Бриген с помощью секретаря Н. П. Рихтера. Почему так случилось, он сам объяснил позже: «С самого первого дня поступления в должность и постоянно, не пропустив ни одного дня, присутствовал я в суде, и почти всегда один, потому что окружной судья уже третий год постоянно одержим болезнью, другой заседатель имеет слабость пить и по этой причине каждый месяц от двух до трех недель не присутствует. Секретарь же Рихтер не только чиновник неблагонадежный и неблагонамеренный, но такой че-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649, <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>.

ловек, которым даже в Кургане все гнушаются» [3, с. 270]. Последний до 1846 года служил учителем в уездном училище и потерял место не без скандала [4, с. 231–232].

Отставной полковник А. Ф. фон-дер Бриген попал в Сибирь как участник декабристского заговора. Проведя год в Читинском остроге, он вышел в 1828 году на поселение в заштатный городок Пелым. Перепроситься в более южный и мягкий по климату Курган удалось в марте 1836 года. В январе 1838 года он получил дозволение вступить в статскую службу, а спустя 10 лет, в апреле 1848 года, – чин коллежского регистратора и место заседателя в окружном суде. Назначение было сделано с согласия генерал-губернатора Западной Сибири князя П. Д. Горчакова. Декабрист И. И. Пущин писал о Бригене: «Получивши 14-й класс, он ездил в Омск и просил у князя места. Просто чудеса!» [13, с. 237].

Параллельно с материалами дела в суд поступили прошения от вдовы М. Власова и от жены П. Власова. Первая называла «главным виновником этого убийства Григория Власова, а с ним Петра Юкова, Ивана Соколова, Якова Лесникова, ... которые все при следствии были допущены как свидетели против Павла Власова» [3, с. 250]. Вторая сообщала, что еще в конце 1848 года «Григорий Власов, Юков, Соколов и другие, будучи вооружены топорами и пешнями, вторглись ночью в дом Мих. Власова, но, не успев его захватить, вероятно, для того, чтобы убить, потому что Григорий Власов еще прежде этого грозил убить Михайлу..., в доме его все переломали, за каковой нанесенный ему убыток были присуждены заплатить деньгами» [5, л. 180].

В суде И. Соколов сознался, что «все показанное им он взвел напрасно на Павла Власова, что он не видел, чтобы Павел Власов убивал Михаила ... и что он все это показывал по наущению волостного писаря Подорванова» [5, л. 180 об]. Суд (т. е. де-факто А. Ф. Бриген) обратился к тобольскому гражданскому губернатору К. Ф. Энгельке с предложением отправить дело на следствие. С одобрения губернатора П. Власова и И. Соколова из-под стражи освободили.

Неожиданно через голову губернатора дело было истребовано в Главное управление Западной Сибири, судным отделением которого заведовал родной брат И. И. Папкевича, титулярный советник Александр Иванович Папкевич. Бриген писал Горчакову, что «как судья и человек, боящийся Бога» он не мог не встать на защиту «невиновного». Тщетно. Пущин уже в июле предсказывал, что Бригена «прогонят, если он слишком будет надоедать своею перебранкой с уездной аристократией» [13, с. 246]. Совет Главного управления постановил перевести рассмотрение дела об убийстве крестьянина М. Власова из Кургана в Омск, а самих судебных «передать рассмотрению судебному» [5, л. 178].

Минуло 120 лет, и в 1969 году курганский историк Н. А. Лапин обнародовал найденные им сведения о Михаиле Власове. В апреле 1843 года в селе Чернавском возмущенные крестьяне ворвались в волостное правление. При этом М. Власов «с большим азартом» требовал от писаря И. Подорванова выдачи «секретных бумаг», по которым казенных крестьян якобы «подписывают в крепостное владение». Писарь, которого они грозились бросить в реку, спасся бегством. Эти события историк назвал «восстанием в Чернавской волости», а М. Власова – «вожаком повстанцев». По его мнению, благодаря Бригену «убийство М. Власова предстало... не как результат пьяной драки, а как зверская расправа сельских властей с непокорным крестьянином» [9, с. 264–265, 271]. Этот вывод в советский период повторили и другие сибирские авторы [14, с. 67; 11, с. 247].

И только в изданной в перестроечное время монографии Т. С. Мамсик чернавские события предстали в ином свете. Михаил Власов был одним из участников «приступа» на волостное правление, но крестьянская масса «не поддержала “зачинщиков”, дело ограничилось подготовкой прошения на имя императора» [10, с. 167, 170–171]. Следовательно, не скрыто в событиях 1843 года и ответа, почему в 1849-м «сельские власти» могли бы решиться на «расправу». Сами «сельские власти» олицетворялись для крестьян, прежде всего, волостным головой и писарем. Но если голова избирался на два года, то писарь мог занимать свое место бессрочно [12, с. 95]. Показательно, что историки не пришли к единому мнению о том, кто был чернавским головой в 1843 году: по версии Н. А. Лапина – Потаскуев, по мнению Т. С. Мамсик – Чернопьянов. Зато Подорванов оставался писарем и в 1843 году и в 1849 году. И, конечно, не питая симпатий к участникам «приступа», он мог повлиять на показания Соколова.

Вернемся к 1849 году. В письме своей дочери Марии Туманской от 2 ноября А. Ф. Бриген дал волю чувствам: «Теперь да позволительно будет спросить, где, кроме Западной Сибири, можно видеть, чтобы главное начальство вместо того, чтобы открыть преступление и защитить невинного, всеми силами упорствовало, чтобы преступление не было открыто? И мало этого, еще нападает с особенным озлоблением (вероятно, хорошо заплачено) на целое присутственное место за то, что оно донесло об этом и просило по этому предмету разрешения!» [3, с. 253]. Той же почтой он послал письмо управляющему III отделением генералу Л. В. Дубельту, прося «вытребовать дело» у сибирских властей и «прислать следователя, который по указаниям вдовы убитого ... откроет истину». Докладывая о письме главноуправляющему III отделением графу А. Ф. Орлову, Дубельт,

очевидно, посоветовал отправить дело в Министерство внутренних дел. Граф Орлов совет охотно принял.

Так дело убиенного М. Власова превратилось в дело ссыльного А. Бригена и вознеслось на имперский уровень. Отношением от 12 декабря 1849 года граф А. Ф. Орлов известил о нем министра внутренних дел графа Л. А. Перовского. Лев Алексеевич Перовский имел репутацию «либералиста», выступал с проектами ослабления крепостного права и, что здесь особенно важно, прежде состоял в декабристском тайном обществе. Оба они – Бриген и Перовский – были поименованы в записке о Союзе благоденствия, составленной агентом М. К. Грибовским и поданной императору начальником Гвардейского генерального штаба А. Х. Бенкендорфом в мае 1821 года. Правда, первый из них был причислен к категории «примечательнейших по ревности», второй же назван среди тех, которые «мало-помалу... отстали» [1, с. 184]. Но в 1848–1849 годах по всей Европе полыхали революции, в разжигании которых общее мнение винило тайные общества. «Либералисты» попали под подозрение, и Перовский имел основания опасаться за прочность своих позиций. Получив отношение шефа жандармов, он отправил запрос в Омск, зарегистрированный канцелярией генерал-губернатора 18 января 1850 года.

Через четыре дня, 22 января, П. Д. Горчаков послал в столицу сразу два письма – Л. А. Перовскому и А. Ф. Орлову. Первое из них посвящено доказательству правомерности действий сибирских чиновников – от исправника И. И. Папкевича до сотрудников Главного управления. Ни в самом письме, ни в приложенной к нему «Записке по делу об убийстве крестьянина Курганской округи Михаила Власова» Бриген не упомянут. Зато ссыльный декабрист стал единственной темой письма графу Орлову: «...осчастливленный Всемиловейшим облегчением своей участи по ходатайству родственников, он до того возмечтал о своих связях, что усиливается первенствовать там, куда сослан за преступление и над лицами, обязанными за ним наблюдать; что он мешается в дела ему чуждые, чтобы доказать свою силу; что он вступил в козни против местных властей, наипаче исправника...». С кем именно, по мнению Горчакова, у Бригена имелись связи, раскрывалось далее: «...поступки Бригена мне известны... и по истине требовали бы укрощения, если бы по его угрозам не ожидал я себе вопросов из С. Петербурга (как то случилось)». Не зная, как в МВД проведдали об этой истории, но зная о натянутых отношениях двух ведомств, Горчаков интриговал против Перовского и подсказывал решение по беспокойному декабристу: «...дальнейшее нахождение г. Бригена в Кургане и при настоящей должности кажется мне вредным...» [5, л. 173–174 об.].

Оба руководителя полицейских ведомств вновь попытались увернуть-

ся от решения щекотливого вопроса, но с разной долей успеха. Перовский просто переправил Орлову пришедшие из Омска отзыв и записку. Орлов же, получив отношение Горчакова 10 февраля и промедлив три дня, отписал в ответ: «...по моему мнению, противозаконные и неуместные действия Бригена ни в коем случае не должны быть терпимы, и потому, находя справедливым и необходимым, чтобы Ваше Сиятельство постановили об нем решение по Высочайше предоставленной Вам власти, а меня только удостоили бы уведомлением о Вашем насчет Бригена решении...» [5, л. 175–175 об.].

Однако 30 апреля Горчаков посетовал Орлову, что не смеет выселить Бригена из Кургана, так как ссыльный определен туда монаршей властью. Орлову пришлось обращаться к императору, который 1 июня собственноручно начертил карандашом на рапорте: «Да» [5, л. 193, 199–200 об.]. На исходе того же месяца, 30 июня, губернатор К. Ф. Энгельке писал туринскому городничему А. Д. Водяникову, что «Его Сиятельство назначил г. Бригена заседателем в Туринский Окружной суд на место заседателя Петухова, который переведен к такой же должности в Курган», и велел по прибытии декабриста «учредить над ним полицейский надзор» [6, л. 116–116 об.]. После этого Бриген прожил в Кургане еще около полумесяца: «Наставление командированному для препровождения до города Туринска из государственных преступников коллежского регистратора Александра фон дер Бригена казаку татарского Конного казачьего полка Рабину Алинбаеву» было датировано 14 июля [6, л. 119–121]. В Туринск мятежный заседатель прибыл 20 июля.

Спустя полгода, 2 декабря 1850 года, декабрист М. А. Фонвизин сообщил А. Ф. Бригену, что «в Западной Сибири предназначено сделать ревизию по всем частям управления», что «Горчаков здесь не останется» и что «он, как слышно, в необыкновенном раздражении и пишет самые желчные бумаги» [17, с. 337]. Незадолго до ревизии, 29 декабря 1850 года, был издан монарший указ об увольнении князя П. Д. Горчакова от службы «по расстроенному здоровью». По результатам самой ревизии в марте 1852 г. лишился должности губернатор К. Ф. Энгельке [15, с. 276–277]. Во второй половине того же года граф Л. А. Перовский ушел из МВД на более спокойную позицию министра уделов.

А 19 октября 1851 года А. Ф. Бриген воодушевленно писал М. Туманской из Туринска: «Известное тебе власовское дело кончено в Сенате. Указа об этом я до сих пор не читал..., а знаю только, что Сенат согласился со мною, его (Павла Власова – В. Ш.) оправдал и велел выпустить из острога, в который кн[язь] Г[орчаков] его противозаконно посадил. Следовательно, сделалось по-моему, да иначе и быть

не могло» [3, с. 300–301]. В марте 1855 г. появилось дозволение перевести декабриста в Курган – и уже не коллежским регистратором, а на два чина выше – коллежским секретарем. На рапорте нового генерал-губернатора Западной Сибири генерала от инфантерии Г. Х. Гасфорда об обратном переводе Бригена граф А. Ф. Орлов наложил сердитую резолюцию: «Можно, но если опять будет дерзок, то, не спрашивая, снова перевести из Кургана» [16, с. 248].

До амнистии декабристов оставалось около полутора лет.

Подведем итоги. В отстаивании Александром Бригеном справедливого разбирательства дела об убийстве крестьянина М. Власова можно усмотреть параллели с требованием «Законоположения» Союза благоденствия – искоренять «злоупотребления, в гражданскую службу вкравшиеся», возбуждать «общее мнение против чиновников, кои, нарушив священные обязанности, ... теснят и разоряют тех, которых долг повелевает им хранить и покоить» [7, с. 241–242, 272]. Установка эта продолжала действовать в декабристской среде и после роспуска Союза благоденствия, о чем можно судить по переходу на судебские должности членов Северного общества И. И. Пущина и С. Н. Кашкина. Такие поступки были рассчитаны на большой общественный резонанс: барон М. А. Корф писал, что его лицейский одноклассник Иван Пущин пошел служить «в губернские места... с намерением возвысить и облагородить этот род службы, которому в то время не посвящал себя почти никто из порядочных людей» [8, с. 659]. Ссылному Бригену служба была необходима, чтобы «хоть как-то улучшить свое материальное положение», однако и в этих стесненных обстоятельствах он не изменял чувствам справедливости и долга.

Модель поведения декабриста на судебской должности была описана в «Воспоминании о Рылееве», созданном Н. А. Бестужевым не позднее 1832 года, а потому, вероятно, известном Бригену. В сочинении, которое правильнее было бы назвать не «воспоминанием», а «житием», ориентирами для заседателя Петербургской палаты уголовного суда К. Ф. Рылеева служат «сострадание к человечеству, нелицеприятие, пылкая справедливость, неутомимое защищение истины». «Вечным памятником истины» автор назвал защиту интересов крестьян графа А. К. Разумовского (отца Льва Перовского), когда «император, вельможи, власти, судьи, угождающие силе, – все было против, один Рылеев взял сторону угнетенных» [2, с. 13, 14]. В 1822 году еще не состоявший в тайном обществе Кондратий Рылеев по недостатку доказательств отказался «приступить к обвинению кого-либо из подсудимых» крестьян [11, с. 78–79]. Также поступил и А. Ф. Бриген в 1849 году в отношении крестьянина П. Власова.

Важно отметить, что в противостоянии Бриген – Горчаков у послед-

него не было монолитной поддержки со стороны лиц, облеченных государственной властью. Иначе было бы сложно объяснить, как вообще ссыльный декабрист добился сенатского решения в свою пользу. Никогда более в российской истории репрессированные оппозиционеры и представители политической элиты не были столь тесно связаны сословными, родственными и приятельскими отношениями, совместной учебой и службой, участием в боевых походах, а иногда и бывлым членством в тайных обществах. К этому нужно добавить межведомственную конкуренцию, огласку в дворянской среде, а с ними и угрозу репутационных потерь, влиявшие на решения сановников. Таким образом, помощь государственному преступнику со стороны высокопоставленного лица не обязательно имела политический подтекст, а если имела, то выявить его непросто. Понятно, что князь П. Д. Горчаков в гонениях на А. Ф. Бригена опирался на III отделение, на жандармское ведомство. «Либералист» Л. А. Перовский в этих гонениях участия не принял, но остается под вопросом, оказал ли он действительную помощь бывшему товарищу по Союзу благоденствия.

Литература и источники

1 Бенкендорф А. Х. Записка о Союзе благоденствия, представленная Александру I в мае 1821 г. / А. Х. Бенкендорф // *Декабристы в воспоминаниях современников* / сост., ред., вступит. ст. и коммент. В. А. Федорова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 181–187.

2 Бестужев Н. А. Воспоминание о Рылееве / Н. А. Бестужев // *Воспоминания Бестужевых. Репринтное воспроизведение издания 1951 г.* – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – С. 224–289.

3 Бриген А. Ф. Письма. Исторические сочинения / А. Ф. Бриген. – Иркутск : Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1986. – 576 с.

4 Васильева А. М. Забытый Курган / А. М. Васильева. – Курган, 1997. – 359 с.

5 ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. 109 (Третье отд. Собственной его императорского величества канцелярии). 1 экс. 1826. Д. 61.

6 ГАСО (Гос. арх. Свердловской обл.). Ф. 701 (Туринский городничий). Оп. 1. Д. 323.

7 Закономположение Союза Благоденствия // *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов* : в 3 т. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1951. – Т. 1. – С. 239–276.

8 Корф М. А. Записки / М. А. Корф. – Москва : Захаров, 2003. – 720 с.

9 Лапин Н. А. Декабристы и их связи с крестьянством Тобольской губернии / Н. А. Лапин // *Экономика, управление и культура Сибири*

XVI–XIX вв. – Новосибирск : Наука, 1969. – С. 260–277.

10 Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. / Т. С. Мамсик. – Новосибирск : Наука, 1987. – 270 с.

11 О'Мара, П. К. Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста / П. О'Мара. – Москва : Прогресс, 1989. – 336 с.

12 Пундани В. В. Общественный быт государственный крестьян Урала во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / В. В. Пундани // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. – Свердловск, 1983. – С. 94–103.

13 Пуцин И. И. Записки о Пушкине. Письма / И. И. Пуцин. – Москва : Правда, 1989. – 576 с.

14. Роцевский, П. И. Декабристы в Тобольском изгнании / П. И. Роцевский. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд., 1975. – 168 с.

15 Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под. ред. В. В. Коновалова. – Тюмень : Тюменский издательский дом, 2000. – 577 с.

16 Тальская О. С. Ссылные декабристы на государственной службе в Сибири / О. С. Тальская // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 231–251.

17 Фонвизин М. А. Сочинения и письма / М. А. Фонвизин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – Т. I. – 480 с.

СПИСОК АВТОРОВ

Авдеев Алексей Леонидович, ассистент кафедры «История и документоведение» ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», аспирант ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», заведующий сектором «Региональный центр Президентской библиотеки» ГБУК «Курганская областная универсальная научная библиотека им. А. К. Югова», г. Курган

Борисова Алина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Буянова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, начальник экскурсионно-массового отдела, СПбГБУК «Государственный музей городской скульптуры», г. Санкт-Петербург

Валегина Карина Олеговна, кандидат исторических наук, начальник научно-экспозиционного отдела, СПбГБУК «Государственный музей городской скульптуры», г. Санкт-Петербург

Вьюгова Елена Александровна, заведующая структурным подразделением «Дом-музей декабристов» ГАУК «Курганское областное музейное объединение», г. Курган

Григорьева Верафима Геннадиевна, студентка ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», г. Якутск

Зименков Александр Лазаревич, Действительный Государственный советник Российской Федерации второго класса, заместитель председателя Фонда культурного наследия А. С. Грибоедова, кандидат политических наук, профессор, г. Москва

Иванова Наталия Витальевна, студентка ГОУ ВО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», г. Коломна

Мартынова Вера Викторовна, старший научный сотрудник структурного подразделения «Ялуторовский музейный комплекс», ТМПО, г. Ялуторовск

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган

Менищиков Игорь Самуилович, кандидат исторических наук, доцент, Курганский государственный университет, кафедра «История и документоведение», г. Курган

Петелина Ирина Владимировна, заведующая структурным подразделением «Ялуторовский музейный комплекс», ТМПО, г. Ялуторовск

Потанина Алена Игоревна, заведующая структурным подразделением «Дом-музей декабриста В. К. Кюхельбекера», ГАУК «Курганское областное музейное объединение», г. Курган

Санников Денис Иннокентьевич, студент ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», г. Якутск

Соловьева Александра Николаевна, старший научный сотрудник, СПбГБУК «Государственный музей городской скульптуры», г. Санкт-Петербург

Сухорукова Надежда Владиленовна, заведующий художественным отделением БУ «Колледж-интернат Центр искусств для одаренных детей Севера», г. Ханты-Мансийск

Теришкова Екатерина Владимировна, главный хранитель фондов ГАУК «Курганское областное музейное объединение»; старший преподаватель кафедры «История и документоведение», Курганский государственный университет, г. Курган

Чертков Алексей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный педагогический университет, г. Москва

Черткова Ярослава Алексеевна, студентка, Московский государственный университет спорта и туризма, г. Москва

Шкерин Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авдеевко А. Л.

«ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОРЦЫ ПРОТИВ ЦАРИЗМА»: СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ССЫЛЬНЫХ ДЕКАБРИСТАХ В КУРГАНЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	3
--	---

Борисова А. В.

«СМЕЕШЬ ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ В ТОТ НАЗНАЧЕННЫЙ ЧАС?»: ОБРАЗ ДЕКАБРИСТА В «ПЕТЕРБУРГСКОМ РОМАНСЕ» А. А. ГАЛИЧА	12
--	----

Буянова А. С., Валегина К. О., Соловьева А. Н.

ДЕКАБРИСТСКИЙ ПЕТЕРБУРГ. О ПРЕДМЕТАХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ГОРОДСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ.....	17
---	----

Вьюгова Е. А.

МУЗЕЙНЫЙ ТУРИЗМ – АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРГАНСКОГО ДОМА-МУЗЕЯ ДЕКАБРИСТОВ.....	23
--	----

Григорьева В. Г.

УПОМИНАНИЯ О ЯКУТСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАЗДНИКЕ ЫСЫАХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЭТОВ-ДЕКАБРИСТОВ	30
--	----

Зименков А.Л., Черткова Я. А.

СОХРАНЕНИЕ НАСЛЕДИЯ А. С. ГРИБОЕДОВА В КОНТЕКСТЕ ДЕКАБРИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ	35
---	----

Иванова Н. В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕКАБРИСТОВ ПОСЛЕ АМНИСТИИ 1856 ГОДА	39
---	----

Мартынова В. В.

«ИХ РАЗЛУЧИЛА ТОЛЬКО КАТОРГА И СМЕРТЬ»	47
--	----

Маслюженко Д. Н.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРВОМ КУРГАНСКОМ ГОРОДНИЧЕМ И. П. РОЗИНГЕ....	50
---	----

Менищников И. С.

КНЯЗЬ А. М. ГОРЧАКОВ И ДЕКАБРИСТЫ	60
---	----

Петелина И. В.

ПИСЬМА И ВОСПОМИНАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ И ИХ «СОЮЗНИКОВ» – СВИДЕТЕЛЬСТВА «ЧИСТЫХ ПОМЫСЛОВ» «ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ ИЗ ДВОРЯН» ...	68
--	----

Потанина А. И.

О ПОТОМКАХ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	78
--	----

Санников Д. И.

ЭКСПОЗИЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДЕКАБРИСТАМ, В МУЗЕЯХ ГОРОДА ЯКУТСКА	84
---	----

Сухорукова Н. В.

КАНТ И ТОБОЛЬСКИЙ КРУГ ДЕКАБРИСТОВ.....	88
---	----

Тершукова Е. В.

ИСТОРИЯ ДОМА ЗЕМСКОГО ИСПРАВНИКА А. И. ДУРАНОВА В КУРГАНЕ	91
---	----

Чертков А. С.

А. С. ГРИБОЕДОВ И ДЕКАБРИСТЫ В МНОГОМЕРНОЙ ОПТИКЕ.....	99
--	----

Шкерин В. А.

ИЗ КУРГАНА В ТУРИНСК И ОБРАТНО: «ВЛАСОВСКОЕ ДЕЛО» В СУДЬБЕ ДЕКАБРИСТА А. Ф. БРИГЕНА	103
--	-----

Список авторов	111
-----------------------------	-----

Научное издание

ИСТОРИЯ. СИБИРЬ. ДЕКАБРИСТЫ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной
200-летию со дня выступления на Сенатской площади и 50-летию
со дня открытия курганского Дома-музея декабристов
Курган, 16–17 октября 2025 г.

Редактор Н. М. Быкова

Подписано к печати 13.10.25

Формат 60х84 1/16

Бумага 80 г/м²

Печать цифровая

Усл. печ. л. 7,125

Уч.-изд. л. 7,125

Заказ 35

Тираж 100

Библиотечно-издательский центр КГУ.

640020, г. Курган, ул. Советская, 63/4.

Курганский государственный университет.